

Библиотечка
ВОЕННЫХ
приключений

МАРИАН БЕЛИЦКИЙ

Баццлла
№ 0,78

БИБЛИОТЕЧКА ВОЕННЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

МАРИАН БЕЛИЦКИЙ

БАЦИЛЛА № 0,78

ПОВЕСТЬ

Сокращенный перевод с польского
Я. НЕМЧИНСКОГО

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОЕННОГО МИНИСТЕРСТВА СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1952

Мариан Белицкий — молодой польский писатель, член Польской Объединенной Рабочей Партии (ПЭПР), офицер Войска Польского. В годы второй мировой войны он сражался против фашистов плечом к плечу с воинами Советской Армии, побывал в Советском Союзе.

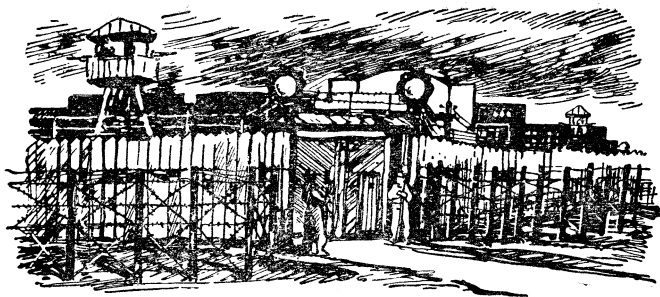
Повесть «Бацилла № 0,78» написана М. Белицким в 1951 году, когда еще американские войска не применяли в Корее бактериологического оружия. Но писатель, понимая природу империализма вообще, звериноподобный характер американских империалистов в особенности, показал, что они могут встать на путь бактериологической войны.

М. Белицкий показывает в повести и силы, способные обуздать врагов человечества — миллионы людей доброй воли, выступающих под знаменем борьбы за мир и демократию.

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Военное Издательство просит присылать свои отзывы и замечания на эту книгу по адресу: Москва, 53, Орликов пер., 3, Управление Военного Издательства.

ВОЛНЕНИЕ В ПОЛИЦИИ

В 17.30 начальник полиции 5 округа г. Токио капитан Ямагиси записал в книге рапортов:

«Демонстрация на Императорской площади разогнана. Поручик Тамура и подпоручик Сотойяра доносят: убито демонстрантов 4, ранено 37. Повреждение получили 23 полицейских. На месте демонстрации арестовано 14 лиц, виновных в возбуждении толпы. Одного из арестованных, Такео Фукуда, удалось схватить в момент произнесения речи, в которой он требовал наказания преступников, подготавливающих бактериологическую войну. Такео Фукуда, назвавшийся так при задержании, документов при себе не имеет. Как наиболее подозрительный красный агитатор отправлен согласно инструкции 572 под специальным конвоем в распоряжение МП. Остальные арестованные заключены в дежурные камеры при управлении 5 округа».

Кто-то осторожно постучал в дверь.

— Войдите! — крикнул Ямагиси.

Вошел сержант полиции, задержался на пороге, щелкнул каблуками и отдал честь.

— Подойди сюда, Токава! — приказал Ямагиси. — Вот тебе особо секретный пакет, отвезешь его в префектуру и сдашь лично господину полковнику. По возвращении немедленно доложишь о выполнении приказа. Кругом!

* * *

Над дверями, ведущими в кабинет шефа префектуры токийской полиции, горела красная сигнальная лампочка. Дежурный адъютант бесшумно двигался по приемной, тихо отвечал на бесчисленные телефонные запросы и что-то отмечал на узкой полоске бумаги. Красный сигнал означал, что шеф очень занят и его нельзя беспокоить.

В просторном и светлом кабинете полковника Риуси находился важный посетитель — невысокий полный мужчина с апоплексическим лицом и узкими седыми усиками. Он курил американские сигареты одну за другой и с покровительственной улыбкой слушал информацию полковника. Наконец, он нетерпеливо махнул рукой. Полковник смолк и с уважением склонил голову.

— Я не согласен с тобой, дорогой Риуси! — после минутного молчания сказал гость. — Несомненно, присутствие американцев в священной Японии может уязвить нашу национальную гордость. Подчеркиваю, — гость поднял указательный палец, — может, но не должно. Ты сам признаешь, что по отношению к нам, то есть к людям, представляющим великую Японию, американцы держат себя очень предупредительно. Я бы даже сказал — по-приятельски.

— Но суют свой нос всюду! — гневно воскликнул Риуси.

Гость с неудовольствием поморщился.

— Ты стал очень нервным, мой дорогой Риуси! Не думаю, что это полезно для твоей службы.

Полковник почтительно приложил руку к груди. — Так вот, — продолжал гость, — мы дошли до того, что американцы относятся к нам, как приятели. Правда ли это? Безусловно, да! Достаточно присмотреться к их деятельности. С первой же минуты их прихода в Японию, то есть с момента окончания войны, они перестали видеть в нас своих врагов. Полагаю, что ты читаешь американские газеты? Ну, так ты, наверно, не раз встречал там статьи рассудительных американских политиков, утверждающих, что в свете послевоенных событий становится все яснее и яснее тот факт, что Соединенные Штаты совершили непоправимую ошибку, выступив в последней войне против Германии и нас. Это умно!

Полковник молча кивнул.

— Ну, вот видишь! — усмехнулся гость. — Нужно только рассуждать логично... В данный момент Япония является единственным местом в Азии, где американцы чувствуют себя относительно уверенно. Подчеркиваю — относительно. В наших ли интересах ослабить их позиции? Нет!.. Их проигрыш означает наше поражение. Ясно? Посмотри на город... — гость протянул руку к окну, из-за которого в комнату долетал шум большого города, — ведь там кипит, как в котле. Мы, дорогой Риуси, — гость склонился к уху полковника, — сидим на бочке с порохом... Да, да!

Он помолчал, снова поглядел в окно и, презрительно скривив тонкие бледные губы, продолжал:

— Этот проклятый сброд не может и не хочет согласиться с непреложным фактом: несмотря на военное поражение, в Японии ничего не изменилось. У кормила правления все-таки стоим мы, а не люди улицы... И тут должно вспомнить, что только благодаря американцам наши старинные обычаи и порядки не оказались втоптаннными в грязь теми...

с улицы. Мы благодарны американцам за то, что, несмотря на войну и ее последствия, основа нашей жизни, — гость указал пальцем сначала на себя, потом на полковника, — и идея «тенно» не потерпела поражения. Понимаешь?

— Да, господин генерал! — почтительно ответил Риуси.

— Поэтому ты не должен, дорогой Риуси, так злиться на американцев. Пожалуй, если бы не они, кто знает: может быть, вместо этого кабинета сидел бы ты в одной из тюремных камер, заключенный туда как раз теми, которых теперь ты сам так старательно и поспешно отправляешь туда... А сны о нашем могуществе и величии, — добавил генерал после минутного раздумья, — могут исполниться только при поддержке новых друзей — американцев. Пойми, что их с нами связывает одна и та же опасность и сейчас не время ссориться или спорить. Ты ведь хорошо знаешь, что нашему миру грозит гибель — ее готовят нам те, которые сегодня еще только кричат на улицах, но завтра могут перейти к действиям. Революция, дорогой Риуси, — это страшная, неумолимая сила! Я впервые столкнулся с нею еще в 1918 году, когда командовал одним из наших отрядов в Сибири, но до сих пор помню ее страшное дыхание...

На столе трижды прозвенел звонок — сигнал, что адъютант просит приема по срочному делу.

Полковник взглядом попросил извинения у собеседника и нажал кнопку. Вошел адъютант.

— Докладываю, господин полковник: от капитана Ямагиси доставлен срочный пакет о сегодняшних событиях.

— Оставьте!

Адъютант вышел. Полковник нервно вынул из пакета листок и близко поднес к глазам: он был близорук, но не пользовался очками.

— Ну, что там слышно? — спросил его собеседник.

Полковник перестал читать.

— Ничего особенного, господин генерал. Разогнана демонстрация на Императорской площади. Есть несколько убитых. Кроме того, задержан руководитель демонстрации... Капитан Ямагиси, это один из моих самых способных офицеров — он не тратит попусту ни времени, ни усилий.

Гость, которого Риуси, несмотря на его штатский костюм, все время называл генералом, встал с кресла и через стол заглянул в рапорт. На апоплексическом лице отразилось удовлетворение. Он дочитал до конца и внезапно поднял брови. Машинально коснулся пальцами своих усов, потом потер лоб, словно вспоминал что-то давно прошедшее и уже забытое.

— Фукуда? — вслух повторил он, — Фукуда... Я кажется где-то слышал эту фамилию. Сейчас... Не могу себе представить, где я слышал эту фамилию, но... это, видимо, было связано с каким-нибудь любопытным, очень любопытным случаем... Фукуда... Фукуда... бактерии... — и вдруг, словно его ударил электрический ток, гость дернулся всем телом и бросился к удивленному полковнику. — Вспомнил! Знаю!.. Немедленно связывайся с полковником Кроссби из штаба американских войск! Быстрей, Риуси!.. Наконец-то я его нашел! — прорычал генерал.

* * *

Сержант полиции Токава, отнеся пакет капитана Ямагиси в префектуру, медленно возвращался в полицейское управление 5 округа. Он шел, как всегда погрузившись в унылые размышления. Четыре дня назад капитан Ямагиси поручил ему возглавить операцию против демонстрантов. Во время

этой облаты камень пролетел мимо головы сержанта всего в нескольких сантиметрах. Страшно...

Он невольно тревожно осмотрелся по сторонам. На улице все было в порядке. Автомобили сновали во всех направлениях; большинство из них было с американскими опознавательными знаками, мчались они сломя голову, не обращая внимания ни на какие сигналы.

— Дьяволы! — ругнулся про себя Токава. — Из-за них столько катастроф каждый день, что никогда спокойно не подежуришь. Ездят как сумасшедшие, черти!

В эту минуту внимание сержанта привлекла толпа на углу. Люди что-то кричали и бежали туда. Токава сначала хотел обойти опасное место; он хорошо знал, что там, где собирается толпа, полицейскому всегда может попасть по ребрам. Однако, заметив ребятишек, понял — опасности нет.

Одернув мундир Токава с грозным видом подошел к толпе. Какой-то оборванный мальчишка рассказал сержанту, что несколько минут назад тут произошла автомобильная катастрофа.

Злобно покрикивая, Токава начал расталкивать людей. Они неохотно расступились, и сержант добрался до остатков разбитой машины. Достаточно было беглого взгляда, чтобы убедиться: автомобиль принадлежал 5 округу. Возле машины сутился полицейский с окровавленным лицом; он вытаскивал из кабины убитого шофера.

— Фурнич! — крикнул Токава, опознав раненого. — Что ты тут делаешь? Что случилось?

Полицейский поднял голову и, увидев своего сержанта, вытянулся в струнку.

— Катастрофа произошла, господин сержант. Мы ехали, — голос полицейского понизился до шепота, — в МП с одним красным. За рулем сидел Сиродзуки, а я находился рядом с арестованным...

Смотрю перед нами какой-то виллис крутится, словно там шофер вдребезги пьяный. А потом что-то грохнуло, треснуло... и вот конец... — жалобно закончил полицейский, указывая на остатки автомобиля.

В это время раздался вой сирены, и к месту происшествия подъехала санитарная машина. Замелькали белые халаты санитаров. Токава угрюмым взглядом посмотрел на все это и вдруг вспомнил:

— А где арестованный?

Полицейский беспомощно развел руками и голосом, в котором звучал явный страх, тихо ответил:

— Убежал!..

* * *

— Подпоручик Сотойяра! Мой приказ об арестованном коммунисте Фукуда выполнен?

Слово «коммунист» Ямагиси произнес подчеркнуто, давая этим понять подчиненному, что он, Ямагиси, хорошо знает, кого нужно арестовывать. На самом деле Фукуда был ему совершенно неизвестен.

— Да, господин капитан! Машина с ним выехала полчаса назад в МП.

Ямагиси довольно усмехнулся.

— Хорошо! Вы свободны, подпоручик. Но на будущее запомните: о выполнении приказа докладывайте мне немедленно!

Сотойяра шелкнул каблуками, но не успел подойти к дверям как в кабинет быстро вошел сержант Токава.

— Господин... господин капитан! — закричал он еще с порога.

Капитан вскочил.

— Что такое, сержант? Что случилось?..

Ямагиси почувствовал, как похолодела у него спина.

— Машина, которая везла арестованного в МП, потерпела аварию. Шофер убит. Конвойный полицейский Фурничи ранен.

— А что с арестованным, осел? — заорал Ямагиси.

— Убежал... — простонал Токава.

— Убежал?! — капитан от неожиданности упал в кресло. — Убежал?.. Как это убежал? Куда убежал? — завыл он. — Кто убежал, болван? Арестованный?

— Да...

— Дать мне его сюда! — трахнул кулаком по столу Ямагиси, — дать мне немедленно этого подлеца Фурничи!.. Убью! Застрррелю!.. Позволил удрать такому...

Токава в страхе пятился к двери, пытаюсь поскорее убраться из кабинета, но на пороге его остановил новый бешеный окрик капитана:

— Стой!!.. Откуда ты знаешь об этом? Где Фурничи?

— Его перевязывают в амбулатории, господин капитан...

Ямагиси снова яростно застучал кулаком по столу.

— Немедленно доставить его ко мне!.. Сейчас же!

На столе зазвонил телефон. Ямагиси машинально потянулся к аппарату...

* * *

Генерал шагал по кабинету. Неподвижно сидевший в кресле полковник жадно ловил каждое его слово. Все, что он сейчас услышал, звучало как сказка.

— Понимаешь теперь, Риуси, почему я так хочу поймать этого Фукуду, почему мы должны покончить с ним раз и навсегда?

Полковник кивнул головой.

— Если задержанный действительно тот самый Фукуда, то я хотел бы лично уладить это дело с американцами. Правда, я не являюсь сейчас должностным лицом, но...— генерал усмехнулся и прищурил глаза, — ты хорошо знаешь, что со мной считаются все.

— Конечно, конечно, господин генерал! Как только получим ответ от полковника Кроссби, сразу поедем на место. Мне хотелось бы послушать, как господин генерал будет «беседовать» с этим Фукудой, — угодливо ответил Риуси.

Генерал покровительственно похлопал его по плечу.

— Да, да, это пригодится тебе, дорогой Риуси! Ты и в эти годы не тратил времени понапрасну. В школе жандармерии, я хорошо помню это, ты был моим лучшим учеником.

Полковник благодарно и почтительно улыбнулся. В кабинете воцарилась тишина, нарушаемая только отголосками уличного шума. Наконец, генерал прервал молчание.

— Я еще тогда был уверен, что Фукуда — коммунист. Может быть в то время коммунисты специально заслали его к нам? Но кто тогда мог подумать об этом! Он приехал туда, как рассказал мне об этом полковник Мацумура, по поручению самого Исии!.. Да, да... — генерал тяжело вздохнул. — Как иногда бывает трудно с первого раза понять, с кем ты имеешь дело!..

Звонок телефона прервал разговор. Риуси поднял трубку. С минуту слушал молча, потом посмотрел на генерала и кивнул головой.

— Хорошо! Едем!

— Что там такое! — заинтересовался генерал.

— Звонили из канцелярии Кроссби, — ответил Риуси. — Он просит, чтобы мы приехали к нему.

— Ну, вот видишь, полковник,— генерал потерял руки от удовольствия,— видишь, как работают американцы? Говорил же я тебе! Это первоклассные союзники!

* * *

Полковник Кроссби открыл банку пива и вылил ее содержимое в высокий бокал. Пил мелкими глотками, одновременно вытирая рукой обильный пот со лба. Откинувшись на спинку кресла, Кроссби взгромоздил ноги на письменный стол и, расстегнув рубашку, сдвинул галстук в сторону. Это придало ему вид настоящего кабацкого забулдыги. Полковник громко сопел и беспрестанно сплевывал, словно находился не в кабинете, а среди загулявшей американской матросни. Внезапно Кроссби что-то вспомнил.

— Хелло, Рогге!.. Рогге! — хрипло закричал он в сторону двери.

На зов вошел невысокий тучный человек в военной форме. Горящая сигарета едва держалась в уголке его губ, мундир на нем висел, как мешок. На погонах небрежно были приколоты знаки, свидетельствующие, что вошедший имеет чин старшего лейтенанта.

— На, выпей пива! — буркнул Кроссби, протягивая ему новую банку.— И выкладывай, что сделано.

— Прежде всего обругал кретина Ямагиси из пятого округа, а потом позвонил Риуси, чтобы он приехал вместе с этим твоим приятелем Канадзавой.

— Олл райт! А ты узнал, что за фигура такая, этот Фукуда? Должно быть, дьявольски хитрая бестия, если так бесследно исчез, а? Кто он такой?

— Никто не знает. Я проверял в «Г-2», но и там ничего нет. В их картотеках такая фамилия не фи-

гурирует. А в конце концов, зачем спешить? Этот твой любимчик Канадзава все тебе расскажет.

— Не насмешничай, Рогге! Не забудь, что ты находишься в кабинете своего шефа... Канадзава — это умная голова. Таких, как он, немного встретишь в жандармерии. Технику нашего дела он знает, как свои пять пальцев. Это, пожалуй, один из лучших специалистов по красным делам.

— Ну и что?

— Эх, Рогге, Рогге! Ты решительно не годишься для службы в МП. Ты был и остался простым биржевым маклером. Подумай: если Канадзава поднимает шум по поводу этого Фукуды, значит, это дичь крупная. Ясно? А мы ничего о нем не знаем. На что это похоже?

— Пфф! — фыркнул Рогге. — Надо подойти к вопросу по-умному, то есть незаметно вытянуть из старика все, что ему известно. Этому-то я научился еще на бирже!

Полковник Кроссби громко захохотал.

— Да, это действительно... способ!.. Но худший комизм в том, что Фукуды нет — потеряли по дороге.

— Это нас не касается! — буркнул Рогге. — За него отвечает болван Ямагиси.

— С каждым может случиться что-нибудь подобное... — заметил Кроссби.

— Верно. В каждом бизнесе есть свой риск...

На маленьком коммутаторе, стоявшем на столе, зажглась зеленая лампочка

— Посмотри, кто там пришел. Может быть это они? — сказал Кроссби, поспешно застегивая рубашку и одевая френч.

Старший лейтенант вышел и вскоре вернулся.

— Да, они.

— Проси.

Церемония приветствия сегодня не затянулась. Кроссби предложил гостям пиво. Риуси, немилосердно кривясь, отпил половину бокала и отставил его в сторону. Канадзава вежливо, но решительно отказался.

— Давно мы с вами не виделись, генерал!— начал разговор Кроссби.

— Ничего удивительного, мистер Кроссби. Не следует отнимать драгоценное время у людей, которые посвящают его важным делам.

— Хорошее правило...— буркнул Рогге.— Человек бизнеса не должен терять время зря.

Генерал посмотрел на старшего лейтенанта, как бы желая сказать что-то резкое, но вместо этого криво усмехнулся и обратился к полковнику Кроссби:

— Разве ваш сотрудник является...

— Да, дорогой генерал,— поспешно вмешался Кроссби,— это мой ближайший помощник, старший лейтенант Рогге. Он руководит отделом антиамериканской деятельности.

Разговор прервался. В течение нескольких минут Кроссби только шумно прихлебывал пиво, изредка поглядывая на гостей. Лица их были бесстрастны. Кроссби яростно выругался про себя.

Хорошие советы дает Рогге, но как их выполнить, если тут приходится иметь дело не с американцами, а с чрезвычайно скрытными японцами? Полковник понимал, что Канадзава и Риуси не начнут разговора о том, что привело их сюда, пока он сам не коснется этого вопроса. Но как начать? Вероятно Риуси еще не знает, что арестованный сбежал,— Рогге звонил ему сразу же после разговора с Ямагиси, но ничего не сказал о побеге. Конечно, и Ямагиси не спешил с подобным донесением... Как в этом случае начать разговор? С чего? Если сразу сказать им, что Фукуда исчез, то

японцы могут превратить все дело в пустяк и, после выполнения церемонных приветствий, уйти. Надо начать как-то дипломатично... Но как?

Из затруднительного положения полковника вывел Рогге.

— Интересная птица, этот Фукуда,— буркнул он, зажигая сигарету.

Канадзава заерзал в кресле.

— Вы уже успели это установить?— тревожно спросил он, внимательно глядя на Кроссби.

— О, йес! — невнятно пробормотал полковник.

— Ну, это было не так уж сложно,— поспешно вмешался Рогге, стараясь отвести внимание гостей от замешательства Кроссби.— С ним будет немало возни, — добавил он многозначительно, — даже очень много, я бы сказал. Уважаемым гостям он, видимо, доставил порядочно хлопот?

Генерал Канадзава переглянулся с Риуси.

— Да, мы знаем его не первый день, — ответил генерал после минутного молчания. — Я лично столкнулся с ним первый раз еще в 1944 году...

— Простите, экселенц! — Рогге нарочито употребил этот пышный титул.— Не мог бы экселенц кое-что поведать нам о давних делах этого Фукуды? Это помогло бы нам решить, что делать дальше с этим преступником.

— Вы правы, мистер старший лейтенант. До того, как мы перейдем к текущим делам, стоит познакомиться с прошлым человека, носящего имя Такео Фукуда. Особенно, если взять во внимание, что он один из немногих, имеющих такое прошлое.

Кроссби и Рогге уселись поудобнее, приготовившись слушать. Полковник даже вытянул из-под кресла новую банку с пивом и наполнил бокалы.

— Я столкнулся с Фукудой, — начал Канадзава,— в 1944 году... Военное положение Японии к

этому времени значительно ухудшилось. На фронте...

Рогге скривил физиономию, Кроссби стал внимательно разглядывать занавеси на окнах, колеблемые легким ветерком. Генерал анализировал обстановку на фронтах в 1944 году так нудно, что американцы не могли скрыть своей досады. Заметив это, Канадзава быстро перешел к последующим событиям. Когда впервые прозвучало слово «бактерия», Кроссби и Рогге насторожились. Оба стали слушать внимательно, стараясь не пропустить ни одного слова. Через несколько минут Рогге, не удержавшись, протяжно свистнул, но тут же спохватился и сделал равнодушное лицо. Кроссби взглядом показал ему на блокнот, и старший лейтенант стал записывать наиболее важное. Когда генерал закончил, Кроссби сорвался с кресла и отворачиваясь выругался. Японец довольно усмехнулся — янки не выдержал! Ясно, что сообщенные сведения имеют для американцев огромное значение.

— Теперь, господа, вы знаете все о прошлом Фукуды и можно будет перейти к настоящему, — сказал Канадзава. — Что вы собираетесь предпринять, сэр?

Кроссби посмотрел на своего помощника. Рогге медленно вытянул из кармана пачку сигарет, достал одну и так же неторопливо закурил. Затем неожиданно обратился к полковнику Риуси:

— Простите за нескромный вопрос, капитан Ямагиси хороший сотрудник?

Риуси удивленно посмотрел на Рогге.

— Очень хороший.

— Вы ошибаетесь, полковник! — грубо оборвал его Рогге. — Капитан Ямагиси — болван!

— Вы забываетесь, старший лейтенант! — вспылил Риуси, срываясь с места.

Кроссби тоже резко поднялся.

— К сожалению, нет! — холодно произнес он. — Старший лейтенант Рогге прав.

— Как это прикажете понимать?

— Дословно. Капитан Ямагиси держал в своих руках Фукуду...

— Позвольте, как это держал? — вмешался Канадзава.

— Так. Держал. Именно держал, но теперь уже не держит. Ни он, ни мы.

— Это значит?

— Это значит, что Фукуда удрал из автомобиля. Из полицейского автомобиля! Понимаете? Уд-рал! Из-под конвоя, выделенного капитаном Ямагиси. По дороге к нам. Воспользовался небольшой аварией, господа!

— Что-о-о? — захрипел генерал, не помня себя от ярости.

Риуси стоял рядом с ним бледный и растерянный...

ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ БЕЖАЛ ИЗ АВТОМОБИЛЯ

Машина быстро мчалась по улицам Токио. Но мысли человека, который сидел в ней, летели еще быстрее. За ветровым стеклом мелькали фигуры спешащих людей, автомобили, пересекающие дорогу, но ближайшую часть улицы заслоняла фуражка полицейского, развалившегося рядом на сиденье. Боковые стекла машины были закрыты плотными темными занавесками. Полицейский не спускал глаз с арестованного и крепко держал в руке автоматический американский пистолет, как бы давая понять задержанному, что всякая мысль о побеге — нереальна.

Однако арестованный упорно думал о побеге; думал с самой первой минуты ареста, когда отвратительные лапы полицейских стянули его с импровизированной трибуны, устроенной на открытой платформе небольшого грузовика. Он продолжал думать об этом и тогда, когда его впахнули в крытый полицейский автомобиль. Мысль о побеге не покидала его и в тот момент, когда жадные руки полицейского офицера выворачивали его карманы в поисках документов..

Сейчас он раздумывал над тем, почему так навязчиво и неотступно преследует его эта мысль о побеге.

В конце концов партия всегда найдет кого-нибудь на его место... Значит тут дело только в том человеке, которого он увидел три недели тому назад и за которым ездит с тех пор, как тень. Именно в нем!.. Как плохо, что он не показал этого преступника никому из товарищей... Арестованный припомнил слова партийного руководителя: «...Человек может быть сильным и уверенным только тогда, когда действует в содружестве с товарищами». Ну, вот и результат — забыл об этом правиле, а теперь приходится горько сожалеть о своей ошибке! Вот они — плоды одинокого хождения по собственным дорогам! Из-за этого приходится сейчас ехать в тюрьму, а тот преступник, конечно, скроется..

А что если попробовать отворить дверцу и выскочить на повороте?.. Арестованный был неплохим спортсменом, — ничего бы с ним не произошло. Особенно теперь, когда машина идет не так уж быстро...

Осторожно, стараясь не привлечь внимания конвоира, арестованный пошевелил руками. Медленно, очень медленно, сантиметр за сантиметром, он стал подвигать левую руку к ручке дверцы..

— Держать лапы сзади! — заорал полицейский.

Арестованный ничем не обнаружил своего волнения. Наоборот,— удивленно посмотрел на взбешенного конвоира и спокойно ответил:

— Машину очень качает, я хотел придержаться за петлю.

— Молчать! — крикнул полицейский. — Знаем мы вас!

Как бы желая придать вес своим словам, конвоир чванливо помахал перед глазами арестованного дулом пистолета, но человек, казалось, не обратил на это никакого внимания. Спокойно смотрел он вперед через голову шофера, однако руки его вспотели. Сейчас, за тем вон углом, нужно попробовать обезоружить полицейского и бежать — бежать во что бы то ни стало!.. Пока шофер придет в себя, будет уже поздно: на улице можно скрыться моментально — народ не любит полицейских...

Внезапно раздался хватающий за душу визг тормозов. Машину встряхнуло, заскрипел кузов и донесся звон разбитого стекла. Что-то острое ударило арестованного прямо в лицо, и он почувствовал, как по щеке течет кровь... Сознание затуманилось... Когда через мгновение он открыл глаза, машина стояла, сильно накренившись в сторону. Рядом сидел, подавшись вперед, полицейский. Его рука, державшая пистолет, безвольно свисала вниз. Шофер повис на остатках сломанной баранки руля. Вокруг машины столпились люди...

Арестованный дернул дверцу раз, другой... Она поддалась. Одним быстрым рывком человек выскочил из машины. Толпа смолкла, люди расступились. Арестованный несколькими прыжками пересек улицу. К его счастью, катастрофа произошла в европейском квартале, застроенном высокими домами. Пробегая мимо отскакивающих при виде его окровавленного лица людей, арестованный жадно

искал глазами открытые ворота, куда можно было бы скрыться на случай погони...

Внезапно он почувствовал за собой чье-то шумное дыхание. «Гонятся!» — мелькнула страшная мысль. Но он настолько ослаб, что уже не мог ускорить бега. К тому же нестерпимо стала болеть нога. Видимо, во время аварии его ударило чем-то. Внезапно неизвестный преследователь дернул его за рукав и шепнул:

— Сюда, в эти ворота, товарищ!

Когда они вбежали в ворота, беглец оглянулся и увидел рядом с собой молодого человека в рабочем комбинезоне.

— Теперь сюда, влево! — крикнул тот.

В углу двора виднелась небольшая, но широкая дверь в стене. Человек в комбинезоне толкнул ее, и бежавшие очутились в темном помещении, где пахло гнилой сушеной рыбой.

— Хватит сил пробежать еще немного? Здесь нас могут догнать... — сказал неожиданный проводник.

— Да, бежим дальше...

— Возьми! — человек в комбинезоне протянул арестованному лоскут полотна. — Вытри лицо, а то люди пугаются при виде крови.

Они выскочили через противоположные двери. Незнакомец осмотрелся вокруг — на дворе никого не было.

— Туда! — бросил он, быстро направляясь в сторону сада, раскинувшегося за домом. Перебираясь через какие-то дворы, сады, огороды, они оказались, наконец, на узкой застроенной легкими японскими домиками улице. Людей здесь было много, чувствовалось, что это рабочий район. При виде бегущих, люди расступались, как бы желая помочь беглецам поскорее скрыться от погони.

— Мы почти на месте, — едва переводя дух,

сказал человек в комбинезоне, когда они вбежали во двор одного домика.

Возле сарая стоял большой крытый грузовик.

— Быстрее! — коротко бросил человек в комбинезоне. — Садись в кабину! Только постарайся закрыть лицо — на нем еще видны следы крови.

Через минуту оба уже ехали по узеньким улочкам рабочей части города.

— Куда ты везешь меня? — тихо спросил беглец.

— К императору! — неохотно ответил шофер. — Когда нужно будет, узнаешь.

Снова наступило молчание.

Ехали осторожно и не очень быстро. Наконец, машина остановилась.

— Подожди! — сказал шофер, выскакивая из машины.

Через несколько минут он вернулся в сопровождении старого японца в потрепанном кимоно.

— Возьмете его? — спросил шофер у старика, показывая на беглеца.

— Могу, — коротко ответил человек в кимоно.

— Вылезай, — сказал шофер, — теперь мы совсем на месте. Тут тобой займутся.

Они вошли в домик. На улице послышался удаляющийся шум машины. «Мой спаситель, кажется, уехал», — подумал беглец.

— Разденьтесь, потом умойтесь, — сказал старик, показывая на большой таз и два ведра с водой.

Умываясь, человек заметил, что у него рассечен лоб и оцарапано лицо: лишь теперь он почувствовал жгучую боль. Старик проводил своего гостя в комнату, заставленную медицинским оборудованием.

— Вы доктор? — спросил беглец.

— Да. Садитесь, садитесь. Вот здесь... Так. Сейчас посмотрим, что с вами.

Он кусочками ваты и марли осторожно промыл рану на лбу.

— Ничего страшного. Только тут,— старик дотронулся до раны возле глаза,— придется наложить шов. Через неделю и следа не останется.

Человек хотел встать, но старик остановил его.

— Подождите, я еще посмотрю ногу. Вы ведь кажется хропали.

Прибывший вытянул вперед ногу и оперся на низкий столик.

— Наделал я вам хлопот, доктор!

— Ничего. Я уже привык к этому,— спокойно ответил старик.— А в общем если вы меня будете слушать и ляжете сейчас спать, то никаких хлопот не будет.

Доктор проводил пациента в соседнюю комнату. Усевшись на цыновку, беглец вдруг почувствовал страшную усталость. С радостью подумал он о том, что может, наконец, отдохнуть,— здесь были не враги, а друзья. Это он ощущал интуитивно, да и сами факты подтверждали мысль: о ловушке не могло быть и речи. До вечера он сможет выспаться и отдохнуть, а потом найдет того...

— Прощу! Вот вам чай, а здесь сушеная рыба и кусок хлеба. Увы — ничего больше в моем доме нет, — произнес доктор, входя в комнату.

Гость встал.

— Сидите, сидите! Вы не только мой пациент, но и гость. Ведь вас привезли сюда не только для лечения.

— То есть как это? — удивился прибывший.

— Косуке сказал мне, что вы должны побыть здесь несколько дней, пока шпики не перестанут вас искать. Ясно?

Гость задумался: «Так. Значит шофера зовут Косуке... А этот дом, видимо, явка партии, где в случае опасности укрывают преследуемых полицией... Так, так... Ну, что ж — это очень хорошо! Сама жизнь учит меня не отрываться от коллектива!..»

ПОЛКОВНИК КРОССБИ НАЧИНАЕТ РОЗЫСК

Приближался вечер. Полковник Кроссби длинными шагами мерял свой кабинет. Мягкий ковер заглушал тяжелые шаги. Казалось, что Кроссби ходит совсем бесшумно. Обитые войлоком и кожей двери, плотно закрытые окна, толстые стены здания не пропускали в комнату никаких посторонних звуков. В кабинете царил такая глухая тишина, что это начало раздражать полковника. Дойдя до письменного стола, он носком сапога отбросил конец ковра. Теперь Кроссби мог ходить от стола до противоположной стены прямо по полу, громко стуча ботинками.

Топот был приятен Кроссби и как-то отвлекал от размышлений. А мысли бродили в голове не очень-то веселые.

Уже в течение трех лет Кроссби был начальником управления МП. Такое назначение он получил от самого Макартура. Год тому назад добавилась еще одна очень важная функция — представительство в комиссии по расследованию антиамериканской деятельности в Японии. Работа эта оказалась не из приятных, особенно в такой стране, как Япония. Здесь полковник до сих пор чувствовал себя неуверенно.

Перед войной Кроссби, еще будучи майором, занимался делами особой важности на Филиппинах. Это обходилось без особых хлопот: он был почти

неограниченным властителем жизни и смерти тех людей, дела которых попадали в его «особое бюро». Там он мог делать все, что только вздумается. А здесь, в Японии, ситуация складывается очень, очень сложная. Полковнику частенько приходится ломать голову над тем, как поступить в том или другом случае, чтобы не попасть впросак. Времена резко изменились, и люди мало напоминают самих себя, какими они были перед войной. Да и не только в Японии! На Филиппинах теперь тоже бурлит и кипит, как в котле... Недавно один приятель писал оттуда, что однажды вынесли они смертный приговор нескольким «красным». Было это сделано очень быстро, поскольку те черти — подумать только! — договорились до решения... выбросить американцев с Филиппин!.. И что же? Приговор не удалось привести в исполнение!.. В знак протеста против приговора вспыхнула всеобщая забастовка. Да еще какая! Под самыми окнами Дворца Малаканан произошла такая демонстрация, что все американцы попрятались.

— Годдэм! — яростно выругался Кроссби. — Что только делается на свете!.. И все из-за этих проклятых красных!

Полковник вернулся к мысли о Японии. Да, тут дела день ото дня становятся все сложнее и сложнее. Забастовки и демонстрации стали едва ли не повседневным явлением... В такой обстановке недостаточно быть только хорошим офицером, знающим свои обязанности и скрупулезно выполняющим приказы своих начальников. Нет, черт возьми! Здесь нужно еще быть и хорошим политиком!.. А политиком Кроссби никогда не был. Одни — главным образом военные начальники — ставили это ему в заслугу; другие — и прежде всего сенатор Мэттьюс — считали недостатком... Вот и разберись тут!

— Американский офицер, который находится в стране, интересующей Соединенные Штаты,— неоднократно говорил Мэттьюс,— должен быть солдатом, торговцем и политиком!

Кроссби — неплохой солдат, да и бизнесмен далеко не последнего сорта, но политик... нет, в политики он не годился! Он всегда считал, что политиканство — дело лодырей из Конгресса США. А между тем обстановка в Японии настоятельно требовала от Кроссби участия в политике. Вот хотя бы сегодняшняя история с этим сбежавшим арестантом... Как его там?.. Ага, Фукуда...

Кроссби сжал кулаки в приливе бешенства.

— Удрал, дьявол! — процедил он сквозь зубы.— Удрал, сволочь, а ты волнуйся и думай, что делать!.. Годдэм!

Кроссби выругался злобно и замысловато. Ему показалось даже, что это принесло какое-то облегчение. Подошел к столу, наполнил бокал пивом и одним духом выпил его до дна, потом закурил сигарету и в раздумье оперся коленом о поручни низкого кресла.

Нужно же было так случиться, что дьяволы принесли этого проклятого Канадзаву, который заварил всю кашу!.. Теперь Кроссби должен лично заняться делом Фукуды — оно находится в его ведении. Все, что говорил Канадзава, очень важно, но вопрос ведь касается и личного бизнеса!

Эта старая жандармская собака не так-то легко признает себя побежденным. Наверно, уже полетел к кому-нибудь из высшего начальства, может быть, даже к самому «Маку», сидит теперь в «Г-2» и рассказывает там всю эту проклятую историю. А завтра посыпятся приказы, раззвонятся телефоны: «Кроссби, что с Фукудой?», «Кроссби, хватай Фукуду!», «Кроссби, давай Фукуду!»...

А откуда его взять? Где схватить? — об этом никто не подумал. Это, видите ли, касается только его — полковника Кроссби. ...Да, неважная история заварилась!

Самое скверное это то, что неизвестно, о чем Фукуда знает и о чем не знает. Из донесений агентов японской полиции, которые слышали его речь, получается, что он должен кое-что знать... Ведь он ясно сказал, что есть в Японии люди, которые «...хотели бы повторить преступные попытки с применением бактериологической бомбы. В этом им помогают влиятельные в новой политике особы». Конечно, это мог быть просто демагогический прием, и тогда Фукуда, собственно, не так уж опасен... Но коммунисты — Кроссби хорошо знал это — не прибегают к таким приемам. О, нет! Они слов на ветер не бросают!..

Полковник, громко топая ботинками, снова прошелся по кабинету. Порывистым движением вынул новую сигарету, но вместо того, чтобы зажечь ее, смял в пальцах и с бешенством бросил на пол... Да, Фукуда что-то знает! Надо предпринимать немедленные меры!.. Но, какие? Что нужно делать сейчас? Как схватить человека, о котором известно только, что его зовут Такео Фукуда, но неведомо, в каком городе он живет?..

Полковник достал из несгораемого шкафа особо секретный пакет и вынул из него инструкцию. Он знал ее содержание, но хотел еще раз прочесть. Может быть, она подскажет ему, как поймать Фукуду?

Инструкция была сплошь покрыта штампами: «Совершенно секретно», «Особо тайное», «Хранить в несгораемом шкафу, охраняемом доверенным лицом» и так далее. Затем шли шифры, номера, даты и затем краткое содержание. В тексте были указания по «Центру ББ». Предписывалось соблю-

дать максимальную бдительность; в случае какой-либо угрозы раскрытия «Центра», лица, получившие данную инструкцию, должны немедленно ликвидировать угрозу. Все рапорты и донесения, касающиеся «Центра», надлежит шифровать буквами «ББ».

Кроссби задумался. Теперь только он отвечает за устранение опасности... Прежде всего нужно добраться до ее источника — до Фукуды. Но как!..

Полковник нажал пуговку сигнального звонка. В комнату вошел молодой сержант.

— Старший лейтенант Рогге здесь?

— Выехал в город, сэр!

— Тогда немедленно вызовите ко мне капитана Малькольма из седьмого отдела!

Сержант козырнул, повернулся и уже направился к двери.

— Подождите! — окликнул его Кроссби. — Организуем это дело иначе...

Он вырвал из блокнота листок, написал на нем несколько слов, запечатал в синий конверт и передал его сержанту.

— Найдите капитана Малькольма, отдайте ему пакет, затем отправляйтесь искать старшего лейтенанта Рогге. Передайте ему мой приказ немедленно явиться сюда!

Сержант вышел.

* * *

— Я вам очень благодарен, господин генерал, за эту ценную информацию! Очень!

Плотный высокий мужчина с сигарой во рту произнес эту фразу, слегка наклонив голову в знак уважения. Генерал Канадзава ответил глубоким поклоном.

— За это не нужно благодарить, сэр генерал. Это моя обязанность. Я должен был предупредить наших друзей об опасности, которая грозит им, а значит и нам, — подчеркнул Канадзава последние слова.

Человек, которого он назвал генералом, покровительственно и удовлетворенно усмехнулся.

— Вы правы, как всегда. Друзья не должны благодарить друг друга за общее дело. Они должны помогать один другому. Мы, американцы, тоже придерживаемся этого правила.

Он отложил сигару, встал и, наполнив рюмки ликером розового цвета, чокнулся с Канадзавой. Оба выпили и с минуту помолчали.

— Я хотел спросить вас, генерал Канадзава, — улыбнувшись, сказал американец, — не считаете ли вы, что пора покончить с вашим отдыхом?

На бесстрастном лице японского генерала не дрогнул ни один мускул. Голос его звучал спокойно, даже казалось равнодушно, когда он ответил:

— Не думаю, чтобы мое личное мнение играло значительную роль. Я оставляю решение за моими настоящими друзьями.

— Превосходно, превосходно! — рассмеялся американец. — Вы, японцы, прекрасные политики. Скажу прямо — я никогда бы не смог так ответить!.. «Я оставляю решение за моими настоящими друзьями». Прекрасно!.. Поэтому, — похлопал он гостя по колену, — можете считать период вашего вынужденного отдыха законченным! Завтра утром я посоветуюсь с генералом Макартуром и полагаю, что в течение ближайших двух-трех дней вы получите назначение. Нам очень нужны опытные люди. И вообще мы, американцы, никогда не забываем о друзьях. Вы, генерал, скоро убедитесь в этом..

Худенький человечек в оборванном кимоно и стоптанных гета сидел в углу небольшой комнаты и читал газету. Кроме него, в помещении было несколько рабочих, которые расположились поодаль и оживленно спорили о чем-то. Человечек, казалось, не обращал на них никакого внимания и был целиком поглощен чтением. Однако, внимательно присмотревшись к нему, можно было заметить, что он только пытается выдать себя за равнодушного ко всему окружающему.

В комнату вошел новый посетитель. При виде его, человечек сорвался с места и подбежал к бывшему:

— Приветствую тебя, товарищ Косукэ! Что слышно?

Косукэ был одет все в тот же шоферский комбинезон, что и утром. Подавая руку человечку, он не обнаружил ни радости, ни недовольства.

— Не видели секретаря, товарищ Тосима? — Не ответив на вопрос человечка, спросил Косукэ:

— Он на заседании. Я тоже жду его. Вот пришел и читаю сегодняшнюю газету. Очень рад, что вижу вас.

— Да? Но, ведь мы виделись еще утром, на демонстрации.

— Именно, именно...— Тосима быстро бросал слова, словно боясь, что ему не удастся сказать их.— Эта демонстрация прибавила мне сил и дала столько утешения, что я должен поговорить с кем-то о своих переживаниях и чувствах.

Косукэ усмехнулся и дружески похлопал Тосиму по спине.

— Понимаю вас, товарищ Тосима, очень хорошо понимаю! Сам еще до сих пор возбужден всем,

что мне пришлось там увидеть... Да, это была внушительная демонстрация! Полиция, правда, разогнала ее, даже погибло несколько наших товарищей, но все-таки нас не удалось разбить, не удалось!.. Я не дождался конца демонстрации — нужно было устроить кое-какие дела...

Тосима бросил на Косуке быстрый взгляд.

— Так вот, я уехал и не видел, что было дальше,— продолжал Косуке,— но слышал, что убитых товарищей демонстранты на носилках пронесли по всему городу до их жилищ. Говорят, что полиция даже побоялась атаковать демонстрантов... Еще бы — тысячи людей участвовали в шествии.

Тосима кивнул головой.

— Сегодня выступали на митинге несколько новых товарищей. Я их вижу первый раз. Вы их знаете, товарищ Косуке?

Шофер удивленно взглянул на собеседника.

— Партия велика, товарищ Тосима. Не всех товарищей можно знать лично...

— Нет, нет... Не в этом дело. Вы не так поняли меня. Видите ли, мне показалось, что одного из них я где-то, кажется, встречал...

Шофер потянулся в карман за папиросами, достал их и протянул собеседнику. Потом закурил сам и глубоко затянулся.

— Давно уже не курил. По крайней мере два часа,— промолвил он, потирая подбородок.— Много работы было сегодня. Даже побриться не успел, хотя уже и поздний час.

— Развозили газеты?

— Нет, сегодня даже не держал баранку в руках,— усмехнулся Косуке.

— А знаете, мне показалось, что я сегодня видел вашу машину возле парка...

— Как это? Ведь вы же говорили, что были с демонстрантами до конца! — удивился Косуке.

— Наверно, ошибся... Понимаете, столько впечатлений, что все перепуталось в голове...

Косуке зевнул и сладко потянулся.

— Ох, и устал же я! — вздохнул он. — Самый бы раз отдохнуть сейчас... Извините, я, кажется, прервал вашу мысль! Вы говорили, что раньше встречались с кем-то из говоривших...

— Да, кажется, где-то встречал, — оживился Тосима. — Я имею в виду того, который говорил о бактериях. Не могу припомнить, где я его видел, и это мучает меня...

Косуке снова зевнул.

— Ну, есть о чем думать... Разве мало людей встречается в жизни...

В эту минуту двери, за которыми происходило заседание районного комитета партии, открылись. Из накуренной комнаты вышло несколько человек. Один из них, среднего роста мужчина, с молодым лицом и блестящими черными волосами, приветливо улыбнулся и подошел к шоферу.

— Очень хорошо, товарищ Косуке, что вы здесь. У меня есть для вас работа на завтра. Пойдемте поговорим подробнее.

Косуке весело ответил:

— Очень люблю трудную работу, товарищ секретарь!

* * *

— Итак, дорогой Кроссби, дело, видимо, ясное, — Смит качнулся назад, и кресло, опиравшееся только на задние ножки, затрещало.

Смит громко захохотал. Кроссби содрогнулся в душе от этого зловещего хохота. «Хорошо ему смеяться! — подумал он. — А я, что я должен теперь делать?»

— Годы уходят,— сквозь смех продолжал Смит,— а жиру прибавляется все больше... Даже кресло начинает трещать подо мной. И тебя это ждет, дорогой Кроссби, если...— генерал погрозил пальцем,— если ты не будешь заботиться о своем бизнесе. А твой бизнес сегодня— это охота за Фукудой.

— Знаю,— скривился Кроссби,— но это легко сказать, а вот как поймать этого человека?

— Ого, старина! Уж не хочешь ли ты, чтобы я принял на себя розыски этого опасного коммуниста?.. В твоём распоряжении находится сейчас весь американский разведывательный аппарат, а ты ещё недоволен. Тебе остается только руководить розысками, сделать Фукуду не опасным для нас... И не только Фукуду, но и всех остальных, которые могут что-нибудь знать.

Смит порывисто встал и наливая виски в граненые рюмки, добавил:

— Хотел тебя предупредить: завтра к нам приезжает сенатор Мэттьюс...

— Что-о-о?.. Только еще этого идиота не хватало мне сейчас, в такое время...

— Спокойно, Кроссби! Сенатор Мэттьюс твой непосредственный начальник, а ты так отзываешься о нём!.. Ты забыл, что он представитель комиссии по расследованию антиамериканской деятельности, а? Нельзя так, старина!.. Я тебе скажу больше: он связан с некоторыми крупнейшими химическими концернами, которые очень интересуются «Центром ББ», понимаешь? Часть его капиталов вложена в это дело. Старика придется даже ввести в руководство нашей фирмы.

Кроссби протяжно свистнул от удивления.

— Я ничего не знал об этом,— пробормотал он.— Теперь этот идиот будет меня допекать без всякого стеснения, сто дьяволов ему в душу!

Смит подошел к полковнику, присел рядом и нарочито равнодушно произнес:

— А ты знаешь, Кроссби,— я получил письмо от Джорджи.

— От какого еще Джорджи?

— От твоего старшего брата, тупица!.. Наша фирма благодаря его стараниям получает монопольное право на «ББ», понимаешь? Обошлось это недешево, правда, но...— генерал похлопал Кроссби по спине,— верь мне, Боб, это принесет нам в несколько десятков раз больше. Фирма «Кроссби, Смит, Паркер энд Кроссби» становится могущественной!.. Джорджи был в Пентагоне. Делами «ББ» там интересуются здорово. Обещаны сногшибательные кредиты... Понимаешь, Боб, что это значит? Нам ни в коем случае нельзя провалить этого дела в Японии! От нас самих зависит успех нашей фирмы.

Кроссби ладонью потер лоб.

— Вот проклятый японишко! Нужно же было ему исчезнуть в такое время... Сто тысяч дьяволов ему в глотку! — Кроссби долго и ожесточенно ругался, вспомнив побег Фукуды.

Смит налил полковнику и себе новую порцию виски, затем внимательно посмотрел на гостя.

— Ну, успокоился?

— Да,— Кроссби залпом выпил виски, вытер платком рот и добавил.— Обдумываю теперь, как это все организовать. Одно дело я уже провел.

— А что именно? — оживился Смит.

— Приказал Малькольму подготовить несколько десятков японских уголовников. Завтра с утра мы произведем налет на важнейшие коммунистические организации. Пока красные спохватятся, мы будем иметь в руках все списки членов партии и их адреса. Я надеюсь, что таким путем мы скорее нападём на след Фукуды...

Косукэ был основательно измучен. В течение последних дней он так много работал, что на сон оставалось не более двух-трех часов. И все же он чувствовал себя счастливым. Сознание того, что он нужен, что партия доверяет ему, что его работа помогает тысячам друзей, как рукой снимала усталость. По целым дням носился Косукэ на своей машине, то развозя газеты, то доставляя в типографии шрифт, то передавая указания районного комитета партии. Он выполнял поручения секретаря райкома, помогал организовывать забастовки и митинги, выступал сам и следил за порядком, чтобы полиция не имела причин придрататься к митинговавшим. Почти на всех предприятиях Токио знали его широкое всегда улыбающееся лицо и приметную, чуть сутуловатую от постоянного сидения за рулем, фигуру.

В кабинете секретаря, ожидая пока тот закончит телефонный разговор, Косукэ несколько минут внимательно читал газету, потом руки его безвольно опустились и он задремал. Из этого состояния его вывел оклик секретаря райкома:

— Ну как, выспался?

Косукэ встал с виноватым видом.

— Ничего, ничего! — улыбнулся секретарь. — Я сам часто вынужден встряхивать головой, чтобы не заснуть во время работы... Таких хлопот, как в последние дни, мы еще не имели, но я не жалею об этом — Стокгольмское воззвание вселяет в нас бодрость. Да, ты знаешь? Центральный комитет похвалил нас, ставя наш район в пример всему Токио?.. Вот, брат, какие дела. Ты, кажется, что-то хочешь сказать?

— Товарищ секретарь, я хотел бы обратить ваше внимание на одно важное дело. Я уже просил Су-

рабе, чтобы она заинтересовалась личностью этого Тосимы...

— Без согласия комитета?!

— Что-то, а что я и сам не знаю, заставило меня поспешить с этим делом... Извините... Я, товарищ секретарь, душой чувствую опасность...

— Ну, что ж — раз так случилось, ничего не поделаешь. Пусть будет так. Но мы обсудим твой поступок на ближайшем заседании райкома, — подчеркнул секретарь. — А теперь веди меня к Фукуде.

— К кому? — удивился шофер.

— К тому товарищу, который сегодня сбежал от полицейских.

— Он знаком вам? — еще больше изумился Косуке.

Секретарь усмехнулся.

— Нет, никогда не видел его в глаза. Но знаю, что уже больше четырех часов вся токийская полиция из кожи вон лезет в поисках этого человека. Самое удивительное то, что его прежде всего разыскивают американцы. В этом что-то есть...

— Вы осведомлены буквально обо всем! — все еще не мог успокоиться шофер.

— Что ж ты хочешь, товарищ Косуке? — спокойно ответил секретарь. — Партия не может легкомысленно относиться ни к одному делу, даже самому маленькому. А тут очень интересная история с этими розысками. То, что скрывается за кулисами ее, видимо, не пустяк, раз американцы поставили на ноги весь свой аппарат. Партия заинтересовалась этим вопросом и поручила мне все выяснить. Мы должны предупредить действия шпииков... Поэтому не будем терять времени на разговоры, а пойдем скорее к Фукуде. До того, как мы приступим к действиям, нужно узнать все об этом человеке и разобраться, с кем мы имеем дело. Идем!

РАССКАЗ ФУКУДЫ. ЧЕЛОВЕК СТАНОВИТСЯ МАШИНОЙ

Вокруг царила непроглядная тьма. Фукуда широко раскрыл глаза, но виднее не стало. Кожа на лбу ныла, сильно болела нога. Он поднял голову с подушки. Боль усилилась. Попробовал собрать разбегающиеся мысли. Сейчас... сейчас... Почему так темно? Где он находится?.. Ага!.. Постепенно начинают вспоминаться события минувшего дня. Прежде всего толпа людей... Это митинг! И еще речь... Это он говорил ее. Так!.. Теперь он уже начинал припоминать дальнейшее: арест, допрос в полиции, поездка на автомобиле, визг тормозов, жгучая боль и внезапное бегство... Потом откуда-то появился неизвестный человек... они вместе с ним бежали через дворы, огороды, потом ехали на грузовике... А! Ясно. Теперь он в доме того доктора, который делал ему перевязку...

Фукуда начал прислушиваться. Из-за легкой стены доносился приглушенный шепот. Фукуда встал, едва не вскрикнув от боли в колене. Нашупав в кармане коробку спичек, зажег одну. Мигающий огонек помог найти дверь. Фукуда заколебался. А что если там, за стеной, находится кто-то, кто не должен его видеть? Ведь доктор ясно сказал, что гостю придется здесь укрываться дня три-четыре. Четыре! Легко сказать — четыре дня! Нет — он, Фукуда, не может терять и часа! Ведь американцы тоже не тратят времени даром... Он должен им помешать!

Фукуда решительным движением открыл дверь. Его ослепил яркий свет. На минуту Фукуда даже зажмурил глаза, потом осторожно открыл их.

За низеньким столиком сидело три человека. Фукуда знал только двоих — доктора и шофера, помогавшего ему при побеге. Третий — моложавый

мужчина с живым энергичным лицом — сидел напротив двери.

— Присаживайтесь, товарищ Фукуда! — приветливо пригласил незнакомец.

Фукуда вздрогнул от неожиданности — откуда этот человек знает его фамилию?! Ведь здесь он никому еще не называл ее!.. Замешательство длилось одно мгновение, затем Фукуда овладел собой, но все это не укрылось от зоркого взгляда незнакомца. Усевшись возле столика, Фукуда задумался: зачем он сегодня назвал в полиции эту фамилию, которую не вспоминал уже много лет? Зачем?.. А может быть это и хорошо? Нигде, даже в Кобе, где он жил последнее время, его не знали как доктора Фукуду.

— Немного найдется в Японии людей, которые знают мою настоящую фамилию... — машинально произнес он, отвечая своим собственным мыслям.

— Вы ошибаетесь! — улыбнувшись, спокойно заметил незнакомец. — Сегодня ее знают уже очень много, даже чересчур много людей.

— Мою фамилию? — удивился Фукуда.

— Гм! Уже в течение многих часов вся токийская полиция занимается розысками некоего Такео Фукуды.

Фукуда беспокожно встрепенулся.

— Не понимаю... Что это может означать?..

— Мы тоже не понимаем, но надеемся, что вы разъясните нам все. Я думаю вы убедились, что находитесь среди друзей, а не врагов?

Фукуда сидел в молчании, глубоко задумавшись. Потом решительно обратился к шоферу:

— Вас кажется зовут Косуке? Да?.. Так вот, товарищ Косуке, я прошу вас связать меня с кем-нибудь из руководителей токийского комитета коммунистической партии. Можете вы это сделать?

Шофер усмехнулся и уже хотел что-то сказать, но в разговор вмешался незнакомец:

— Прежде всего мы хотели бы узнать кое-что о вас. Кто вы?

Фукуда тихо ответил:

— Не о всем, товарищ, можно говорить первому встречному человеку. Извините, я полагаю, что это не оскорбит вас. Так нас учит жизнь и... — он обрвал фразу.

— Вы правы. Это делает честь вашей осторожности.

Незнакомец достал из кармана удостоверение — узкую полоску бумаги, внизу которой была приклеена фотокарточка с печатью.

— Прочтите!.. Верите? Я секретарь районного комитета партии в этой части Токио и пришел сюда специально, чтобы обсудить вместе ваши дела.

— Мои дела? — медленно, словно взвешивая эти слова, спросил Фукуда, возвращая удостоверение. — Хорошо!.. Прежде всего расскажу вам о себе... Все, до последней подробности. Я верю вам, не имею права не верить... Но пока я дойду до сегодняшних событий, мне придется рассказать о многих вещах. Это может утомить вас. Уже довольно поздно, а моя история достаточно длинна, и потребуются немало времени...

Никто из трех не произнес ни слова, но по их лицам Фукуда понял: его будут слушать столько, сколько нужно. Тогда он закурил и, поудобнее усевшись на цыновке, начал:

— Прежде чем рассказать о событиях, имевших место в последние дни, я вынужден несколько отступить и поведать вам историю давно прошедших лет... Был я тогда еще совсем ребенком, детство мое прошло так же, как детство сотен тысяч японских детей. На лице моей матери я никогда не видел улыбки радости, зато очень часто замечал,

как по ее морщинистому, изможденному лицу текли слезы...— Фукуда тяжело вздохнул.— Да, я не забыл этого!.. Однажды отец еле добрался домой с работы — он не мог стоять на ногах и, не притрунувшись к пище, улегся на циновке. Его начала бить лихорадка, он бредил, что-то кричал. Мать побежала к соседям. Пришло несколько женщин, и от них мы узнали, что в деревне в этот день заболело еще несколько взрослых и детей.

Ночью меня разбудили рыдания матери — отец умер, не приходя в сознание. В нашей деревне стали твориться страшные дела: люди умирали каждый день, в нестерпимых мучениях, иногда прямо на улице. Спустя несколько дней приехали врачи. Уже через час после их появления по всей деревне пронеслось ужасное слово «чума»...

Врачи, которые приехали к нам, не вернулись в город: самолет сбросил немного лекарств и повернул назад. Нашу и несколько прилегающих деревень окружили проволочными заграждениями. Прибывшие войска и полиция строго следили за тем, чтобы никто не выбрался на ту сторону ограждения. Я еще не понимал всего этого, бегал по деревне, как остальные ребята, и смотрел, как умирают люди. Однако кое-что я все же осознавал: примчавшись к врачам, я просил их «прогнать смерть» и спасти умиравших. Но врачи были бессильны: наши добрые соседи — американцы и англичане, — зло усмехнулся Фукуда, — прислали так мало лекарств, что ими невозможно было остановить победоносное шествие смерти. И люди мерли, как мухи... Правительство вообще не занималось народом, — по его мнению, людей в Японии «чересчур много», жизнь человека стоит всего несколько иен, а медикаменты дороги, очень дороги...— Фукуда скрипнул зубами и нервно затаился сигаретой.

— Все это я понял значительно позднее, — продолжал он после минутного молчания. — А тогда, шестилетним мальчиком, видя смерть моей матери, я только клялся себе, что когда стану взрослым, то буду врачом, получу белый халат, и у меня в карманах постоянно будет несколько пузырьков с жидкостью, убивающей чуму...

В числе присланных к нам врачей был один старый доктор, который очень возмущался тем, что прислано так мало лекарств. Не помню уже, что он тогда говорил, но знаю одно — он буквально плакал над каждым больным и проклинал тех, кто обрек людей на смерть. Я боялся этого доктора и в то же время любил его.

Старый доктор тоже любил меня, заботился обо мне и кормил, отдавая часть своего скудного пайка. Он горевал вместе со мной, когда умерла моя мать... Потом эпидемия начала затухать. В нашей деревне осталось в живых около десятка человек. Однажды старый доктор начал спрашивать о моих родственниках. Услышав, что у меня никого больше нет, старик решил взять меня с собой в город, где у него была жена. Детей он не имел. Когда он узнал о моих сокровенных мечтах — стать врачом и убить чуму, то погладил меня по голове и обещал, что поможет мне выучиться на врача, что мои мечты совпадают с его собственными... До сих пор мне кажется, что я еще чувствую на своей голове его иссохшую старческую руку и слышу его дрожащий от волнения голос...

В городе меня отдали в школу. Старый доктор и его жена заботились обо мне, как о собственном сыне, и баловали, чем только могли. А надо сказать, что средства их были довольно ограниченными — старик не искал богатых пациентов, как это делали его коллеги. Больше того — он сторонился их. Не раз его вызывали по ночам к боль-

ному, с которым произошел несчастный случай на фабрике. Доктор спешил, волновался и приходил домой на рассвете, принося вместо денег горькие рассказы о рабочей доле... А я учился. Учился прилежно. Был первым учеником в классе. Не раз я получал похвалы и награды за успехи...

Как-то директор школы вызвал меня к себе. Он сказал, что хотя мне только двенадцать лет, но я уже являюсь гордостью его школы. Однако, если я хочу быть настоящим японцем, то должен служить своему императору до последнего дыхания. Если я готов к этому, то он примет меры: меня переведут в военное училище, где подготавливаются будущие офицеры героической, непобедимой армии императора. На мое воображение подействовал вид красочного военного мундира. Я уже видел себя во главе войск, завоевывающих новые земли, представлял пышный триумфальный въезд в родной город. В моей фантазии встал Такео Фукуда — победоносный полководец и богатырь, о каких пишут в книгах... Я, помнится, даже поблагодарил тогда директора за его заботу обо мне.

Вернувшись домой, я обо всем рассказал старому доктору... — голос Фукуды задрожал. — Никогда... никогда не забуду я той печали, которая отразилась на его лице! Старик начал разубеждать меня. Он говорил, что я вступаю на плохой путь, что армия императора совсем не такая, какою она представляется мне. Он напоминал мне мечты о докторе — победителе чумы, о благородной миссии врача, помогающего народу. Но... блеск мундира и лавры героя были более притягательными, чем вид докторского халата...

Фукуда склонил голову.

— Не буду вам рассказывать, как я очутился в военной школе и чему я там учился. Нас учили всему, чему учат в обычной школе, но все это

обильно сдабривалось соусом преданности императору, влюбленности в него. А в общем, — Фукуда махнул рукой, — вы сами знаете, как это выглядело. Ведь и до сих пор ничто не изменилось в большинстве таких школ. Скажу вам коротко — нас должны были превратить в машины, в безвольные механизмы, способные только выполнять приказы и бездумно служить императору. Когда я окончил школу, то был уже, собственно, не человеком, а именно такой машиной...

За несколько дней до выпуска каждого из нас вызывал к себе начальник: выпускнику объявлялось о зачислении в офицерскую школу. Несколько иначе выглядел разговор со мной и другими, окончившими школу с отличием. Начальник похвалил меня за успехи, от имени императора поблагодарил за старание и спросил, не хочу ли я учиться дальше, скажем, в университете. Тут только вспомнил я о своих прежних мечтах и рассказал, что хотел бы стать врачом, что мечтаю о карьере бактериолога. Это заставило начальника задуматься. Ответ от него я получил только через несколько дней. Он объявил, что я направлен в Киото, на медицинский факультет университета, с расчетом получения дальнейшей специализации в армии... Он добавил, что даже в университете я остаюсь военным — буду числиться в офицерской школе в Киото до самого окончания университета...

Так я вступил на путь науки. В свободное от лекций время меня и нескольких таких же, как я «военных студентов», заставляли заниматься военными науками. Я становился врачом и одновременно солдатом...

Университет я закончил в 1942 году. На следующий день после получения диплома меня вызвали к командору школы. С гордостью показал я ему диплом кандидата медицинских наук. Но вдруг за-

метил, что в кабинете, кроме командора, находится еще какой-то человек. Командор представил меня этому незнакомцу, титулуя его генералом. Завязался разговор о моей учебе и дальнейших планах. Уже через несколько минут я понял, что генерал очень хорошо знаком с бактериологией. Говорили мы главным образом о заболеваниях эпидемических. Очень много внимания мы уделили чуме, которой я интересовался с давних времен. Командор вступал в наш разговор редко, да и то только для того, чтобы похвалить меня как прилежного студента и настоящего офицера, который мечтает о беззаветном служении императору. Генерал внимательно выслушивал эти похвалы, время от времени задавая мне вопросы из области политики. Я отвечал так, как нас учили в офицерской школе: изрыгал проклятия по адресу Советского Союза, ругал коммунистов, призывал все кары неба на головы красных. Генерал был очень доволен. Наконец, разговор подошел к концу. Помню все это так ясно, как будто дело было сегодня... Генерал положил мне руку на плечо...— Фукуда сжался, словно почувствовал прикосновение змеи.— Он сказал мне: «Я уверен, что служа в моей части и специализируясь как бактериолог, вы принесете немало пользы нашей великой империи. Вы сможете там доказать свою ненависть к нашим врагам и, прежде всего, к коммунистам!»...

Фукуда прервал рассказ. Видно, что ему было тяжело, очень тяжело вспоминать этот давний разговор в Киото.

— Кто был этот генерал, я узнал только через год, когда уже служил в его «части»...— продолжал Фукуда.— Его имя — Исии...

— Что?! — разом вскрикнули все три слушателя.

— Да, Исии! — голос Фукуды был резким, в нем клокотала искренняя ненависть.— Да, това-

рищи, это был генерал Сиро Исии, взбесившийся военный преступник, который хотел заразить человечество чумой и убивать людей бактериями... Вы, наверно, читали отчеты о процессе в Хабаровске? Так вот я...— горько усмехнулся Фукуда,— я был тем, кого генерал Исии лично готовил в свои сподвижники. Подобные случаи были весьма редки в нашей «части». Видимо, я имел незаурядные качества ученого, коль скоро сам Исии заинтересовался моей особой...

Трясущимися руками Фукуда долго вытаскивал из пачки сигарету. Потом несколько раз попытался зажечь спичку, но ломал ее и никак не мог закурить. Косуке подал ему огня.

— Успокойся! — тихо сказал секретарь.— Это дела прошедшие. Важно то, что ты в конце концов понял свою ошибку.

Жадно затянувшись несколько раз, Фукуда овладел собой. Голос его теперь звучал глухо и несколько апатично.

— Из Киото я приехал в Токио. В генеральном штабе меня направили к какому-то полковнику. Он долго говорил со мной о политике, о моих взглядах и намерениях. Особенно долго и скрупулезно допрашивал о моем отношении к Советской России и к коммунистам вообще. Мои ответы, видимо, удовлетворили его, и вскоре допрос был закончен. Я получил необходимые документы, направление и особый пропуск. Полковник сказал, что с этого момента я уже являюсь офицером специальной службы и поэтому подпадаю под действие особых уставов. Сохранение военной тайны обязательно для меня в значительно большей степени, чем для любого офицера, и ответственность на меня падает тройная. Никто не должен знать, что я еду в такую-то часть, никто не должен знать, что я буду специализироваться на бактериолога...

— Вы были в «отряде № 731»?

Секретарь задал этот вопрос так неожиданно, что Фукуда в первую минуту не понял его и удивленно посмотрел на спрашивающего. Глаза секретаря смотрели холодно и взгляд был острым.

— Да, — тихо ответил Фукуда.

— Теперь я понимаю кое-что, — сказал секретарь, обращаясь к товарищам. — По крайней мере, понимаю причину нервничанья генерала Канадзава...

— Канадзава?! — вскрикнул Фукуда. — Канадзава?.. Этот людоед, этот жандармский пес, которого проклинает каждый житель Харбина? Что вы говорите?.. Ничего не понимаю!

— Я тоже не понимаю еще многих вещей, товарищ Фукуда, — усмехнулся секретарь. — Это должно быть разъяснено вашим рассказом. Но сначала я хотел бы спросить вас: взгляды ваши изменились, видимо, во время войны? Знал ли об этом Канадзава?

— Да! — глухо сказал Фукуда. — Даже слишком хорошо знал об этом. Когда...

— Подождите, — прервал его секретарь, — не забегайте вперед. Говорите по порядку обо всем, что вы видели и пережили. Я знаю, что это страшные вещи и о них говорить тяжело. Но коль вы уж начали рассказывать, то переломите себя... Извините, что прервал вас. Не мог, видите ли, понять, в чем причина такой горячей заинтересованности Канадзавы в поиске Фукуды и почему американцы живо разделяют этот интерес Канадзавы.

В «МАШИНЕ» ПРОБУЖДАЮТСЯ МЫСЛИ

— Меня отправили в Харбин, — продолжал Фукуда. — Нужно ли говорить, что мне все время напоминали о строжайшем соблюдении военной

тайны?.. В японской военной миссии, в Харбине, мне сказали, что я должен ехать на станцию Пинфань. Туда я прибыл поздно вечером. Это была маленькая станция, бедная и убогая, тоже свидетельствующая о крайней нужде населения и очень характерная для тогдашней Маньчжурии. Военный комендант куда-то позвонил. Через несколько минут послышался шум подъехавшей машины. В комнату, где я сидел, вошел майор. Он тщательно проверил все мои документы и только после этого представился мне. Фамилия его была, кажется, Ромуси. Автомобиль уже ждал нас. Ехали мы всего несколько минут, но за это короткое время у нас трижды проверяли документы! Из этого я заключил, что место, где я должен был выполнять свою службу императору, охранялось очень строго. Ромуси был неразговорчив, но в конце концов сказал мне, что наша «часть» является «отрядом № 731» и входит в состав Квантунской армии. Задачи «отряда» — обеспечение питьевой водой войск армии и профилактические мероприятия против различных эпидемий...

Этого мне было достаточно. Я уже видел себя в научной лаборатории, склонившимся над микроскопом и пробирками. Тогда я еще верил, что буду бороться с чумой.

Так я вступил в «отряд № 731». Время от времени кто-нибудь из старших офицеров посещал корпус, в котором я работал. Особенно интересовался моей работой один полковник...— Фукуда стиснул кулаки и снова скрипнул зубами.— Звали этого мерзавца Отомура. Держался он необычайно любезно и вежливо. У него были длинные выхоленные пальцы, почему-то будившие во мне страх. Отомура носил большие очки с выпуклыми стеклами, в толстой черной оправе. Я не любил этого человека, хоть и не мог ни в чем упрекнуть его. Он вызы-

вал во мне чувство отвращения. Глядя на его лицо, покрытое тенью от черных очков, я представлял себе кобру, которая ласковым взглядом усыпляет свою жертву, чтобы затем убить ее. Отомура очень хвалил меня за успехи в работе и обещал быстрое повышение...

Оно действительно пришло очень скоро. Уже в последних числах декабря 1942 года меня вызвали к майору Карасава, и он объявил мне, что с этого дня я переведен во вверенное ему отделение четвертого отдела «отряда № 731»...

Когда я первый раз вошел в помещение этого отдела, то был буквально ошеломлен. Первоклассная, изумительно оборудованная лаборатория открылась моему взору... Я как во сне проходил по огромному залу, заставленному таким сложным оборудованием, о котором не смеет даже мечтать ни один бактериолог. Видя мое восхищение, майор Карасава рисовал моему воображению такие фантастические картины работы ученого и солдата, что я ходил, не помня себя от радости. Казалось, я уже достиг цели моих долголетних мечтаний.

Через некоторое время мне разрешили вход в следующий корпус, в котором я впервые узнал тайну подлинного назначения «отряда № 731». Я увидел там огромные автоклавы, стерилизаторы, холодильники, теплицы для бактерий... Нет, это не только изумило меня — это вселило в мою душу непреодолимый страх... Впервые я задумался тогда над проклятым вопросом — для чего все это, для какой цели организовано такое производство бактерий?

Ответа долго ждать не пришлось: в тот же вечер Карасава вызвал меня к себе и начал разговор на общие темы. Сначала говорили о политике и роли Японии в международных отношениях. Карасава повторял избитые фразы, знакомые мне еще по офицерской школе. Но на этот раз привычные

слуху слова вызывали во мне внутренний протест. Я ждал иных слов, иного разговора, искал ответа на волнующий вопрос — «для чего?».

Потом Карасава начал говорить об экономическом положении Японии, о нехватке сырья и, наконец, дошел до беспокоившего меня вопроса. «Япония должна победить во всем мире! — сказал он. — Но мы имеем дело с сильными врагами. Увы, мы не можем конкурировать с ними в производстве вооружения и боеприпасов! Я должен прямо сказать вам, что может наступить такая минута, когда нам не хватит даже снарядов к орудиям. Мы не можем, не имеем права, допустить этого. И не допустим! Генерал Исии подал гениальную мысль. Он нашел новое оружие, во сто крат более могущественное, чем самая универсальная бомба. Оружие это несет смерть не сотне либо тысяче неприятельских солдат, но десяткам, сотням тысяч врагов. Бактерия — вот это оружие. Им, и только им, Япония завоеует мир! Да!.. Этим оружием мы уничтожим всех наших врагов!..»

Слушая эти слова, — взволнованно продолжал далее Фукуда, — я чувствовал, что деревенею... Не помню, как окончился этот разговор... Вернулся я к себе почти невменяемым. Ночь прошла в неимоверных мучениях и бессильной ярости. В моем воображении рисовались миллионы бактерий, атакующих мирных людей. Вновь и вновь вспоминалась мне родная деревня. Я видел сотни моих земляков, умиравших за проволочными заграждениями, их мучения, страшные искаженные лица, нечеловеческие страдания, причиняемые чумой... Мне представлялись ни в чем неповинные люди, на которых я бросаю миллиарды бактерий, сотни тысяч людей, умирающих с проклятием на устах и выражением ужаса на лицах... Я метался на постели, хотел куда-то бежать, кричать от боли и бессильной ярости, но...

не мог даже прохрипеть. Со страхом вглядывался я в сумрак комнаты, в которой на остальных кроватях спокойно спали мои коллеги. Откуда у них бралось это спокойствие? Как они могли спать, чувствуя кровь на своих руках? Как не отсохли эти руки, готовые к уничтожению миллионов людей?!

Фукуда опять скрипнул зубами, словно все, что он говорил, происходило только сейчас. Секретарь молча показал глазами на сигареты, и Косуке подал Фукуде пачку, одновременно зажигая спичку.

— Это было начало, — продолжал Фукуда. — Это было пробуждение здоровой мысли и моего возмущения. Столько лет работали надо мной, чтобы превратить меня в машину, чтобы истребить во мне способность к какому-либо самостоятельному мышлению... И все пошло прахом — способность рассуждать воскресла, «машина» начала мыслить!

Проходили недели, месяцы, а я все еще не знал твердо: что мне нужно делать? Я был бессилен против организаторов огромной фабрики смерти... Два раза мне удалось незаметно увеличить температуру в теплицах. Но, что это принесло! Что из того, что я уничтожил несколько сот граммов бактерий, когда у нас производились десятки килограммов! Я со страхом осматривал мышей и крыс, осыпанных обильно напущенными на них блохами. Те и другие должны были получить свою порцию бактерий, несущих смерть ни в чем неповинным людям... Я невыносимо мучился, но ничего не мог сделать... Тогда я был способен только на молчаливый бунт, а он несколько не мешал моим начальникам, и производство смерти шло своим чередом. Я пытался убедить себя, что я совсем иной, чем вся эта свора взбесившихся людоедов, что я не преступник, но где-то в глубине души во весь

голос кричала моя совесть, и все мои попытки примириться с самим собой были напрасны...

Фукуда смолк и долго глядел в одну точку. Потом продолжал:

— Как-то днем полковник Отомура вызвал меня в свою лабораторию. Мы склонились над стеклами микроскопов, и я увидел смерть. Мы осматривали сотни расставленных по порядку пробирок с питательной бактериологической средой и видели смерть. Отомура заметил, что я возбужден, но, видимо, приписал это удивлению, которое на меня произвела его лаборатория. Это польстило ему, и он начал еще более подробно рассказывать о своих опытах.

Он показал мне ряд пробирок, в которых выращивались различные бактерии чумы — от самой слабой до самой сильной. Этим пробирок было несколько десятков и каждая имела свой номер от 0,1 до 0,71. Бактерии в пробирке под номером 0,71 были самыми опасными. Отомура сказал, что он добьется отбора такой бактерии, против которой будут бессильны все врачи мира и которую не убьет никакая вакцина...

Уходя из его лаборатории после целого дня работы в одиночестве (полковника срочно вызвали куда-то), я незаметно взял одну пробирку из числа нумерованных. С немалыми предосторожностями отнес я ее в свою лабораторию и спрятал в надежном месте. Я тогда еще и сам не знал, для чего это делаю. Только через несколько дней я понял, что должен предпринять. Пользуясь благосклонностью Отомуры, я начал часто посещать его лабораторию и каждый раз осторожно уносил одну-две пробирки. Таким образом, через несколько недель у меня уже был весь «комплект» бактерий, возвращенных этим взбесившимся сатаной. И тут началась моя настоящая работа. Дни и ночи проводил

я в лабораторий — лихорадочно искал противоядие... Я забыл, что значит сон и отдых. Однажды ночью меня застал генерал Исии, лично проводивший проверку всех зданий отряда. На его вопрос, почему я так много работаю и целыми ночами сижу в лаборатории, я ответил заранее приготовленной басней: решил де все свободное время посвятить изысканию самой быстродействующей и сильной бактерии, подобно тому, как это делает полковник Отомура. Исии был очень доволен, благосклонно сказал, что поддерживает мое стремление, обещал повышение в чине и награду.

Мог ли он думать, что я не оправдаю его надежд? Я работал так скрытно и осторожно, что ни один из моих коллег не мог высказать даже малейшего подозрения, а начальство видело во мне только усердного служаку. Но каких трудов это стоило!.. Я похудел и почернел, моя тайна душила меня самого... Маска послушания и рвенія давалась мне дорогой ценой... Между мной и Отомурой началась упорная борьба. Он искал смерть, а я искал жизнь. Он искал бактерию, которая может убить все живое и противостоять любой вакцине, а я искал прививку, против которой бессильна любая бактерия. Это была моя борьба, теперь уже осмысленная, сознательная, активная борьба — бунт против бесчеловечности. Это было соревнование между жизнью и смертью... Вскоре я нашел вакцину, которая была значительно сильнее его бацилл. Но что из того? Я достиг цели, но что делать дальше? Не отдавать же свою прививку в руки Отомуры и Исии!.. Нет, я все еще оставался немым бунтовщиком, не представляющим большой опасности для своих врагов...

В это время в моей жизни произошел случай, который указал мне дорогу к будущему... — голос Фукуды понизился до шепота. — Случилось это так:

однажды меня по приказу Исии на десять дней откомандировали в отрядную амбулаторию, где лечились офицеры и солдаты. С облегчением и радостью принял я это назначение — оно мне было по душе. По крайней мере, на десять дней можно вырваться из этого сатанинского пекла, где создавалась смерть! Однако вместо амбулатории меня проводили во внутренний двор, куда до сих пор не пускали...

Я увидел там низкие угрюмые здания с густо зарешеченными окнами. «Что это?» — спросил я у сопровождавшего меня офицера. Он удивленно посмотрел на меня и недовольно буркнул: «Тюрьма... Вы будете работать в тюремной амбулатории...»

Тогда я еще не знал, что есть на свете полигон Аньда. Теперь, после Хабаровского процесса, каждый человек на свете знает, что этот полигон был местом боевых испытаний бактерий. Опыты производились на живых людях.

За день до моего прихода на этом полигоне были проведены очередные «опыты». Затем пятнадцать заключенных, подвергнутых испытанию действия бомбы — «системы Исии», были привезены отсюда на самолете и помещены в той тюремной больнице, где мне предстояло работать десять дней. Врач, «обслуживающий» отделение зачумленных, выехал куда-то, а меня назначили на время его отсутствия лечить больных. Не думайте, что я шучу над вами... Да! Заключенных лечили! Даже усиленно. Лечили для того, чтобы через несколько недель ввести в их организмы новую порцию бактерий или отправить на полигон Аньда. Так поступали с каждым заключенным до тех пор, пока болезнь не одолевала его окончательно...

Фукуда потер лоб. Мысли его блуждали в тех давних и страшных годах пребывания в «отряде № 731».

— От начальника тюрьмы я направился к главному врачу, — продолжал он свой рассказ. — Это был неразговорчивый человек, который коротко сказал, что допускает возможность бессилия больных справиться с последними испытаниями. Открытые полковником Отомурой бактерии, введенные вчера в организмы заключенных, необычайно сильны и непоборимы. Говоря это, главный врач довольно усмехнулся... Это чудовище со званием врача улыбнулось только один раз — в тот момент, когда поняло, что имеет дело с неизлечимой болезнью.

...Я вошел в палату. Склоняясь над койками больных я видел изможденные лица, на которых нечеловеческие муки наложили неизгладимую печать. Все они были в бессознательном состоянии. К удивлению санитаря, я немедленно взял у них на исследование кровь и, не ожидая, пока это сделают в лаборатории, сам произвел все анализы. Потом вернулся в палату и начал делать инъекции наркотиков. Один из больных лежал с открытыми глазами. Лицо его выражало муку. Никогда... — голос Фукуды задрожал и весь он сжался, словно от острой боли. — Никогда не забуду его взгляда... У него уже не было сил, чтобы выразить свою ненависть к нам хоть взглядом. Он просто молил о смерти этот взгляд, и я дал ему ее... Я впервые в жизни убил человека. Убил из сострадания...

Когда наступила ночь, санитары моих палат ушли. Я ходил между койками и учился терпеть, как терпели эти страдальцы. Я увидел жизнь, которую хотели скрыть от меня — жизнь «под солнцем императора». Внезапно я интуитивно почувствовал, что кто-то следит за мной. Осмотрелся — никого, двери закрыты, в палате только я и больные. Неужели начинаю бредить?.. Наконец, заметил, что очнулся еще один больной, и быстро подошел к нему. Он что-то беззвучно шептал, и я

склонился над ним, пытаюсь разобрать его речь. Это были страшные слова... «Убийцы!.. Вы можете умертвить нас, но вам не избежать справедливой мести!.. Мы сильнее вас, мы победим!». Человек этот говорил по-японски, с явным акцентом жителя Нагасаки. То, что он сказал, так подхлестнуло меня, что я забыл о всякой осторожности и помчался за пантопоном. Вернувшись, я ввел ему самую сильную дозу, и он тут же заснул...

Целую ночь провел я в этой палате, размышляя над словами несчастного узника. Впервые я увидел человека, которого не смогли сломить даже чудовищные мучения, вызываемые бесконечным введением в организм активных бактерий. Этот человек даже перед лицом неизбежной смерти говорил о мести и победе! Он и впрямь был сильнее своих врагов!..

Я начал лихорадочно припоминать все, что когда-нибудь слышал о коммунистах, но ничего путного не вспомнил. Всю жизнь меня учили, что я должен ненавидеть «красных», а вот теперь, когда я лицом к лицу столкнулся с одним из них, я не почувствовал к нему ни ненависти, ни сожаления. Именно — не чувствовал сожаления. Меня в это время охватили иные чувства — удивление и зависть. Я изумлялся силе духа этого человека и завидовал ему...

На следующую ночь, когда санитары ушли, я снова был в этой палате. Мне хотелось услышать шепот этого узника. Я принес с собой свой препарат — сыворотку, побеждающую бактерии, выведенные Отомурой. Скрытно от всех, я ввел ее в организм больного коммуниста... Я находился в каком-то полубессознательном состоянии и жил только одним — разговором с этим коммунистом... Все время думал о нем, все время находился возле него...

Когда он пришел в себя, я сидел около него на койке. Не зная с чего начать разговор, я очень глупо спросил: «Как ты чувствуешь себя?». Он презрительно посмотрел на меня и прошептал слабым голосом, в котором однако звучала огромная сила воли: «Так, что ты можешь снова впрыснуть мне своих бацилл!». Я вздрогнул от этого вызова и горячо зашептал: «Нет, я не впрысну тебе никаких бацилл... Нет, нет... Я хочу спасти тебя. Тебя, себя, всех!.. Только скажи мне, как это сделать?». На лице этого человека отразилось искреннее изумление. Он долго испытующе смотрел на меня. Не знаю, подействовал ли на него мой взволнованный шепот или он понял сердцем, что я не обманываю его, но он поверил мне. Он начал говорить со мной, как с человеком, а не с убийцей... Тот человек стал моим первым учителем в новой жизни... Он дал мне в руки оружие для борьбы: указал мне на идею, ради которой стоило жить и умереть. Я жадно слушал его до самого рассвета, а затем, по его просьбе, ввел ему пантопон, и он уснул...

Утром меня вызвали к главному врачу. Он встретил меня потоком ругательств и кричал, что я изменник и трус, недостойный носить мундир японского офицера. Видя, что я молчу, он показал мне ампулу из-под моей вакцины. Как я мог забыть о ней!.. Видно, разговор с больным коммунистом притупил мою осторожность... Мне нечем было защищаться, и это вызвало во мне ярость отчаяния. Я начал кричать и высказал все, что у меня было на душе... Явившийся сюда Исии, велел заковать меня в кандалы и немедленно отослать в харбинскую военную тюрьму. Там мною занялся Канадзава.

...Не буду рассказывать вам, товарищи, каким пыткам подвергали меня в тюрьме — вы сами знаете, на что способны наши «следователи», осо-

бенно такие людоеды, как Канадзава. Я вынес все... Однажды мне объявили: «Как обвиненного в «измене императору», тебя будет судить особый военный трибунал». Я встретил это известие почти равнодушно — смерть не страшила меня. Жаль было только одного: завтра я стану трупом, который не сможет ни мыслить, ни действовать... А действовать было нужно!

Фукуда замолчал и медленно провел ладонью по волосам. На лице у него выступили капельки пота.

— Нет! — сказал он глухо. — Я не сумею рассказать вам о той ночи — это выше моих сил. Скажу вам коротко о том, как случилось, что я остался в живых и сижу сейчас перед вами... Не знаю, кто уж там решил, что расправа надо мной произойдет не в Харбине, а в Пинфане, но так было. Вскоре меня под усиленным конвоем отправили туда. Однако до места меня не довезли. По дороге в Пинфань наша машина наткнулась на засаду китайских партизан. Стычка продолжалась всего несколько минут — конвой был уничтожен, а меня китайские товарищи забрали с собой. После подробного выяснения моего положения, меня оставили у них. Так закончился второй период моей жизни, период пробуждения разума, период, в который я начал становиться настоящим человеком, а не машиной...

ЧЕЛОВЕК НАЧИНАЕТ ДЕЙСТВОВАТЬ

Фукуда умолк. В комнате стояла тишина. Несколько долгих минут все сидели с опущенными головами, обдумывая то, что рассказал Фукуда. Затем Косуке посмотрел на секретаря, на доктора, встал и, подойдя к Фукуде, пожал ему руку.

— Ты молодец, Фукуда! Ты просто герой! — громко сказал он, и широкая улыбка подтвердила

искренность его слов.— Я рад, что имел возможность познакомиться с тобой.

Шофер вернулся на место. Закуривая сигарету, секретарь сказал Фукуде:

— Косуке прав. Ты вел себя героически, а ведь был на краю пропасти. Один шаг оставался тебе, чтобы стать преступником перед человечеством... Продолжай, товарищ Фукуда! Мы слушаем.

— Теперь я хочу рассказать, как и почему я оказался в Токио. Я уже говорил вам, что меня спасли китайские партизаны. Мной заинтересовался их командир, которого звали Фу Лин, и вскоре я сдружился с ним. В отряде я был бойцом и одновременно врачом. Действовали мы главным образом в Западной Маньчжурии. Когда Советский Союз вступил в войну с императорской Японией, мы пошли навстречу Советской Армии, стараясь чем можно помочь ей. Мы нарушали коммуникации японских войск, взрывали мосты, жгли склады боеприпасов и нефтехранилища. Я рассказал товарищам по отряду о страшной фабрике смерти, которую создал Исии, но очень немногие поверили моим словам. Я не удивлялся этому — слишком чудовищны были эти дела, чтобы поверить в их действительность... Боялся я только одного — бандиты из японского генерального штаба могут дать «отряду № 731» приказ использовать бактериологические бомбы. Но Советская Армия стремилась вперед, как ураган, сметая со своей дороги фашистов и человеконенавистников. Японским генералам не хватило времени для использования своего чудовищного оружия. Фабрику смерти им пришлось взорвать.

Потом закончилась война, правда не всюду. В Китае она еще продолжалась. Это была война за свободу китайского народа. Наш отряд включили в состав одной из дивизий 8-й Народно-Освободи-

тельной Армии. Я уже мог возвращаться на родину, и командование даже спрашивало меня, не хочу ли я уволиться. Но я не пожелал. Вступление в партию помогло мне понять, что, сражаясь за свободу китайского народа, я одновременно сражаюсь за счастье и свободу моего народа. Поэтому я остался в армии Мао Цзе-дуна. Я исходил Китай вдоль и поперек. Китайские друзья всюду относились ко мне приветливо, видя во мне брата-японца, хотя мои соотечественники принесли им немало несчастий. О, они хорошо знали, кто их друг и кто враг! Я был для них живой иллюстрацией нерушимого единства людей труда и международной рабочей солидарности...

В прошлом году я вернулся в Японию. Не знаю почему, но меня потянуло в Кобе. Скорее всего тут сказалась привязанность к этому городу, где я провел свои лучшие детские годы в семье старого доктора. Товарищи из городского комитета партии помогли мне получить японские документы на имя доктора Сасаки. Вы сами понимаете, что американцы и наши правители охотно занялись бы моей особой, если бы узнали, что я прибыл из «красного Китая». Партия помогла мне также получить работу. Я стал врачом в городской больнице, но ни на минуту не забывал о главной цели моей жизни. Постепенно, по мере возможности я стал создавать свою лабораторию. Мои прежние записи были потеряны, многое я за восемь лет забыл, но вскоре я снова приступил к работе по изысканию такой античумной вакцины, которая быстро и неотвратимо убивала бы любую чумную бактерию...

Два месяца назад я заказал в Кобе несколько десятков пробирок, колб и другой лабораторной посуды. Когда я пришел за получением заказа, мне ответили, что он не выполнен, так как магазин получил специальное предписание американских окку-

пационных властей немедленно выдать весь запас лабораторного стекла одному человеку. Это заставило меня насторожиться. Я осторожно стал расспрашивать хозяина. Он сказал, что покупатель — какой-то доктор в больших очках с черной роговой оправой... Я еле сдержал свое смятение. Мой неудачный поставщик, не заподозрив никакого подвоха, рассказал мне, что покупателя зовут доктор Маото и живет он в районе загородных вилл. В первую минуту я был сбит с толку. Маото? Не Отомура?.. Затем я понял, что военный преступник Отомура не рискнул бы появляться под старой фамилией. Слишком много было темных дел на его совести...

С того дня я из врача превратился в детектива. В адресном бюро мне назвали улицу, где якобы жил Маото, но на самом деле никакого Маото там не оказалось. Тогда я подобрал несколько уличных ребят, которые днем и ночью вместе со мной стали патрулировать весь район, где были расположены виллы. Не удивляйтесь, я тогда еще не уверился, что Маото, это именно Отомура, а идти в партийную организацию с пустыми подозрениями не хотел...

Через пять дней один из моих мальчишек сообщил, что видел человека, которого я ему описал. Целый день я пробродил возле указанного дома...

— Один? — прервал Фукуду секретарь.

Фукуда виновато посмотрел на секретаря.

— Один... Я теперь понимаю, что это была крупнейшая моя ошибка. Вместо того, чтобы подробно рассказать партийной организации о моих подозрениях и попросить совета и помощи, я искал сам...

Под вечер я встретил Отомуру-Маото. Что-то, против моей воли, толкнуло меня к нему. Я вытащил сигарету и попросил у него прикурить. В сумраке надвигавшегося вечера он не узнал меня и, равнодушно взглянув мне в лицо, подал спички.

Я понял, что меня трудно опознать. Не очень-то легко теперь отождествить меня с подпоручиком Такео Фукуда, которого Отомура знал в 1943 году. Время и пережитые трудности сделали свое дело и изменили мое лицо...

Следя за Отомурой, я установил, что в его доме есть телефон с условным номером. Скажу прямо — я подкупил привратника, и он назвал мне этот номер. На следующий день я позвонил, но мне ответили, что доктор Маото будет только поздно вечером. Тогда я пошел туда и сказал служанке, что договорился с Маото подождать его, так как он может вернуться ранее обещанного часа. Очевидно, такие случаи уже были, потому что служанка не стала мне возражать и позволила остаться в приемной Маото. Я начал искать разгадку его появления в Кобе. Мне удалось проникнуть в кабинет. Там я нашел записи, подтверждавшие, что Отомура не бросил своей бандитской работы и жадно ищет новую, еще более опасную бактерию молниеносной чумы!.. Значит, нужно было найти лабораторию! Однако никаких следов исследований в кабинете не было. Видимо, лаборатория находилась в другом месте. Я решил отступить на время и вернулся домой, чтобы на следующий день подстеречь его на улице...

Отомура вышел из дома около восьми. Я как тень пошел за ним. Несколько раз он останавливался и разговаривал со встречными американскими офицерами. Видимо, они хорошо знали его. Так дошли мы до большого здания, усиленно охраняемого американскими солдатами. Отомура показал пропуск и исчез в воротах. Я почувствовал, что опять бессилен... Стоя неподалеку от этого дома, я наблюдал за американскими офицерами, входящими и выходящими из него. Особенно привлек мое внимание один старший лейтенант. Был он низкого

роста, толстый и производил впечатление большого неряхи и пьяницы. Я пошел за ним. Миновав несколько улиц, старший лейтенант вошел в японский ресторан. Мне повезло: если бы он отправился в какой-нибудь бар с надписью «Только для американцев» — меня туда не пустили бы...

Во мне было столько решимости, что я вошел за ним и даже присел к его столику. Между нами завязался разговор. В университете я хорошо владел английским языком, и беседа с этим американцем не представляла для меня никакого труда... Я рассказал ему, что являюсь врачом, был офицером японской армии и сейчас ищу работу. После нескольких стопок виски, которым я угостил его, мой собеседник пообещал устроить меня...

Позавчера я увидел, что Маото куда-то уезжает на машине. В руках у него был довольно объемистый чемодан. Я взял такси и поехал вслед за ним на вокзал. У меня не было даже времени, чтобы зайти домой и захватить с собой хотя бы пальто — я едва успел купить билет. Мне удалось устроиться в соседнем купе. В Токио я снова пошел за Отомури. Он исчез в здании управления американской военной администрации. Ожидая его выхода, я прогуливался по улице, не спуская глаз с входных дверей, за которыми скрылся преступник. Как раз в это время началась демонстрация. Что-то толкнуло меня туда и заставило рассказать тысячам наших людей о страшном заговоре против них. Что было дальше — вы знаете...

Длинный разговор окончательно исчерпал силы Фукуды. Он утомленно посмотрел на слушающих. Молчание прервал секретарь.

— Откуда полиция узнала твою настоящую фамилию?

— Я сам машинально назвал ее. А потом уже решил, что лучше скрыть фамилию Сасаки, под

которой я прописан в Кобе и значусь в партийной организации. Думал, что так будет лучше на случай розысков полиции.

— Ага! Значит, ты с первой же минуты думал о побеге? — усмехнулся секретарь.

— Да. Был настроен бежать.

Косуке не мог удержаться и прищелкнул языком от восторга перед решительностью Фукуды.

— Теперь все это начинает укладываться в логически обоснованную цепь событий... — задумчиво произнес секретарь. — Эта жандармская собака, Канадзава, видимо, где-то услышал твою фамилию и вспомнил харбинские дела. Должен тебе сказать, что префект полиции полковник Риуси — его верный слуга. Ясно, что Канадзава не замедлил поднять тревогу среди американцев. Те же, в свою очередь уstraшенные твоим выступлением, боясь, чтобы их не разоблачили, начали бешеные поиски опасной личности по имени Фукуда. Все ясно!

— Что же мы предпримем? — спросил Косуке. — Ведь что-то надо делать, товарищ секретарь!

— Правильно. Мы должны обдумать свой план. Но, — секретарь посмотрел на свои часы, — уже поздно, да и устали все.

Он встал, расправляя онемевшие ноги, и прошелся по комнате, озабоченно думая о чем-то.

— Косуке! — сказал он, останавливаясь возле шофера. — Выйди на улицу и посмотри, не следит ли кто-нибудь за нашим домом. Я на всю жизнь запомнил эту отличительную особенность наших блюстителей порядка. Может быть, кто-то заметил, как ты бежал вместе с Фукудой? Тогда за тобой будут следить вовсю.

Шофер поспешно направился к двери.

ПОСЛЕДНИЙ НОЧНОЙ АККОРД

Косукэ вышел на улицу. Было очень тихо и, казалось, спокойно вокруг, но он все же внимательно огляделся по сторонам. Ни в одном доме не горел свет. Только там, откуда он вышел, виднелись едва заметные полоски света, пробивавшиеся через щели в занавеске. Ночь была безлунная, и на улице царил почти непроглядная темнота.

Прошло несколько минут. Косукэ начал различать в темноте контуры ближайших домиков и бесшумно двинулся вперед, внимательно присматриваясь к каждому предмету. Шофер хорошо знал повадки японских шпииков и умел быстро замечать их слежку. Что из того, что партия находилась на легальном положении! Полиция следила за каждым шагом ее членов, пытаясь парализовать любое мероприятие партийных организаций. Сколько раз приходилось готовить какую-нибудь кампанию или митинг в обстановке строжайшей конспирации. Это и научило Косукэ быстро ориентироваться в окружающей обстановке и не допускать, чтобы бесчисленные полицейские ищейки открыли или выследили кого-нибудь или что-нибудь раньше времени.

Сейчас ему показалось, что возле домика, на противоположной стороне улицы, маячит какая-то тень. Он замер и впился глазами в темноту. До домика было около ста шагов, там росло невысокое дерево. За ним, казалось, прятался кто-то. Медленно, не спуская глаз с дерева, шофер пересек улицу. До ближайшего фонаря было, по крайней мере, пятьдесят метров. Вдруг кто-то как бы отделился от ствола и подвинулся в сторону. Косукэ ускорил шаг. Почувствовал, как сердце забилось быстрее и нервная дрожь пробежала по спине: теперь отчетливо был виден крадущийся вдоль стены человек. Шофер побежал. Его шаги гулко прозвучали в ти-

шине улицы. Преследуемый уже не пытался остаться незамеченным и мчался, что было сил, в сторону ближайшего переуллка. Еще минута, и он исчез за углом...

В это время кто-то схватил Косуке за руку. Выслушав остановившего его человека, шофер повернул обратно, а незнакомец бросился вслед за беглецом, стараясь наверстать упущенное время.

Косуке ворвался в домик доктора разгоряченный и вспотевший. Отозвав секретаря в сторону, он поспешно зашептал что-то. Секретарь слушал, не прерывая, только один раз согласно кивнул головой. Потом обернулся к Фукуде и коротко сказал:

— Нужно уходить. Кто-то следит за нами. Идемте, я проведу вас на новое место. Придется идти через огороды. А вы, доктор, приготовьтесь к не очень приятному визиту.

Старик усмехнулся и махнул рукой.

— Это не первый и не последний. Я уже успел привыкнуть к ним.

Секретарь ответил ему крепким рукопожатием. На улицу выбежали втроем. Секретарь и Фукуда сразу же свернули влево, а Косуке направился в противоположную сторону.

* * *

В дежурной комнате полицейского участка стояла тишина, нарушаемая только храпом развалившегося на скамейке полицейского. Сержант, сидевший за столом, отгороженным барьером от остальной части большой комнаты, дремал над бумагами, опираясь на руку. Когда голова его склонялась совсем низко, он открывал сонные глаза и монотонно бросал в сторону храпевшего полицейского:

— Встань, дурак! Забываешь, что ты на службе?

Снаружи тоже все было спокойно: на улице не показывался ни один пешеход, ни одна машина. Внезапно ночную тишину нарушил звук быстрых шагов. Кто-то бежал к полицейскому участку. Охранник, стоявший перед домом, поправил винтовку и стал всматриваться в темноту. Вскоре перед ним остановился какой-то запыхавшийся низенький человек.

— К дежурному офицеру! — бросил он, жадно хватая воздух.

— А в чем дело? — недовольно буркнул охранник. — Ты что думаешь: дежурный офицер только и ждет твоего прихода, балда?..

— Именно ждет! Пусти, я знаю пароль... — он прошептал какое-то слово.

Охранник отступил на шаг, освобождая путь.

Человечек поспешно вбежал в здание и остановился перед барьером.

— Спице, глупцы! — крикнул он, увидев дремавшего за столом сержанта и храпевшего в углу полицейского.

Сержант безвольно поднял голову, машинально потянулся за пером. Потом опомнился, с яростью отбросил его и сердито прошипел:

— Что тебе надо?

Стук ручки, упавшей на пол, пробудил полицейского. Увидев, что начальник гневается, он тоже сорвался с места, схватил винтовку и с грозным выражением лица подвинулся к ночному посетителю.

— Что тебе надо?!

Человечек, стоявший около барьера, с испугом отскочил в сторону и дрожащим голосом произнес:

— Мне нужен дежурный офицер...

— Зачем? — спросил сержант.

— Я должен его видеть сейчас же, сию минуту! — простонал посетитель. — Разве вас не предупредили, что сегодня ночью может быть тревога...

Услышав это, сержант вскочил как ошпаренный и сердито закричал:

— Сразу так и нужно было говорить, болван!.. Жди! — он побежал докладывать начальнику.

Через минуту в комнату вошел заспанный, в незастегнутом мундире поручик.

— Ну, что? — бросил он в сторону посетителя.

— Нужно быстрее ехать! — человек назвал адрес. — Как можно скорей, а то сбегут!

— А почему ты так поздно явился? — крикнул офицер.

— Не мог отойти, господин поручик... — пробормотал человек.

— Идиот! — выругался офицер. — Если мы не поймаем их, то я душу из тебя вытрясу! — Он стукнул кулаком по столу. — Запомни это!.. Сержант, составьте протокол! •

— Зачем протокол? — замялся человек.

— Как это зачем? Чтобы было видно: во сколько часов ты сообщил, что и где, как объяснил... вообще все! Думаешь, если ты прошляпишь дело, так за тебя буду отвечать я?

Вбежал дежурный.

— Люди уже в машине, господин поручик!

— Хорошо. Подпоручик Сойо здесь?

— Так точно!

— Передайте ему адрес! — поручик бросил на стол листок бумаги с адресом.

— А этот? — кивнул в сторону ночного посетителя сержант.

— Ему незачем ехать! Только будет мешать, — ответил поручик, презрительно кривя рот.

Фукуде мгновениями казалось, что это бегство через огороды, закоулки, дворы и какие-то узкие улочки никогда не кончится. Секретарь все время бежал впереди, показывая дорогу. Фукуда чувствовал, что сердце у него бухает, как молот, и готово выскочить из груди. К тому же досаждала боль в ноге. Наконец, они приостановились, чтобы немного отдохнуть.

— Устал, товарищ Фукуда? — спросил секретарь. — Потерпи. Через несколько минут мы будем на месте.

Фукуда плечом оперся о какую-то изгородь. Молчал.

— Скоро отдохнешь. У Танимы никто не будет тебя искать.

— У кого? — удивленно спросил Фукуда. — Кто это?

— Это наша сотрудница. Она ведаёт одним из самых трудных участков работы — женским отделом. Прекрасно справляется со своими обязанностями. Тебя не смущает, что придется жить у девушки? — Фукуда понял, что секретарь улыбается в темноте, — у молодой, интересной и к тому же коллеги: в этом году она оканчивает медицинский институт.

Фукуда не ответил.

...Они вышли на какую-то улицу. Изредка на встречу им попадались запоздавшие прохожие или пьяницы, возвращавшиеся из ночных кабачков. Почти бесшумно пролетали по асфальту редкие автомобили, развозившие по домам более богатых ночных гуляк. Наконец, секретарь остановился перед одним из многоэтажных домов.

— Здесь.

— А где же Косуке? — спросил Фукуда.

Секретарь нахмурился.

— Косуке?.. Он теперь выполняет важное задание. Очень важное! Оно подобно операции, когда врач удаляет гноящийся нарыв. Ясно?

* * *

Улица очень широка. По обеим ее сторонам тянутся ряды высоких домов. Они поднимаются вверх, и очертания их теряются где-то во мраке, тускло поблескивая слепыми глазницами окон, за которыми уже давно спят люди. Шаги людей в эту пору раздаются редко. Ночное движение уже утихло, а утреннее еще не началось.

Вдоль стен домов идет низенький человек. Он спешит домой. Идет быстро, время от времени оглядываясь назад. Может быть, он боится преследователей? Человечек отнюдь не похож на завсегда-тая ночных кабачков. Он скорее напоминает кого-то из тех, кто безнадежно ищет и не может найти спасительного выхода из создавшегося отчаянного положения.

Внезапно человечек останавливается. Тусклый свет фонаря растягивает его тень, она ломается у подножия стены и ползет вверх к окнам второго этажа. Тень создает впечатление, что человечек внезапно вырос, стал огромным и сильным. Но это только кажется. Человечек достает из кармана сигарету и, заслоняясь от слабого ветра, закуривает...

Почти неслышно к нему подъезжает легковой автомобиль. Человечек роняет сигарету и отскакивает за угол дома, как бы желая скрыться, втиснуться в стену и остаться незамеченным.

Автомобиль останавливается. Из-за бокового стекла высовывается лицо молодого шофера.

— Эй, малый! Нет ли у тебя огонька? — спрашивает шофер. — Мне показалось, что ты куришь.

Человечек отделяется от стены.

— Я уже покурил, — неохотно бросает он и сразу же идет вперед.

— Подожди! — тихо окликает его шофер. — Я, видишь ли, очень хочу курить. Одолжи спичку... Могу дать тебе за это целую сигарету. Только что получил полпачки от одного пассажира... Американские!

Человечек останавливается и окидывает машину подозрительным взглядом. Шофер продолжает:

— На этих американцах иногда можно кое-что заработать. Нарезается такой в доску, глядишь, потом дает целый доллар за лихую езду... Но, — грустно добавляет он, — такие попадаются редко... Ну, дашь спичку, а?

Человечек лезет в карман, долго шарит там и, наконец, достает коробку спичек. Шофер вылезает из машины, подходит ближе.

— Спасибо! — говорит он, затягиваясь пахучей сигаретой. Потом вытаскивает из пачки еще одну и протягивает ее человечку.

— На, закури! Хорошие сигареты...

— Благодарю, — бормочет человек и тоже закуривает.

— Надо ехать домой, — тихо и задумчиво говорит шофер. — Уже поздно, вряд ли кого сейчас подцепишь.

Человечек молча двигается вперед, но останавливается, услышав тихий оклик шофера.

— Подожди, малый! Правда, ты не похож на миллионера, но если живешь где-нибудь возле моего района, то я, пожалуй, подвезу тебя. Сам бедный, понимаю нужду.

— У меня нет денег на такси, — недовольно говорит человек.

— Это заметно по твоему лицу. Видно у тебя какое-то очень паршивое ремесло, на котором мил-

лионов не зарабатываешь. Ну, да это пустое. Я подвезу тебя. Садись!

Человечек подозрительно глядит на шофера, но тот уже садится в машину, бросая на ходу:

— Ну, залезай, псехали! Где живешь?

— Недалеко от фабрики «Омайя»...

— Фью-ю-у! — удивленно свистит шофер. — Я тоже живу в этом районе! Вот здорово!.. Садись!

— Да что ты пристал ко мне? Что тебе так хочется меня подвезти? Отвяжись! — злобно бурчит человечек.

— Тьфу! — плюется шофер. — Не хочешь — не надо! Дуй пешком, господин пижон! Черт с тобой!.. Очень мне нужно просить тебя!..

Человечек слышит, что шофер нажимает стартер и решается. Отворяет заднюю дверь и, наклонившись, влезает в машину. В ту же минуту автомобиль рывком набирает скорость, и человечек падает на сиденье. Он замечает, что рядом с ним сидит еще кто-то. Затягивается сигаретой, которую все еще держит во рту, и чувствует, как у него начинают дрожать руки. Трясущимися пальцами он вынимает спички и пытается зажечь их. Они ломаются одна за другой, но ему все-таки удается высечь огонь. Мигающий язычок пламени вырывает из темноты черты сурового мужского лица, и спичка падает... Человечек чувствует, как у него на голове волосы встают дыбом, а по спине пробегает смертельный холод. Хочет крикнуть, но слова застревают в горле. Машина продолжает стремительно лететь по сонным улицам.

— Ты?! — наконец, выдавливая из себя человечек. — Ты?.. Что тебе нужно... от меня?..

Сосед молчит. Шофер тоже не оборачивается.

— Что ты хочешь от меня? — еще раз хрипит человечек, дрожа всем телом.

Ответом ему служит грозное молчание соседа. Человечек протягивает руку и хватает шофера за рукав.

— Останови машину... останови!.. Я выйду!..

Но шофер даже не оборачивается и только толчком плеча отбрасывает руку человечка. Тогда тот хватается за поручень, но железные пальцы соседа отрывают его руку.

— Сиди и молчи! — слышит он металлический голос. — У тебя остается только двадцать минут, чтобы подумать, каким ты был мерзавцем...

— Ннет... — заикаясь от ужаса, шепчет человечек. — Не имеешь права... Не имеешь...

Машина продолжает мчаться, почти не тормозя на поворотах. Уже исчезли высокие дома и широкие улицы. Теперь машина несется между рядами маленьких, обшарпанных домиков. Уличные фонари попадаются все реже и реже. Человечек втискивается в самый угол сиденья.

Липкими от пота руками он цепляется за одежду соседа и скорее жестами, чем словами, в ужасе начинает молить о пощаде... Затем, взглянув в заднее окно, вскрикивает от неожиданности — город уже остался позади. Теперь машина летит по шоссе, среди рисовых полей, и вокруг не видно ни одной живой души...

Наконец, шофер останавливает машину, выскакивает и отворяет дверцу. Человечек стремительным броском выпрыгивает из автомобиля, но не успевает сделать и шага, как его настигают сильные руки. Человечек падает на колени...

— Нет... — шепчет он, — нет... Умоляю тебя... пощади!.. Ошибся я... Не надо!.. Оставьте мне жизнь... позвольте мне доказать... Я все расскажу вам... все... Никогда больше...

Внезапно человечек видит, как прямо против его лица появляется черное и грозное дуло пистолета...

Секретарь проводил Фукуду на четвертый этаж. Позвонил. Дверь тихо отворилась, на пороге стояла девушка. Улыбаясь, она жестом пригласила поздних гостей войти. Секретарь и Фукуда молча шагнули в квартиру. Девушка закрыла дверь на ключ и звонким голосом сказала:

— Привет, товарищи! Жду вас уже больше четверти часа.

— Привет, товарищ Танима! — ласково ответил секретарь. — Мы не могли прийти раньше. Шли кружным путем, и это отняло много лишнего времени.

— Ничего. Проходите в комнату.

Она открыла дверь, и пришедшие увидели массивный письменный стол, заваленный книгами, газетами и бумагами. Около противоположной стены, где находилась кровать, тоже лежала груда книг.

— Давно я у тебя не был, товарищ Танима! — улыбаясь, сказал секретарь. — Но тут, кажется, ничего не изменилось. Хотя нет — книг стало еще больше...

— Нужно готовиться к экзаменам, вот и приходится налегать!

Фукуда прислонился к столу, рассматривая книги. Одна из них, видимо, сильно заинтересовала его. Взяв ее и не обращая внимания ни на хозяйку, ни на секретаря, вполголоса беседовавших о чем-то, доктор начал перелистывать страницы. Спустя некоторое время он оторвался от книги и с любопытством посмотрел на девушку.

— Это русская книга? — тихо спросил он.

— Да, — ответила Танима.

— И вы знаете русский язык?

— Знаю.

— Это, видимо, какой-то учебник по бактериологии.

— Да.

— Ну, вот, видишь, — вмешался секретарь, — я же говорил, что знакомство с Танимой тебе пригодится.

Фукуда смутился, отложил книгу в сторону и подошел к окну. Некоторое время царило молчание. Его прервала Танима.

— Пора спать, товарищи! В соседней комнате я приготовила вам постели. Может быть, покажется немного жестковато, но, к сожалению, ничего другого в доме нет, — откровенно призналась она.

— Ты даже обо мне подумала? — засмеялся секретарь. — Как это тебе пришло в голову?

— Ой, товарищ секретарь! — шутливо покачала головой Танима. — И когда это вы перестанете считать женщину менее способной к мышлению, чем мужчину, а?

— Я ничего подобного не думаю! — деланно рассердился секретарь. — Уж и пошутить нельзя!

— Так ведь и я шучу! — весело рассмеялась Танима. — А вы, товарищ, — вдруг обратилась она к Фукуде, — если очень заинтересуетесь этим учебником, то скажите мне. Может быть, я кое-что переведу вам.

— Очень благодарен! — ответил Фукуда, чувствуя, что его почему-то вновь охватывает смущение. — Но у вас, вероятно, нехватит времени на это.

— Если вы меня хорошенько попросите, — улыбаясь, произнесла Танима, — то я найду немножко времени. Ну, а теперь — спать! Через час уже начнет светать.

* * *

Город пробуждался. В сером рассвете начали выступать очертания домов. По улицам проехали первые тележки, на которых развозят в богатые дома молоко, хлеб, овощи. Один за другим гасли фонари.

По улице шли двое пожилых рабочих. Они разговаривали вполголоса, часто оглядывались.

— И когда только все это кончится? Мой брат уже около четырех месяцев без работы и продавать больше нечего... Скоро с голоду пухнуть начнет... Этот мерзавец Такахава пристает к нему, чтобы продал дочку...

— И ты позволишь это сделать? — с возмущением перебил собеседник. — Стида у тебя нет!

— А что я могу сделать? — безнадежно махнул рукой первый рабочий. — Сказать ему: «Не смей продавать дочь, лучше сам подохни с голоду!», так что ли? Или подышать всем вместе? Ведь и у моих детей ничего нет, кроме куска гнилой рыбы. Сам знаешь, как я живу...

Разговор этот был прерван неожиданным шумом, донесшимся из-за угла. Слышались крики, какой-то треск, звон стекла... Первый рабочий удивленно спросил у собеседника:

— Что бы это могло быть?

— Не знаю... Идем-ка, посмотрим.

Они завернули за угол. Возле небольшого дома стояла толпа, в которой выделялась группа каких-то молодых людей, державшихся особняком. Они были одеты в новенькие рабочие комбинезоны, но зверские лица некоторых из этих молодчиков свидетельствовали, что среди них преобладают подлинными бандиты. Недалеко от толпы стояло два больших грузовика. Молодчики старались выломать входные двери дома. На тротуаре валялись осколки стекла. Какой-то железнодорожник попытался по-

мешать хулиганам, но тотчас же свалился от удара железной палкой.

Двое рабочих из толпы бросились на помощь сбитому с ног железнодорожнику. За ними последовало еще несколько человек.

Невысокий худощавый маляр закричал:

— Товарищи! Эти паразиты хотят вломиться в партийный комитет!.. Тут провокация! Не допустим погрома!

Толпа надвинулась на молодчиков, вооруженных железными палками. Через минуту на улице кипело, как в котле. Послышались дикие крики, затем раздались удары, донеслись проклятия и ругательства избиваемых и хрип дерущихся.

Рабочие заставили хулиганов отступить на середину улицы и уже окончательно стали теснить их, когда внезапно шум схватки прорезал оглушительный вой сирены. Из-за угла вынесся грузовик, до отказа набитый полицейскими. Они на ходу соскочили с машины, и секунду спустя в воздухе замелькали резиновые дубинки. В толпе раздались крики возмущения:

— Смотрите, смотрите! Полиция держит сторону этих бандитов!.. Тут организованный погром! Товарищи, держитесь!

— Расходитесь немедленно! Расходитесь! — кричал, размахивая пистолетом, молодой офицерик.

— Эй, птенчик! Спрячь свою игрушку, а то отберем, так плакать будешь! — закричал худощавый маляр.

— Верно! Стоит посчитать им ребра! — подхватили несколько человек. — Когда те бандиты громили здесь, так полиция шаталась где-то за углом...

— Правильно!.. А только мы стали прогонять хулиганов, как и полиция появилась сразу... Сво-

лочи!.. На наших спинах пробуют свои дубинки, мерзавцы! — раздавались яростные крики.

Рабочие стеной придвинулись к домику. Полицейские в страхе остановились, выжидающе поглядывая на своего начальника. Грозный вид рабочих не сулил ничего хорошего. Молодчики в комбинезонах, видя, что обстановка складывается не в их пользу, поспешили ретироваться. Молодой офицерик понял, что положение довольно угрожающее, и дал знак. Полицейские вскочили в машину, и сопровождаемые свистом и насмешками толпы, исчезли за поворотом.

ОХОТА ЗА ЧЕЛОВЕКОМ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В кабинете полковника Кроссби было темно от дыма. Пять офицеров сидели возле письменного стола, яростно споря и жестикулируя. Только генерал Канадзава не участвовал в споре; он внимательно слушал и даже улыбался.

— Все ваши так называемые усилия, — горчился Кроссби, — не дали до сих пор никаких результатов... Пять дней уже мы ищем этого проклятого Фукуду, а толку нет! Это стыдно, господа! Стыдно, что один коммунист смеется над всеми попытками американской и японской полиции!.. Позор!..

— Осмелюсь заметить, — наконец, вмешался Канадзава, — здесь дело не в Фукуде. Если бы Фукуда действовал сам по себе, мы давно бы держали его в руках... Но к нашему несчастью, вся трудность в том, что он не одинок. Коммунисты не имеют привычки действовать в одиночку. За Фукудой стоит сильная организация...

— Мы нигде не можем найти его следа, — добавил Риуси. — В течение этих пяти дней мы пере-

рыли все списки, но ни в одном нет упоминания о Фукуде.

— Неужели никто до сих пор не знал его? — простонал Кроссби.

— Все данные говорят о том, — ответил Риуси, — что Фукуда появился в Токио только несколько дней или недель назад. Мы даже не можем разослать на места розыскных листов, так как все его приметы в описании наших агентов расходятся между собой. Несомненно только одно обстоятельство: мои люди единодушно утверждают, что никогда прежде не видели его в Токио. Один из них заявил, что кажется встречал Фукуду в Кобе. Этот агент последнее время работал там. Я выслал в Кобе самых способных людей и жду теперь сообщений оттуда...

Кроссби нервно зашагал по кабинету. Потом, посмотрев на присутствующих, резко сказал, обращаясь к Канадзаве:

— Из того, что здесь говорили, явствует лишь следующее — после пяти дней поисков, мы знаем столько же, сколько знали в первый день!.. То есть — ничего. Следовательно, нужно изменить тактику. Надо поставить на ноги всю, понимаете, всю полицию! — Канадзава кивнул головой. — Надо мобилизовать всех агентов, которые когда-либо занимались коммунистами. Всех арестованных в связи с делом Фукуды подвергнуть допросу третьей степени и не стесняться, если даже половина из них подойдет. Ясно? Этим займется вместе с полковником Риуси мой человек — капитан Мак Лири.

Невысокий брюнет со скуластым лицом усмехнулся и подмигнул Риуси.

— Арестованный нами доктор, у которого укрывался Фукуда, — тихо сказал Риуси, — умер этой ночью...

— Идиотство! — Кроссби бухнул кулаком по столу.— Что вы творите? Даже людей допрашивать не умеете! Вот судьба!.. Я все свои надежды возлагал именно на этого проклятого доктора, а теперь мы снова потеряли след..— Кроссби овладел собой и обратился к Риуси.— Полковник! Я жду скорейшего сообщения о результатах розысков в Кубе. Всем ясно, что нужно делать?.. Действуйте!

Собравшиеся начали отодвигать стулья. Через минуту в кабинете остались только Кроссби и Канадзава. Японец пристально посмотрел на американца и, склонившись к нему, тихо сказал:

— Полковник, я не хотел говорить при всех, но вести плохие. Агент, который по моему поручению пробрался в токийскую коммунистическую организацию и, в частности, следил за коммунистами, подозреваемыми в укрывательстве Фукуды, не вернулся. Даже тела его не нашли до сих пор. Я полагаю, что его казнили, как раскрытого провокатора. Мое предположение подтверждает и другую мысль — Фукуда действует в тесном контакте с местными партийными организациями. Мой исчезнувший агент все же успел назвать мне одного человека, который мог помочь Фукуде бежать. Поскольку это шофер, то я позавчера приказал задержать его под видом нарушения правил уличного движения. Вы понимаете, что мы должны были действовать очень осторожно, чтобы не спугнуть красного зверя. Проверили, что делал этот шофер в тот день и ночью. Однако у него неоспоримые доказательства: был на демонстрации, и прямо оттуда срочно выехал в Осака. Мы отпустили его, но установили за ним строжайший надзор.

Кроссби поднял брови в знак удивления и с минуту что-то чертил на листе бумаги. Потом посмотрел на Канадзаву:

— Фамилия этого человека?

— Косуке. Акира Косуке, шофер, — ответил Канадзава.

Кроссби поспешно записал фамилию в блокнот.

— Спасибо, генерал. Вы оказываете нам неоценимые услуги. Долг нашей благодарности растет с каждым днем.

Они простились.

* * *

Генерал Канадзава поудобнее уселся на цыновке. Перед ним на низеньком столике стоял чайник и крохотная фарфоровая чашечка. Рядом лежали принадлежности для курения. Генерал поправил полы длинного кимоно и наполнил чашечку. Отпив глоток, он отставил ее, взял короткую трубочку и, откинувшись к стене, стал медленно пускать вверх колечки дыма.

С первых же дней прихода американцев Канадзава понял, что его звезда засияет, как и прежде. «Я еще не так стар, а мой опыт и знания наверняка пригодятся нашим американским коллегам!» — говорил он в узком кругу приятелей.

Действительно, чтобы не оказаться в положении человека, выброшенного за борт течением жизни, Канадзава все эти годы после капитуляции поддерживал связь со своими информаторами, осведомителями и агентами. Он знал все, что делалось в стране: агенты доносили ему обо всем. Канадзава давно раскрыл тайны политики японского правительства и самих американских властей...

У себя в доме он хранил часть сыскного архива, уцелевшего в вихре войны. Друзья смеялись над ним и говорили, что старый Канадзава, как крот, тащит в свою нору каждую ненужную бумажку не только времен войны, но и довоенных лет. А Канадзава только пожимал плечами и сожалел, что его друзья так недалёковидны. И вот оно пришло,

Канадзава был уверен, что он один имеет шансы на успех в розыске Фукуды. Почтенный Риуси разрывается на части, но ищет вслепую. То же самое происходит и с Кроссби, который лишь хрипит от ярости. Только он, Канадзава, кое-что знает о Фукуде, только он мог бы, в случае чего, установить тождественность его личности.

Генерал старательно сложил бумаги и засунул их под подушку. Потом закурил трубку и громко хлопнул в ладоши. В ту же минуту в дверях появился старый, почтительно склонившийся, слуга.

— Кто-нибудь пришел ко мне?

— Да, господин! Какой-то человек.

— Впусти его!

Слуга исчез и скоро вернулся в сопровождении высокого мужчины с изрытым оспой лицом. Генерал показал гостю на место возле столика.

— Садись, Накава.

Гость приблизился, кланяясь на каждом шагу. Генерал снова хлопнул в ладоши. Через секунду перед генералом стоял другой столик с чайником и двумя чашечками. Канадзава подождал, пока ему нальют чай. Слуга вышел.

— У меня есть для тебя важная и выгодная работа, Накава, — выпив чай, медленно произнес генерал. — На, выкури трубочку!

— Благодарю вас, господин! — почтительно ответил Накава, принимая от генерала короткую трубку. — Могу я спросить, какая это работа? — в хищной улыбке гость обнажил искрошившиеся, почерневшие зубы.

— Очень важная и очень выгодная!

Как бы подчеркивая весомость и значение этой фразы, Канадзава вынул из манжета кимоно несколько крупных банковских билетов. Накава осторожно взял деньги, внимательно осмотрел их, пересчитал и положил за пазуху.

— Теперь вижу, что работа действительно важная, — пробормотал он.

— Сколько у тебя людей сейчас?

— Семь, господин.

— Маловато, — скривился Канадзава, — но ничего не поделаешь. Так вот. Пошлешь каждого в разные города — в Осака, Киото и Кобе. Поручишь им собрать сведения о всех врачах, которые живут в этих городах и окончили университет в Киото. Понимаешь? Только в Киото. Затем они должны добыть отпечатки пальцев этих врачей. Ясно?

— О, мой господин! — схватился за голову Накава. — Но ведь это невыполнимая работа!.. Я не справлюсь...

— Я же сказал тебе, что работа трудная, но и выгодная. Вот еще немного денег на поездку твоих людей. Даю тебе на все это три недели.

— Господин! — простонал Накава. — Как я справлюсь? Ведь нужно добыть отпечатки у стольких людей!.. И как это сделать?..

— Это меня не касается, — холодно ответил Канадзава, — я плачу за то, чтобы не только выполняли мой приказ, но и думали. И помни — три недели! Ни одного дня больше. Ты, конечно, понимаешь, что к каждому оттиску должны быть приложены адрес и полное наименование данного лица...

Накава хотел что-то возразить, но по выражению лица Канадзавы понял, что разговор окончен. Поспешно встав и низко кланяясь, он попятился к двери.

— Смотри же — три недели! — бросил вдогонку ему генерал.

ПЛАН ФУКУДЫ

На письменном столе монотонно тикали часы: раз-два, раз-два, раз-два. Время от времени Фукуда посматривал на стрелки, и брови его гневно сжима-

лись. Потом он снова углублялся в чтение разложенных на столе книг. Медленно, с большим трудом, повторял он названия незнакомых букв, по складам читал длинные слова и нервно кусал губы. Изучение русского языка давалось ему нелегко. Временами Фукуда не мог выговорить какое-нибудь слово, но вспомнив, что он дал Таниме обещание выучить заданный урок до конца, снова принимался за чтение.

Кончив заниматься, он оперся подбородком на кисть левой руки и задумался. Удивительная штука жизнь! Удивительная, а подчас и непонятная. Вот он, доктор Такео Фукуда, которого так усиленно разыскивают японская полиция и американские оккупационные власти, сидит себе на четвертом этаже в самом центре Токио и, как маленький мальчик, читает по складам букварь!..

Фукуда вскочил со стула и начал ходить по комнате... Да! Когда придет Танима, он скажет ей, что сидеть сложа руки не имеет смысла. Никто не опознает его, раз уж Отомура-Маото его не узнал... Он должен действовать! Секретарь, видимо, не придавал большого значения его рассказу... Может быть, он и вовсе не поверил и потому не приходит? Но он то, Фукуда, уверен, что американцы проводят бактериологические исследования! Он должен сорвать эти преступные планы!.. Один раз он уже пережил трагедию бессильного бунтовщика, который видит преступление, но не может ему помешать. Не-е-ет, хватит! Теперь он уже не чувствует себя бессильным. Если секретарь райкома не хочет ему помочь, то он обратится прямо в центральный комитет! Пусть только придет Танима, он все ей скажет...

Это решение немного успокоило Фукуду. Он посмотрел на часы: скоро девять. Танима была очень пунктуальна и сегодня обещала вернуться к шести.

Сказала, что будет читать и переводить ему советский учебник бактериологии... Однако, прошло три часа, а ее еще нет...

Может быть, что-нибудь случилось?.. Мысль эта заставила болезненно сжаться сердце Фукуды. Уже который раз он ловит себя на том, что беспокоится о Таниме. Удивительное дело! До сих пор ни одна женщина не играла такой роли в его жизни. В студенческие годы он считал их коллегами по университету, в партизанском отряде — просто товарищами. А теперь о Таниме он думал как-то иначе, теплей...

Собственно он даже не знал ее как следует, так же, впрочем, как и она его. Виделись они только по вечерам. Утром она уходила очень рано, и Фукуда находил на столе лишь записку, в которой сообщалось, когда Танима вернется. Во время обеда она рассказывала всему случайному квартиранту о подготовке к экзаменам, об институтских новостях. Фукуда помогал Таниме, разъясняя наиболее сложные медицинские вопросы или указывая на справочники, которыми он сам пользовался еще во время учебы в университете.

На третий день его пребывания у Танимы она предложила ему свою помощь в изучении русского языка. Фукуда с благодарностью принял это предложение. Он давно уже мечтал изучить язык народа, который указывал всему миру путь к счастью и свободе, язык народа, по стопам которого и он шел уже несколько лет. Это был великий язык великих вождей человечества — Ленина и Сталина.

Через несколько дней к этому добавилась еще одна потребность: Фукуда нетерпеливо стал ожидать возвращения Танимы, чтобы снова услышать ее голос — низкий и задушевный, увидеть ее лицо с высоким чистым лбом и блестящими черными глазами, лицо, словно вырезанное из слоновой ко-

сти. Он скучал по ее улыбке, даже по замечаниям, на которые она не скупилась, если он заслуживал их плохой успеваемостью в изучении русского языка.

Размышления Фукуды прервал осторожный стук в дверь. Сорвавшись с места, доктор почувствовал, что вся тревога его улетучилась. Танима приветствовала его еще с порога.

— Ой, товарищ Такео! Пожалуйста, простите меня за опоздание! Но, право, все это из-за вас!

— А я уже начал беспокоиться... — с облегчением вздохнул Фукуда.

Девушка ответила ему благодарным взглядом.

— Знаешь, Такео... — перешла она неожиданно на «ты», но тут же спохватилась и густо покраснела. — Простите, товарищ...

Фукуда улыбнулся.

— Говори мне ты, товарищ Танима! Мы ведь не только коллеги по специальности, но и товарищи по общей борьбе, верно?.. А кроме того, ты еще мне помогаешь по-дружески... Так к чему же это официальное...

— Хорошо! — кивнула Танима. — Я должна сообщить тебе важные известия!

— Наконец-то! — Фукуда даже привстал со стула. — Какие?

— Прежде всего, сегодня вечером тебя вызывает секретарь. Он сам не может прийти, так как опасается, что за ним установлена слежка. Понимаешь? Мне передано, что Косуке находится под усиленным наблюдением и потому тоже не мог явиться сюда. Секретарь говорит, что хочет встретиться с тобой в надежном месте. Я проведу тебя. Встреча в половине одиннадцатого.

Фукуда тревожно посмотрел на часы. Танима рассмеялась.

— Подожди, не спеши! У нас еще больше часа в запасе. Надо же хоть поужинать.

— Чай уже готов! — с гордостью ответил Фукуда.

— Подумать только: как меняется время! — шутливо всплеснула руками Танима. — Японский мужчина помогает женщине по хозяйству!..

Она стала накрывать на стол.

Фукуда помолчал, потом тихо спросил:

— Скажи, Танима, хотела бы ты помогать мне в работе?

— Какой работе?

Фукуда смутился.

— Ну... в моих исследованиях... например. Понимаешь, одному очень трудно проводить опыты. А у меня почти все продумано. Теперь нужно только практически проверить формулы, цифры и наметки. Ты могла бы очень помочь мне...

— Ты серьезно?..

Танима обернулась к Фукуде. Глаза ее радостно заблестели, на щеках выступил яркий румянец.

— Да... Совершенно серьезно. В общем... это пригодилось бы тебе, как практическое дополнение к твоим занятиям в институте. Лишь только мы закончим поиски Отомуры, я сразу же вернусь к работе над изысканием противочумной вакцины. Мы бы могли вместе проводить эти исследования...

Танима подошла к нему и протянула руку, Фукуда крепко пожал ее.

— С этой минуты, — серьезно сказал он, — мы с тобой товарищи по работе.

— И друзья! — добавила Танима.

* * *

Секретарь ждал в чайной, находящейся в центре города. Это место он выбрал по многим причинам. Зал был большой и имел несколько выходов. Это

гарантировало возможность сбить со следа любых преследователей. И все-таки секретарь колесил по городу больше часа, прежде чем войти в эту чайную. Он, правда, не был уверен, что за ним следят, но в некоторых случаях излишняя осторожность не вредит.

Больше всего секретарь опасался Канадзавы. Райком уже знал, что старый жандарм получил назначение на пост начальника японской полиции. Стало также известно, что он играет главную роль в деле Фукуды. Секретарь был осведомлен о всех действиях японской полиции и американцев, но не предвидел, что именно предпримет теперь Канадзава. Хорошо еще, что полиция до сих пор не имеет точного описания Фукуды. Это значило, что доктор может почти спокойно ходить по городу, особенно в вечерние часы. Но все это не решало сложившейся ситуации. Раскрытие американского бактериологического центра (если таковой существовал) было предприятием далеко нелегким. Единственный след вел через Отомуру к охраняемому американскими солдатами дому в Кубе. Но это мог быть и ложный след. Отомура мог работать там просто в качестве врача, законтрактованного американцами. С чего начать поиски?

Медлить в таком деле нельзя. С волнением думал секретарь о том, что, может быть, где-нибудь тут, рядом, носители бредовых планов истребления человечества лихорадочно продолжают свою преступную деятельность по осуществлению чудовищного замысла. Под впечатлением рассказа Фукуды секретарь снова внимательно перечитал материалы хабаровского процесса. Опасность выявленных на процессе фактов усиливалась теперь вскрытыми живым свидетелем преступлениями поджигателей новой войны. Тогда их планы были сорваны стремительным наступлением Советской

Армии, только она одна спасла мир от чудовищных эпидемий. Но теперь враг еще более остервенел; он ясно видит перед собой пропасть, в которую ему предстоит свалиться. Американские генералы доказали, что они готовы на любые преступления, лишь бы устроить человечество. Несомненно, после сокрушительного удара, нанесенного им выступлением товарища Молотова, они уже раздумывают, можно ли безнаказанно использовать атомную бомбу. Но их нужно разоблачать повседневно, нужно показать всему миру опасных преступников, сорвать с них маски, доказать их бешеную кровожадность, пробудить гнев в миллионах простых людей, мобилизовать все народы на борьбу против бредовых планов новых претендентов на мировое господство!.. А для этого нужно иметь в руках неопровержимые доводы, железные аргументы — необходимо разыскать питомник смерти и назвать его хозяев... Секретарь глубоко задумался.

В этот момент он увидел Таниму, а рядом с нею улыбающегося Фукуду. Секретарь осмотрелся. В зале было много посетителей, но никто не обратил внимания на прибывших. На всякий случай секретарь жестом пригласил Таниму и Фукуду в боковую комнату, куда мало кто заглядывал. Усевшись поудобнее, секретарь показал Фукуде на место рядом, а Таниме сказал что-то. Девушка быстро вышла.

— Ну, как чувствуете себя, друг?

— Хорошо. Даже забыл уже, что со мной приключилось. Вот единственный след, — усмехнулся Фукуда, осторожно дотрагиваясь до розоватого шрама на лбу.

Секретарь внимательно взглянул на Фукуду.

— Я долго думал о нашем деле, — тихо сказал он, — очень долго. Оно не дает мне покоя. Все соглашаются, что эту преступную лабораторию нужно

найти, что мы должны разоблачать тех людей, которые пошли по кровавому пути преступника Сиро Исии. Но как это сделать? Партия не занимается слежками и сбором секретной информации. Тут нужно что-то другое...

— Я тоже эти дни много думал об этом,— заговорил Фукуда.— Когда в Кобе я увидел Отомуру, во мне загорелось непреодолимое желание убить его!.. Да, да!.. Потом мне стало смешно. Ну, допустим, я убил бы его. Что толку? На его место нашелся бы другой, такой же бандит!.. Потом я хотел написать обо всем этом. Но и это было бы не больше, чем стрельба из пушки по воробьям. Чтобы написать о таком деле и заставить людей поверить в него, нужно знать факты. Народ сейчас отучился верить одним словам и верит только неоспоримым фактам. Слишком долго обманывали его всякие прохвосты...

— Ну, и придумали вы что-нибудь?

— Да. У меня есть план... Очень трудный по выполнению, но мне он кажется единственным

— Что же вы предлагаете?

— Я должен сам поступить в эту американскую лабораторию.

— Это почти невыполнимо! Вы забываете, что являетесь единственным человеком, который знает о прошлом Отомуры... Но не только в этом дело — вы сорветесь на таком рискованном предприятии!

— Ну, это еще посмотрим! — запротестовал Фукуда.

— Не горячитесь! — перебил его секретарь.— Поймите же, что это абсурд. Вы знаете, кто работает в этой лаборатории?

— Да. Отомура.

— А кроме него?

— Не знаю,— пожал плечами Фукуда.

— Вот в том-то и дело! Сколько таких, как Ото-

мура, бывших офицеров «отряда № 731» может работать там? Подумайте хорошенько, сколько людей может опознать вас в любую минуту!

— Преувеличение! — замахал руками Фукуда.— Я уже говорил вам, что Отомура не узнал меня, а ведь я встречался с ним очень часто. Разве неверно, что я изменился до неузнаваемости?

— Это вам только так кажется, друг! Вы опираетесь на ошибочный вывод: один человек не узнал. Нельзя на основе этого думать, что и с остальными будет также.

Фукуда нетерпеливо пожал плечами.

— Ну, тогда начнем с другого конца. Скажите: полиция напала на мой след?

— Нет.

— А почему? Что они вообще обо мне знают?

— Собственно, ничего. Мне известно, что у них нет даже правильного описания и примет...

— Ага! Вот, видите! — возбужденно воскликнул Фукуда.— Я был прав. Никто не знает, как выглядит...

— Все это прекрасно, друг! — спокойно прервал Фукуду секретарь.— Но подумайте теперь о другом. Вы являетесь единственным человеком, который держит нить, ведущую к лаборатории этого Отомуры... Если вас арестуют, то мы потеряем всякий след этого логова. Это первое. Затем, вы говорили, что работаете над противочумной прививкой, верно? Что ж, разве вы не хотите успешно закончить свои исследования?

— Я оставляю у Танимы все записи и выкладки. Если со мной что-нибудь случится, то вы, конечно, найдете способного бактериолога, и он сможет практически продолжить остальное...

— Вы продумали все?

— Да! — решительно ответил Фукуда.— Обстоя-

тельно продумал. У меня было достаточно времени для вывода. Это — единственный способ.

Секретарь не ответил. Закрыв глаза, он несколько минут сидел в молчании, машинально постукивая пальцами по крышке столика. Наконец, он открыл глаза и в упор посмотрел на Фукуду.

— Хорошо. Согласен.

Фукуда схватил руку секретаря и, крепко пожав ее, взволнованно прошептал:

— Благодарю, благодарю! Вы увидите — нам удастся все.

Секретарь улыбнулся, но затем лицо его снова стало сосредоточенным.

— Остается согласовать дальнейший план действий. Вы говорили, что можете поступить в лабораторию. Что имеется в виду?

— Это вспомнилось мне совсем неожиданно. Ведь тот Рогге, о котором я вам рассказывал, сам предложил мне должность...

— Основательно, — улыбнулся секретарь. — Но это и небезопасно; ведь придется идти в штаб американского командования.

— Думаю, что они не станут искать меня в своем штабе.

— Хорошо. Действуйте. А мы будем охранять вас. Наши товарищи все время будут рядом с вами. Но запомните — не рискуйте там, где это не вызывается крайней необходимостью. Ясно? Ну, — он встал, — нам пора расстаться. До свиданья! Желаю успеха. Встреча вам будет указана.

ТЕ, КТО СОЗДАЕТ БАКТЕРИИ

— Доктор Маото! Питательная среда приготовлена.

Голос ассистента вывел из состояния задумчивости коренастого человека в белоснежном халате,

склонившегося над раскрытой книгой. Он обернулся в сторону дверей. Лицо его было угрюмо. Из-за стекол очков в толстой, черной роговой оправе тускло блеснули бесцветные глаза. Взгляд этот был ледяным и сверлящим, чего не могли скрыть даже очки.

— Иду,— ответил Маото, взглянув на часы.

Отложив книгу, он вышел из кабинета в длинный коридор, вдоль которого через каждые пять метров белели двери. Прикрепленные на них таблички с надписью на английском и японском языках предупреждали, что вход разрешен только занятым в этом помещении лицам. Доктор Маото остановился перед одной из дверей и подождал, пока ассистент услужливо распахнет ее.

В комнате, куда они вошли, стояли шкафы, заполненные книгами, и столы, на которых лежали разные таблицы, диаграммы и графики.

— Писем не было? — сухо спросил Маото.

— Есть. Только одно,— ассистент подал Маото большой коричневый конверт.

По мере чтения по лицу Маото расплывалась улыбка. Собственно, это была не улыбка, а скорее гримаса, чуть напоминающая улыбку. Наконец, он кончил читать, сложил письмо и вместе с конвертом сунул его в карман.

— Некогда им, торопятся...— пробормотал он.

Подойдя к противоположным дверям, на которых была прикреплена табличка с надписью: «Лаборатория доктора Маото. Вход воспрещен», Маото вынул из кармана ключ и открыл тайный замок. В маленькой передней он надел специальную маску и прошел дальше — в зал. На длинных столах здесь громоздились ряды пробирок, стояли микроскопы. В стене было пробито небольшое окно, соединяющее лабораторию с другой комнатой. Маото нажал кнопку. Окноце отворилось.

— Дайте пробирки! — потребовал он.

Ассистент услужливо подал просимое. Маото склонился над микроскопом. Через несколько минут он коротко бросил:

— В порядке. Следите за температурой.

Он снова нажал кнопку и оконце закрылось. Встав со стула, Маото медленно обошел лабораторию. Задержался перед подставкой, в которой блестело несколько пробирок с наклеенными на них маленькими этикетками — «0,78». Лицо его снова искривила гримаса, которая должна была изображать улыбку.

Он взял одну пробирку и посмотрел на свет. На дне ее заколыхалась мутная жидкость. Свет лампы отражался в ней всеми цветами радуги. Маото смотрел в молчаливом возбуждении: расширенные зрачки его блестели из-за стекол очков, как две искрящиеся точки. Наконец, еще раз легко встряхнув пробирку, он поставил ее на место.

Пробирка с номером «0,78»! Пока Маото дошел до нее, пришлось немало поработать над 77-ю предыдущими... И каждую из них после недель, а то месяцев и лет упорного труда, он должен был отбросить. Они были лишь вехами на дороге к этой желанной, скрывающейся сегодня за ничего не говорящей этикеткой «0,78» маленькой пробирке...

В кармане халата зашелестел конверт. Маото достал письмо... Вот они, эти люди! Он встретился с ними далеко не случайно, нет! Они должны были встретиться. Не разделили их ни океан, ни война, которую они начали друг с другом. Жажда власти, мысль о создании силы, могущей сокрушить мир, соединила их. И вот он, доктор Маото, бывший полковник Отомура, работает теперь для них и для Японии. Враги стали союзниками. Сила и разум соединились, чтобы покорить весь мир. Сила — это американцы с их долларами, а разум — это он,

Отомура, повелитель бактерий. Вместе они покорают мир страшнейшим, непобедимейшим оружием — смертью.

В комнате тихо прозвенел сигнальный звонок. Отомура нажал кнопку селектора.

— Доктор Маото, вам звонит генерал Смит, — услышал он голос второго ассистента. — Могу я переключить его на ваш телефон?

— Да.

Отомура-Маото выдвинул верхний ящик письменного стола и достал оттуда телефонную трубку.

— Алло, Маото у аппарата... Здравствуйте!.. Да, да, генерал, получил... Что? Вы тоже получили?.. Это хорошо. Да, как мы условились вы уже можете приступить к установке теплиц. Схему приспособлений я послал вам... Что?.. Это превосходно! Настоящий американский темп. Это значит, что вы уже через несколько дней приступите к монтажу?.. А где?.. Ага! Тайна? Ну что ж, подождем... Только люди, люди мне нужны! Что?.. Рогге?.. Хорошо, пусть присылает как можно больше. Я уже подготовился к практическим опытам... Конечно, к массовой выработке... Да, «0,78»! Этот номер для меня, словно талисман... Вы не верите в талисманы? Так приезжайте ко мне, я ручаюсь, что поверите! И не только в него, а во многое другое... Через неделю? Хорошо. Жду вас! До свиданья!

Отомура спрятал телефонную трубку в ящик и снова запер его. Итак, уже недолго ждать! Эти американцы проворны и предприимчивы. Не удивительно, что они оказались победителями... Значит, оборудование и приборы уже в дороге!

Маото читал недавно, что в Советском Союзе ученые работают над усовершенствованием вакцины против различных эпидемических заболеваний и особенно против чумы... Маото в бешенстве погро-

зил кулаком. Посмотрим! Уже один раз эта проклятая страна большевиков развеяла в прах его мечты... Но в другой раз это им так легко не удастся!.. Кто из ученых знает такую смертоносную и устойчивую бактерию, как его «0,78»? Никто! И никто не сумеет ее победить. Ни один человек не сможет даже пискнуть, когда «бомбы Отомуры», внезапно сброшенные с американских самолетов, засыпят мир бактериями смерти!..

* * *

Профессор Генрих Мейсфельд вошел в столовую пунктуально в 9.15. Одетый, как обычно, в темный элегантный костюм, поблескивая лысиной, просвечивающей сквозь редкие, гладко прилизанные седые волосы, профессор переступил порог с традиционным:

— Гут морген, Гильда! Хорошо ли ты спала?

Сидевшая за столом такая же сухопарая и изысканно одетая женщина ответила:

— Гут морген, Генрих! А ты?

В течение многих лет супруги, почти священнодействуя, соблюдали этот порядок утреннего приветствия. Затем они садились на противоположных концах стола и завтракали в полном молчании.

Вот и сейчас он молча выпил кофе и достал папиросу. Горничная подала ему газеты, и Мейсфельд, сменив очки, погрузился в чтение.

— Писем нет? — вздохнув спросила фрау Гильда.

Мейсфельд не расслышал. Однако через минуту он машинально оторвался от газеты и спросил:

— Ты что-то сказала, Гильда?

— Да. От Эрнста нет никаких известий. Больше двух недель.

Мейсфельд посмотрел на жену поверх очков.

— Не понимаю, как можно без конца говорить об этом!

— Но ведь это же наш сын, Хейни! — плаксиво возразила фрау Гильда. — Должна же я думать о нем! О мой боже!

— Конечно, дорогая моя. Но Эрнсту не грозит ничего плохого...

— Мой боже! — возмутилась профессорша. — Ты человек без сердца! Как ты можешь так говорить, когда Эрнст находится в тюрьме?.. Подумать только, — всхлипнула она, — мой любимый Эрнст в страшной тюрьме!..

— Не преувеличивай, душечка... — усмехнулся Мейсфельд. — Эта тюрьма не так уж страшна. Американцы, моя дорогая, очень милые люди, а то, что они держат Эрнста в тюрьме — ничего не поделаешь. Они должны были так поступить пока...

— Подожди! Я не понимаю тебя, Хейни. Неужели Эрнста уже... — она схватила за сердце. — Скажи мне скорей... Неужели они уже...

— Именно так, дорогая! Эрнст выйдет еще на этой неделе. Я получил вчера верные известия от одного из моих американских друзей. Решено освободить Эрнста и еще нескольких человек.

Фрау Гильда расплакалась. Потом вскочила со стула и мелкими шажками подбежала к мужу. Он с добродушной улыбкой погладил ее по голове.

— Ну вот, видишь! Я всегда тебе говорил, что американцы займут иную позицию в отношении Германии. Что же — еще не поздно... Ну, не плачь же, не плачь! Через пару дней Эрнст уже будет дома. А теперь не мешай мне, я хочу прочитать газету.

Фрау Гильда вернулась на свое место. Позвонила. Горничная убрала со стола.

Неожиданно Мейсфельд отложил газету и посмотрел на жену. На его лице отражалось возмущение.

— Неслыханная вещь! Безобразия! — прошипел он. — Это уже действительно переходит границы дозволенного!

— Что случилось, Хейни? Опять какие-нибудь неприятности?

— Неприятности?.. Нет больше! Это возмутительно! Что только позволяют себе эти рабочие!.. Они совсем забыли, что являются немцами. Это позор, понимаешь? Я удивляюсь, как только власти допускают подобные выходки... В общем тут вся вина падает на американцев. Это они столь долго попустительствовали разным большевистским агитаторам и позволяли им затуманивать сознание наших людей... А теперь, пожалуйста, — вот результаты!..

— Не понимаю! В чем дело?

— Нет, ты послушай только! В Эссене рабочие отказались выйти на работу. Им, видите ли, показалось, что завод выпускает какие-то военные материалы, и они забастовали... Это неслыханно! Возмутительно! И это называется немцы!.. — Мейсфельд задрожал от злости. — О!.. И это вместо того, чтобы благодарить американцев за то, что они уже теперь помогают нам становиться на ноги, протягивают нам руку помощи и говорят, что мы должны снова занять ведущее положение в Европе. Этот сброд объявляет забастовку, пишет какие-то мирные воззвания...

— Люди не хотят войны, Хейни! — вмешалась фрау Гильда. — Профессор Гейслер сказал...

— Не смей говорить мне об этом человеке! — закричал Мейсфельд, вскакивая со стула и топая ногами. — Я не хочу слышать даже имени его! Это выродок, который позорит весь наш народ, наш

родной город. Именно такие вот смутьяны и мешают возрождению райха, его могуществу... Знаешь ли ты, что он продался коммунистам?

Фрау Гильда удивленно посмотрела на мужа, потом улыбнулась.

— Ты не понимаешь, что говоришь, Хейни! Гнев ослепляет тебя. Ведь профессор Гейсслер...

— Это я не понимаю, что говорю?! А кто первый в нашем городе начал собирать подписи под Стокгольмским воззванием? Кто написал бесстыдную статью в коммунистической газете? Ведь он договорился в ней до того, что немецкие ученые видят путь развития единственно в мирных условиях... Кто писал об этой коммунистической республике Пика, как о примере для всех немцев?.. Гейсслер! Гей-с-слер! Понимаешь? Кто ходит на собрания этих рабочих и вместе с ними кричит, что Германия стала военной колонией Соединенных Штатов?.. Гейсслер! Гейсслер и его приятели — коммунисты!..

Мейсфельд задохнулся от приступа злости и замолчал. По его лицу пошли красные пятна, руки дрожали. Он тяжело опустился на стул и жадно отхлебнул воды из стакана, поданного женой. Вошла горничная. Она внесла на подносе чью-то визитную карточку. Мейсфельд, бросив на жену злобный взгляд, схватил карточку, прочитал, и одна его бровь поднялась вверх, выражая крайнее изумление.

— Какой еще Паркер? Я не знаю такого!.. «Оливер Б. Паркер, совладелец фирмы «Кроссби, Смит, Паркер энд Кроссби» из Нью-Йорка»...— снова прочел он.— Ты ничего о нем не слышала, Гильда?

— Нет, Хейни.

— Я тоже. Однако придется принять его. Интересно, что ему нужно от меня?

Мейссфельд встал, одернул пиджак. Фрау Гильда поправила ему платочек в верхнем карманчике. Мейссфельд вышел в приемную.

Перед картиной, на которой был изображен отряд молодежи, одетой в коричневую форму и марширующей гусиным шагом, стоял пожилой человек в изящно сшитом сером костюме. Он вопросительно взглянул на вошедшего и вместо приветствия кивнул головой на полотно.

— Неплохая картина. Конечно, это немного примитивно, но зато очень воинственно. Ваши художники умеют воспроизводить силу.

Мейссфельд поморщился. Он не знал, как ему поступить: принять ли это приветствие как грубость и нахальство или отнести его за счет эксцентричности американца. После минутного размышления решил, что второе вернее, и подошел к неожиданному гостю с протянутой рукой:

— Профессор Мейссфельд! Вы хотели меня видеть?

— О да, да! — заторопился гость. — Паркер! Оливер Паркер из фирмы...

— Я прочел вашу карточку, — прервал его Мейссфельд. — К сожалению, я не знаю вашей фирмы и не могу понять, что заставило вас заинтересоваться моей особой. Я не предприниматель и не...

— Но вы ученый. Ученый с мировой славой!!

Мейссфельд улыбнулся. Этот американец, однако, не так уж плох, несмотря на некоторую невоспитанность.

— Вы льстец, мистер Паркер!

— О нет, профессор! Я слишком ценю свое время, чтобы решиться приехать сюда для высказывания комплиментов. Я человек бизнеса.

Мейссфельд проводил гостя в свой кабинет, предложил сесть.

— Я слушаю вас, мистер Паркер. Какие интересы привели вас ко мне?

Паркер осторожно осмотрелся по сторонам. Заметив это, хозяин успокоил его:

— Мы совершенно одни, мистер Паркер.

Гость усмехнулся.

— Я вижу, что мы прекрасно понимаем друг друга. Надеюсь, герр профессор, мы так же хорошо и договоримся. Вы ведь бактериолог, мистер Мейсфельд?

— Да.

— Вы интересовались эпидемическими болезнями?

— Да.

— Насколько мне известно, вы посвятили немало своих работ чуме, холере и лихорадкам?

— Да. Написал несколько работ в этой области.

— Скажите, профессор, вы хотели бы снова работать как бактериолог?

— Меня удивляет ваш вопрос, мистер Паркер. Каждый ученый стремится работать по своей специальности настолько долго, насколько это возможно. А я,— с иронией добавил Мейсфельд,— чувствую в себе еще достаточно сил, чтобы не бросать начатых исследований.

— Вот как раз это мне и нужно! — Паркер потер руки.— Раз вы, герр профессор, хотите работать, то это значит, что мы поняли друг друга на пятьдесят процентов.

— Но остается еще пятьдесят процентов! — усмехнулся Мейсфельд.— Пока еще неясно, что общего вы или ваша фирма имеете с этим вопросом? Может быть, вы — владелец частного университета и хотите предложить мне читать там лекции по бактериологии?

— О нет! — огулительный хохот Паркера. казалось, заполнил весь небольшой кабинет.— Это не

имеет ничего общего с университетом.. Мы хотим предложить вам нечто иное. Я знаю, что вы беспрдельно преданы интересам возрождения Великой Германии, не так ли?

Мейссфельд молча выпрямился и гордо вскинул голову.

— Поэтому мы и решили обратиться к вам,— продолжал Паркер.— Вы, конечно, понимаете, что вопрос о восстановлении Германии в ее прежней роли ведущего государства в Европе сложен. Этот путь не может быть успешно пройден, если она не будет идти бок о бок с Соединенными Штатами! И нашей общей задачей сейчас является уничтожение коммунизма. Вы согласны?

Мейссфельд утвердительно кивнул головой.

— Следовательно, ничто не устоит на нашей дороге, если мы договоримся! — голос Паркера гремел на самых низких нотах.— Понимаете, профессор, ничто!..— Он вынул из бокового кармана сложенный четверо лист бумаги.— Вот, прошу! Вы можете ознакомиться с условиями предлагаемой вам работы.

Мейссфельд развернул лист. Читал внимательно, часто возвращаясь к прочитанным уже пунктам.

— Вам ясен смысл этого договора? — в упор спросил Паркер.

— Кажется, да. Речь идет о соблюдении абсолютной тайны, не так ли?

— Именно? — подтвердил Паркер.— Вы согласны подписать? Вам предлагается ведущая роль среди ученых будущей Великой Германии!..

Американец протянул профессору блеснувшую золотом авторучку.

— Стоп! — внезапно произнес он.— Там не заполнена графа «оклад»! Вы можете вписать туда... скажем... э-э-э... пять тысяч долларов ежемесячно! Устраивает вас такая сумма?

Мейссфельд молча взял протянутую ручку и размашисто вывел свою подпись на договоре.

— Я слушаю вас! — возвращая перо и уважительно глядя на Паркера, сказал он. — Каковы будут мои обязанности?

Американец сначала внимательно перечитал договор, с удовлетворением кивнул головой, потом настороженно осмотрелся вокруг и решительно подвинул свое кресло к стулу, на котором сидел Мейссфельд.

* * *

Высокий худощавый человек ходил по комнате из угла в угол. Весь его вид выдавал кадрового всенного, хотя одет он был в штатский костюм. Энергично, как на параде, поворачивался он сразу всем корпусом в сторону собеседника и резко приставлял ногу, когда доходил до дверей. За письменным столом, в глубоком кресле, сидел плотный, седой мужчина с круглым, несколько насмешливым лицом. Высокий худощавый человек говорил слегка охрипшим голосом:

— Вы неправильно поняли мою мысль, профессор Гистингс. Уверяю вас, я не каннибал и не поклонник каннибализма. Но я человек, мыслящий трезво. Поймите же, что война является единственным выходом из той ситуации, в которой мы сейчас находимся. Однако и войну можно либо выиграть, либо проиграть. Многое тут зависит от совокупности различных обстоятельств, но прежде всего от вооружения армии. Какое-то определенное, однако короткое время Америка безраздельно владела оружием необычайной силы. Вы, конечно, понимаете, что я имею в виду атомную бомбу?.. Мы не использовали этого, к сожалению, короткого периода, и теперь атомная бомба стала небезопасным оружием. Вы ведь знаете о выступлении совет-

ского вице-премьера? Россия теперь может ответить нам применением того же самого оружия и даже в больших масштабах. Однако войну мы хотим и должны выиграть во что бы то ни стало! — продолжал он, искоса взглянув на своего собеседника. — Мы должны обеспечить себя оружием, значительно более эффективным, чем атомная бомба. Будущая война должна основываться не только на внезапности, но также и на более результативных видах вооружения. Оно должно парализовать в первой же фазе войны все оборонительные возможности противника.

— Я удивляюсь вам, сэр! — отозвался, наконец, Гистингс. — Не могу понять, кто говорит вашими устами — ректор одного из славнейших и известнейших учебных заведений Америки или отставной генерал? Сэр говорит о войне и оружии массового истребления людей, как о какой-то, простите, забаве!

Человек, названный ректором и генералом, не понял иронии собеседника и усмехнулся.

— Вот именно, в данную минуту я рассуждаю как военный и политик. Всю жизнь я считал себя более политиком, нежели военным... Но, позвольте мне закончить мысль. Итак, надо сказать прямо, что обязанностью каждого настоящего американца является сейчас работа над изобретением такого эффективного оружия. Да, да!.. Возьмем, например, историю последней войны. Немцы и японцы усиленно работали над созданием новых видов вооружения и добились некоторых успехов, но было уже поздно — наступила капитуляция. Теперь мы использовали часть их изобретений, а некоторые еще ожидают своей очереди. Надо начать раньше, и тогда не повторится ошибка наших бывших противников — упущение времени. Это главное.

Профессор Гистингс беспокойно заворочался в кресле. Ректор жестом попросил его не прерывать разговора.

— Сейчас я закончу и вы выскажете свое мнение... Скажите, профессор, вы, конечно, интересовались такими вопросами, тесно связанными с вашей специальностью, как немецкие и японские исследования в области бактериологического оружия?

Профессор резко поднялся и гневно выкрикнул:

— Это дела чуждые, враждебные моей профессии!.. Моя специальность, это ликвидация болезней, уничтожение бактерий, а не использование их для убийства людей...

Ректор поморщился.

— Слышал это не раз. Может быть, вы все-таки позволите мне закончить мысль.— Он снова заходил по кабинету.— Японцы имели уже большие достижения, даже проводили практические опыты. Немцы не успели как следует отстроить познанский центр, но мысль их заслуживает самого пристального нашего внимания. Она просто гениальна! И мы, американцы, обязаны претворить ее в жизнь... Бактериологическая бомба — вот оружие, какое мы должны добыть, если хотим выиграть войну...

Профессор взглянул на ректора.

— Простите, сэр! Могу я задать вам один вопрос?

— Пожалуйста.

— Знаете вы Чапека?

Ректор недоуменно пожал плечами.

— Чапека? Какого Чапека? Кто он такой?.. Я не помню такой фамилии...

— Карела Чапека,— с почтительной иронией ответил профессор.— Это писатель, чешский писатель.

— А-а-а! — генерал с неудовольствием скривил губы.— Что он теперь делает?

— Увы, ничего! — не сдерживая ядовитой улыбки, произнес профессор.— Умер. И довольно давно.

— Для чего вы вспомнили о нем? — вспыхнул ректор, поняв, что профессор посмеялся над ним.

— А вот для чего. Он написал книгу, в которой дал образы людей, очень напоминающих вас, сэр. Они тоже мечтали о том, чтобы покорить мир и истребить человечество каким-нибудь неизвестным дотеле оружием...

Генерал слушал профессора с возрастающим неудовольствием.

— В этой повести, сэр, выступает некий инженер, который изобрел взрывчатое вещество громадной силы... что-то вроде прототипа атомной бомбы, но в виде порошка, подвергающегося действию определенных лучей...

На лице ректора отразилась заинтересованность.

— Говорите дальше, профессор! Я готов даже прочитать эту книжку. Вероятно, она должна быть интересной...

— Как для кого...— сердито сверкнул глазами профессор.— Так вот, представьте себе, за это изобретение кое-кто хотел озолотить инженера...

— И правильно! — подхватил ректор.

— Но этот инженер не желал продать изобретение...

— Дурак! — буркнул генерал.

— Согласен с вами, сэр,— усмехнулся профессор и, видя удовлетворение на лице генерала, быстро добавил: — но совершенно с другой точки зрения. Скорее считаю его не дураком, а слепым человеком. Он не умел бороться с преступниками, которые хотели вырвать у него секрет изобретения. Он не видел силы, на которую можно было бы опереться. Хотел все сделать сам... Но мы умнее его. Намного умнее!

Генерал пожал плечами. Философские, как он считал, разговоры профессора надоели ему.

— Вернемся к затронутой теме,— предложил он.— Итак, я уже говорил, что считаю обязанностью каждого настоящего американца работать для победы нашей американской идеи...

— Идеи? — перебил профессор.— Простите, о каких идеях идет речь, сэр? Стремление поджечь мир? Мечты о миллиардах долларов, добытых за счет пролитой крови?

— Идеи западной демократии! — едва сдерживаясь, ответил генерал.— Идеи защиты западной культуры.

— От кого?

— От коммунистического потопа.

— Это значит от тех, кто выше всего ценит культуру?

Генерал настороженно посмотрел на профессора. Тот нервно встал, прошелся по кабинету, остановился у окна, выглянул в него и внезапно резко повернулся к генералу.

— Я не военный, а тем более не политик,— голос профессора, сдавленный от волнения, звучал глухо.— Я ученый, который всю жизнь сторонился политики... Только теперь я начинаю понимать, что эта позиция была насквозь ложной, покоящейся на ошибочной основе... Никогда я не думал, что бактерии, над которыми мне приходилось производить исследования, могут стать орудием политики... ужасающей, преступной политики!...

И я хочу сказать прямо — она погубит вас!.. Да, да! И еще одно: страх, а не сила властвует над всеми вашими начинаниями, страх перед катастрофой, которой вам не избежать. Страх толкает вас на путь преступлений, но он чреват последствиями этот путь... Да, да, именно так! Ежедневно, ежедневно миллионы людей с проклятием на устах на-

зывают вас преступниками против человечества. Весь мир знает ваши имена. Вы хотите совершить преступление, но перед вами встает и призыв Нюрнберга — нового Нюрнберга, на котором вам уже не придется больше, вопреки воле простых людей, защищать разных изуверов... Вы, вы сами будете там подсудимыми! О, вам хорошо известно, что там пощады не будет!.. Вы читаете газеты, сэр генерал? Те самые, которые вы называете «коммунистическими»? Если нет, то загляните в них. Вы найдете там и свою фамилию!.. Остановитесь же, пока не поздно! Вспомните, что есть силы более могучие, чем вы, — воля человечества к миру и сердца миллионов людей, ненавидящих войну. Об эту силу разобьются все ваши планы...

Генерал, наконец, овладел собой и сел за стол. Лицо его было холодно, губы сжаты и только глаза светились злобой.

— Вы коммунист, профессор! — ледяным тоном произнес он. — И мы сумеем сделать из этого соответствующие выводы!.. С сего дня, — генерал не выдержал и заорал в бешенстве, — с сего дня я увольняю вас! К черту!.. Такие люди не имеют права читать лекций в американских университетах. Мы не позволим отравлять сознание нашей молодежи ядом...

— ...мира — закончил за него профессор. — Верно?

— Да, да, да — ядом мира! — генерал яростно ударил кулаком по столу. — Американцы должны научиться искусству войны!

— Генерал! — профессор наклонился над столом. — Вы не знаете американцев! Вы все еще надеетесь, что вам и впредь удастся вдалбливать в голову средних американцев, что белое — это черное, а черное — белое... Вы заблуждаетесь! Остерегайтесь той минуты, когда у людей спадет с глаз пелена ослепления! Она уже спадает... А когда это

произойдет, вы будете сметены с лица земли! Запомните это! Американцы не позволят вам сделать из них бандитов. Был уже один такой сумасшедший, который хотел превратить своих соотечественников в мародеров... Он велел кланяться вам! Вы кончите так же, как и он... Вот смотрю сейчас на вас и удивляюсь, как это до сих пор мне не пришло в голову, что бактерия может напоминать такое отвратительное человеческое лицо!..

Профессор сердито запахнул халат, резко повернулся и вышел, громко хлопнув дверью.

— Посмотрим, красный дьявол, большевистский агент, как ты запоешь в комиссии по расследованию!..— опомнившись прорычал генерал, услышав стук дверей. Он рывком снял трубку телефона.

* * *

Лифт стремительно поднимал председателя правления фирмы Джорджа Вильяма Кроссби на седьмой этаж. Выйдя из кабины, Кроссби быстро прошел по коридору. В секретариате при виде «босса» все служащие встали. Не глядя на них, он сухо бросил: «Гуд мorning»¹, и закрыл двери кабинета. Сняв перчатки и шляпу, Кроссби небрежно бросил их на столик возле дверей, потом сел в кресло и посмотрел на часы. Через пятнадцать минут совещание... «Босс» нажал пуговку звонка. Вошел секретарь.

— Почта, сэр,— сказал он, приблизившись к столу.

— Дайте мне только специальную. Остальное прочтите сами.

— Понимаю,— секретарь тоже взглянул на

---

¹ Гуд мorning — доброе утро (англ.)

часы.— Через четырнадцать минут совещание. Вот два письма. Из Токио и из Берлина.

Кроссби молча взял оба пакета. Не ожидая, пока секретарь выйдет, он поспешно разорвал конверт и достал листок. По мере чтения лицо его прояснялось. Паркер писал из Берлина, что вопрос о переговорах с немцами можно считать законченным. Договорился с шестью бактериологами. Самым большим достижением является согласие профессора Мейссфельда на занятие должности руководителя лаборатории. Ведь он — один из участников организации тайного фашистского исследовательского центра в Познани. Конечно, шесть специалистов это очень мало, — извинялся Паркер, — но по причинам, известным Кроссби, переговоры можно было вести лишь с верными людьми, без риска в отказе. Впрочем, Мейссфельд будет теперь сам заинтересован в увеличении числа научных работников. Ему и карты в руки. Паркер сообщал своему компаньону, что лаборатория в Германии уже почти обеспечена всем оборудованием и Мейссфельд, вероятно, не позже чем через неделю начнет работу. Далее Паркер жаловался своему компаньону на атмосферу, которая царит в последнее время в Германии. «Увы! Я бы не сказал, что наши планы приняты самими немцами с энтузиазмом. Мне кажется, что они все больше и больше перестают считать войну единственным путем к своему возрождению».

Окончание письма несколько испортило превосходное настроение, которое сначала создалось у Кроссби. Он потянулся за вторым письмом. Смит с подъемом описывал ход работ в Японии. Кроссби вздохнул с облегчением — Смит уже получил оборудование для «Центра ББ». Дела идут неплохо.

Кроссби встал, потер руки. Пора идти на совещание!

В ЛОГОВЕ ВЗБЕСИВШИХСЯ ВОЛКОВ

Фукуда шел по улице, пытаясь совладать с собственными ногами, которые против его воли все время ускоряли шаг. Времени было еще много, но трудно, очень трудно сдерживать напряжение натянутых до последних пределов нервов.

Со времени памятного свидания с секретарем прошло уже две недели. Все это время Фукуда вынужден был сидеть в бесцельном, как ему казалось, ожидании. Правда, на следующий же день Фукуда отправился на поиски Рогге. Однако проблуждав больше часа в лабиринте коридоров штаба МП, доктор узнал, что Рогге выехал на неопределенный срок.

Это известие было крайне неприятно Фукуде. Оно означало дальнейшую вынужденную бездеятельность. Секретарь, Танима и еще несколько товарищей, посвященных в замысел Фукуды, разубеждали его и даже шутили над ним. Они разъясняли доктору, что за несколько дней ничто не может измениться, ничто не грозит катастрофой. Однако это мало утешало Фукуду, и почти все две недели он, что называется, жил на одних нервах.

Танима пыталась как-нибудь оторвать его от угрюмых размышлений, даже втянуть в свою подготовку к экзаменам. Он охотно помогал ей, но беспокойство о возможных последствиях поездки Рогге не проходило. Доктору казалось, что Отомура уже испытывает где-то свои чудовищные бактерии. Танима помогала Фукуде в изучении русского языка, и доктору приходилось заниматься весь день, чтобы как следует выучить заданный урок и не краснеть перед девушкой. В это время самыми приятными были вечера. Он проводил их вместе с Танимой над книгами. Часами объяснял он девушке все, что касалось существа открытой им вак-

цины, рассказывал о своих переживаниях, об университетских годах, о злодеяниях, виденных в «отряде № 731», о своих радостях и печалях, о жизни в партизанском отряде. Танима молча внимательно слушала его.

Временами на доктора нападала тоска, его охватывало сомнение. А что будет, если его поймают? Долгие годы он жил одиноко, без близкого, преданного человека. Были друзья и в партизанском отряде, и в китайской Народно-Освободительной Армии, а потом и в Кубе, но все это выглядело как-то не так; не та душевная близость. Вот Танима — это уже нечто иное. Самая мысль о ней была ему несказанно приятна, как-то светлее становилось на душе. Даже трудности не казались уже такими непреодолимыми, когда она была рядом с ним...

А сама Танима? Чувствует ли она нечто подобное? Так ли она думает о нем? Радует ли она его присутствию, как это происходит с ним?..

...На перекрестке Фукуду задержал красный сигнал светофора. Доктор осмотрелся. Вдали возвышался дом, где обитал Рогге. Фукуда снова мысленно вернулся к секрету американской лаборатории. За эти две недели он почти ежедневно звонил старшему лейтенанту, но получал один ответ: «Еще не вернулся», и в последние дни Фукуда чувствовал себя особенно надломленным. Ему уже казалось, что Рогге выехал в Америку и больше не вернется, а тогда надежды, связанные с ним, развеются, как сон... Наконец, вчера вечером ему сказали, что мистер Рогге возвратился и примет его сегодня в десять часов.

Зажегся зеленый свет. Фукуда пересек улицу. На витрине часового магазина стрелки показывали без пяти десять. Доктор ускорил шаг и внезапно почувствовал удивительное спокойствие и собран-

ность. Нельзя, ни в коем случае нельзя, возбудить в ком-нибудь даже малейшее подозрение.

В комендатуре Фукуда потребовал пропуск к Рогге. Дежурный сержант смерил его равнодушным взглядом и позвонил по телефону. Потом что-то крикнул в трубку, захохотал и повесил обратно. Написав пропуск, он подал его Фукуде и буркнул:

— Третий этаж, комната 329.

Фукуда медленно поднялся по лестнице. Ему стало не по себе, и какая-то тяжесть вдруг навалилась на душу. Нет, это не был страх. А может быть?.. Он вспомнил о Таниме, мысленно улыбнулся ей и постучал в дверь с табличкой «329».

— Я хотел бы видеть старшего лейтенанта Рогге,— обратился Фукуда к офицеру, сидевшему за большим столом.

Тот пытливо посмотрел на посетителя и коротко спросил:

— Доктор Сасаки?

— Да. Мы договорились...

— Прошу. Мистер Рогге ждет вас,— офицер показал на двери в глубине комнаты.

Рогге сидел в тростниковом кресле-качалке и курил, медленно покачиваясь то вперед, то назад. Присмотревшись к вошедшему, он наморщил лоб.

— Вы доктор Сасаки? Мне передавали, что все это время вы звонили мне. Кажется,— силился вспомнить Рогге — я уже встречал вас где-то.

Фукуда наклонил голову в знак уважения.

— Вы неизмеримо благосклонны, сэр старший лейтенант! Вы весьма снисходительны, сочтя возможным запомнить такую малозначительную особу, как я...

Рогге захохотал и ударил ладонью по колену.

— Вы, японцы, всегда так цветисто говорите, что этому невольно можно позавидовать. Но знаете что? — добавил он, подавив смех.— Я уверен, что

мы с вами встречались где-то, только никак не могу, черт возьми, припомнить, где это было?

— Извините, несколько недель тому назад вы разговаривали со мной в Кобе,— почтительно ответил Фукуда.

— Ага, ага! Помню, уже помню! — замахал руками Рогге.— Вы тот самый бактериолог, с которым я сидел однажды вечером в ресторане. Ну, вот видите. Я припоминаю вас. Кажется, вы искали тогда работу?

— Извините, да. Сэр старший лейтенант был очень любезен и соизволил тогда заинтересоваться мной, обещая мне работу...

— Я?! — изумился Рогге.— Не помню. Не помню... А в общем, может быть... Сейчас... Вы, кажется, говорили, что служили в армии?

— Извините, да,— все так же почтительно ответил Фукуда.— Я имел честь говорить вам, что служил в армии. Вы сообразовали дать мне возможность высказать мое крайнее сожаление, что наши армии вместо соединения в крепкий союз и общего наступления на красных вынуждены были воевать друг с другом...

Рогге оживился.

— Вот теперь я уже окончательно вспоминаю весь разговор! Вы были в армии...

— ...поручиком,— скромно закончил Фукуда.

— Окэй!¹ — обрадовался Рогге.— Значит мы коллеги, мистер Сасаки. У меня такой же чин и... — он хитро прищурился,— такие же взгляды на жизнь. Не правда ли?

— Совершенно верно, сэр.

— Вы хотели бы работать с нами?

Фукуда вскочил со стула.

---

¹ Окэй! — здесь: Превосходно! (англ.).

— Да, да! Безусловно!.. Именно поэтому я и пришел к вам, помня о нашем разговоре...

— А что бы вы хотели делать?

— Я ведь бактериолог...— ответил Фукуда, огромным усилием воли преодолевая охватившую его радость, при виде такого благоприятного оборота разговора.— Работал как эпидемиолог в области преодоления различных эпидемических заболеваний... Но интересовался главным образом чужой...

Рогге тихонько присвистнул от удивления.

— Та-а-а-к! Это интересно. Даже очень интересно! Мне кажется, что мы найдем вам работу. Пожалуй, эпидемиологи нам нужны, ведь у вас в Японии не все благополучно в этом отношении... Хорошо. Одну минутку!

Он взял трубку, позвонил и громко закричал по-английски.

— Алло, Кроссби?.. Да, Рогге. Слушай, у меня тут сидит один японский врач.. Да, врач-бактериолог... Угу... разговаривал... Подходит... То же, что и мы. Да! Ты тоже так думаешь?.. Ага!.. Да, он занимался излечением разных эпидемических заболеваний... Согласен? Олл райт!¹... Да, скоро буду там. Может быть, опоздаю на пять минут... Ладно!

Рогге положил трубку и обратился к Фукуде.

— Полагаю, что вы сможете получить место в нашей противоэпидемической лаборатории. Именно как бактериолог. Мы можем заключить с вами соглашение. Как вы смотрите на это?

— С большой радостью, сэр старший лейтенант, принимаю..

— Я хотел бы только предупредить вас,— перебил Рогге,— что с минуты вступления к нам на

---

¹ Олл райт! — Хорошо! (англ.).

службу, вы будете считаться в рядах армии, на вас будут распространяться такие же обязанности и подчинение дисциплине, как и на остальных военнослужащих. Вы понимаете меня? Прежде всего речь идет о сохранении всеобщей тайны...

— Но, сэр старший лейтенант... — почтительно и в то же время как бы оскорбленно ответил Фукуда, — я служил в армии достаточно долго!

— Очень хорошо! — Рогге вынул из ящика стола несколько анкет и протянул их Фукуда. — Это уже неизбежные формальности. Я попрошу вас заполнить все это в соседней комнате, приложить ваши документы, отзывы и вообще все, что касается вашей службы в армии, а также диплом. Наша лаборатория находится в Токио, но еще не функционирует. Однако я надеюсь, что через несколько дней дело пойдет полным ходом. Уверен, что за это время мы выполним все необходимые формальности. Жду вас, скажем, послезавтра утром. Мы подпишем контракт, и я выдам вам деньги и удостоверение. Анкеты оставьте моему адъютанту. А теперь я должен извиниться — меня ждут.

Заполнив анкеты и приложив все документы Сасаки-Фукуда вышел из здания штаба и на минуту остановился. Ему показалось, что он вот-вот упадет... В голове шумело, сердце громко бухало в груди, руки и ноги дрожали от нервного напряжения.

Он шел прямо, почти не соображая, куда идет. Голова была занята другим — Фукуда восстанавливал в памяти все детали разговора с Рогге. Этот мерзавец и идиот действительно счел Сасаки за подходящего типа, коль сразу решился предоставить ему работу в этой дьявольской лаборатории! Нечего сказать — хорош контрразведчик!..

Но внезапно Фукуда ослепила страшная мысль. А что, если все это является ловушкой?!. Что

если Рогге не верит ему и хочет схватить не одного его, а всех связанных с ним? Что, если он уже знает — доктор Сасаки и Такео Фукуда — одно и то же лицо? Может быть, все это было заранее продумано и подготовлено им, так же как и он, Фукуда, подготовил свой план против них?.. Тогда надо немедленно предупредить секретаря о грозящей опасности! Если его, Фукуду, арестуют, то нельзя ни на минуту прекращать поисков секретной лаборатории. Вполне возможно, что Рогге обманул его, когда сказал, что она находится в Токио, а не в Кобе и является противозидемической. Конечно! Не откроет же он сразу, что там ведутся секретные работы!.. Фукуда был уверен, что в Кобе проводились какие-то испытания. Об этом свидетельствует присутствие там Отомуры и его частые таинственные поездки в здание, охраняемое американскими солдатами. Нет, тот след не мог быть ложным... Если его, Фукуду, арестуют, то друзья доберутся по этому следу до логова врага...

Фукуда оперся о фонарный столб. С минуту стоял в раздумье. потом покачал головой и рассмеялся. «Эх, Такео, Такео! — сказал он сам себе.— Каким же ты стал мнительным... Стыдно! Люди со слабыми нервами не должны браться за серьезные боевые дела!».

Он осмотрелся вокруг — парк! По аллеям бегали дети, оглашая воздух звонкими криками. Яркие цветы на клумбах распространяли одурманивающий аромат. Обилие красок и игра солнечных бликов слепили глаза. Вверху тихо шелестела густая листва, колеблемая слабым ветерком.

Фукуда уселся на скамейке, вытянул ноги и прикрыл глаза. «Нужно подумать, что делать дальше... Документы доктора Сасаки в полном порядке, с этой стороны опасности провала можно не ожидать. Но с момента, когда фабрика смерти будет

раскрыта, очень трудно будет уйти от преследования. Американцы совсем ошалеют и бросятся как ончие псы на поиски доктора Сасаки...»

Фукуда вдруг почувствовал на себе чей-то пристальный взгляд и осторожно приоткрыл глаза. В нескольких шагах от него стояла радостно улыбающаяся Танима. Доктор вскочил. Он видел перед собой ласковые с поволокой миндалевидные глаза Танимы, и все остальное уже не было столь опасным, как несколько минут тому назад.

— Танима! — сказал он беря ее руки в свои. — Как ты попала сюда?

— Очень просто, мой друг! Шла за тобой, след в след, когда ты спешил к своему отвратительному старшему лейтенанту, и ждала тебя, пока ты не вышел от него. А дальше все то же — не отставала от тебя, когда ты направился в парк.

— Ты очень мила, Танима!

— О! Ты начинаешь мне говорить комплименты? Смотри! — шутливо погрозила она пальцем. — Но оставим это на после. Теперь же я прошу тебя рассказать, что ты делал у этого Рогге и о чем вы говорили.

Фукуда повторил девушке весь разговор, не пропуская ни малейшей подробности. Танима воскликнула:

— Это прекрасно! Ты просто молодец... Так обвести его вокруг пальца!..

— Хорошо, если так, — задумчиво ответил Фукуда. — Но у меня какое-то предчувствие, что все это не пройдет гладко..

— Не нервничай! Полиция все еще не может напасть на твой след. Так сказал секретарь...

— Вот его то я как раз и хотел повидать!

— Это невозможно. Секретарь запретил тебе до раскрытия лаборатории всякие встречи с ним и остальными товарищами.

Фукуда хотел что-то сказать, но Танима остановила его движением руки.

— Не сердись, Такео. Секретарь прав. Ведь американцы, наверно, захотят испытать тебя, может быть, даже будут следить за тобой.

Фукуда в знак согласия крепко пожал руку Танимы.

СРОК УДЛИНЯЕТСЯ НА ОДИН ДЕНЬ

Свидание с Рогге не состоялось. Когда Фукуда в назначенный день пришел в штаб, дежурный офицер ответил, что «шеф должен был срочно выехать», и подал конверт. В нем была записка, на которой Рогге в спешке нацарапал: «Извините, но срочно должен выехать. Ваши анкеты у полковника Кроссби, который и подпишет с вами контракт. Жду завтра в 10».

Когда Фукуда прочел листок, офицер сказал:

— Полковник Кроссби ждет вас.

Доктор пошел вслед за провожатым. «Кроссби? — вспоминал он, — Кроссби? Ага! Это, наверно, тот самый, с которым Рогге разговаривал по телефону. Видимо, в этой бактериологической организации он играет важную роль». Офицер открыл дверь в приемную.

— Полковник здесь? — спросил он у молодого лейтенанта, сидевшего за огромным столом.

— Он занят! — буркнул адъютант, но взглянув на Фукуду, добавил: — Гм!.. Вас кажется ждут. Пройдите!

Доктор вошел в кабинет. Представился, по-военному щелкнул каблуками и сказал, что из записки мистера Рогге узнал о...

— Да, да! — нетерпеливо прервал его Кроссби. — Я, действительно, ждал вас. Прошу садиться.

«Он кажется чем-то раздосадован!» — подумал Фукуда.

— К сожалению, не смогу обстоятельно поговорить с вами, — сказал полковник. — Я очень занят сейчас. Есть у вас дополнительные документы?

— Так точно! — Фукуда протянул полковнику несколько документов. — Это все, что у меня осталось, кроме имеющихся у вас.

Кроссби внимательно прочел бумаги, потом так же внимательно просмотрел анкеты Фукуды, уже вложенные в специальную папку. Наконец, он вытащил из стола большой бланк и протянул его доктору.

— Это договор, то есть я хотел сказать, служебный контракт.

— Я должен его подписать сейчас, сэръ?

— Да, вот вам перо.

Фукуда быстро прочитал пункты контракта, каллиграфически вывел подпись «Сасаки» и вернул бумагу Кроссби.

— Я надеюсь, что мы вами, а вы нами будем довольны... — буркнул полковник. — Старший лейтенант Рогге разъяснил вам характер работы?

— К сожалению, не очень. Обещал сделать это сегодня, но...

— Да, знаю. Рогге срочно выехал. Завтра вы детально поговорите с ним, — Кроссби стал машинально перебирать какие-то бумаги.

Фукуда понял, что аудиенция окончена и встал. Он уже хотел проститься, когда Кроссби неожиданно спросил его:

— Доктор Сасаки, во время войны вы кажется служили в Квантунской армии?

Фукуда почувствовал, что бледнеет. Вопрос был задан в упор, неожиданно. Мгновенно овладев собой, он ответил как можно почтительнее:

— Так точно, сэр! С вашего разрешения я указал это в формуляре, сэр.

— Не пришлось ли вам служить в «отряде № 731»?

— Увы, сэр! Я не удостоился этой великой чести, хотя и мечтал об этом,— Фукуда придал своему голосу оттенок крайнего сожаления,— я дослужился только до гарнизонного ординатора, сэр.

— Жаль,— вздохнул полковник.— Я думал, что вы можете помочь мне. Понимаете ли, мы уже долгое время разыскиваем одного бактериолога, который служил в этом отряде. Он нам нужен, очень нужен...— Кроссби стиснул кулаки — Очень!.. И мы никак не можем его разыскать...

— Может быть, вы назовете мне его фамилию, сэр. Возможно я знаю этого человека?

Нервы Фукуды были напряжены до отказа, но он ничем не выдал своего состояния. Сейчас, сейчас все станет ясным!..

— Фамилию? — в неопределенности замялся Кроссби.— А впрочем... Речь идет о некоем Фукуде... Такео Фукуда.

Доктор сделал вид, что он усиленно ищет в своей памяти такую фамилию, даже наморщил лоб.

— Фукуда,— повторил он задумчиво,— Фукуда... Мне кажется...

— Что-о? — полковник вскочил с места и перегнувшись в сторону доктора, всем телом налег на стол, глядя на него вытаращенными глазами.— Что?.. Вы знаете его?.. Да, говорите же, черт возьми!..

— Кажется, я встречал этого человека...

— Когда?.. После войны?..— сдавленным голосом прохрипел Кроссби.

— Сейчас, сейчас, сэр!.. Сейчас припомню... Ну да, конечно, после войны!.. Ах, ты! — он ударил себя по лбу.— Да ведь это было совсем недавно!

Вспомнил!.. Это было с месяц назад. Я встретил его...

— Где? — Кроссби в изнеможении опустился на стул.

— В Осака, сэр. Да, именно там... Мы, кажется, говорили о положении врачей и нашей профессии вообще, разговор был очень короткий. К сожалению, Фукуда не оставил мне своего адреса. Упомянул только, что постоянно живет в Осака. Больше я его не встречал — мы ведь очень мало знакомы...

Кроссби выскочил из-за стола и схватил Фукуду за руки.

— Я очень, очень благодарен вам, доктор! Вы даже не представляете себе, какую великую услугу оказали нам... Клянусь, я никогда не забуду этого!

Он проводил доктора до дверей кабинета, что с ним случалось крайне редко и снова крепко пожал руку мнимого Сасаки.

Фукуда вышел. Он торопился поскорее выбраться из этого дома, боясь, что не выдержит... «Нет, ничего подобного он не ждал! Этот американский полковник определенно не принадлежит к категории мудрых... Хотя... Это ведь их система! Он имел полное право ожидать, что кто-то из врачей знает Фукуду и конечно укажет им место его пребывания. Не его, Кроссби, вина, что Фукуда выступает не под собственным именем и что вопросы пришлось задавать... самому Фукуде! Нужно все это рассказать Таниме. Она, конечно будет смеяться до изнеможения!..».

Осторожно оглядываясь, доктор быстро шел домой. Танима обещала сегодня ждать его весь день. Еще раз оглянувшись и подождав некоторое время в подъезде, не появится ли какой шпик, Фукуда поднялся по лестнице. Он перескакивал сразу через

две ступеньки и вообще вел себя, как студент, устроивший приятелям забавную каверзу.

Открыв дверь, доктор остановился в изумлении — вместо Танимы в комнате сидел... секретарь! Фукуда обрадовался. Ведь они не виделись почти три недели. Оживленно жестикулируя, доктор рассказал о том, что произошло в кабинете Кроссби, совершенно забыв о тяжести всего пережитого. Секретарь посмеивался, но внимательно слушал и даже переспрашивал некоторые детали разговора. Когда рассказ был окончен, Фукуда еще раз огляделся по сторонам.

— А где же Танима?

Лицо секретаря потемнело.

— Ей пришлось уйти.

— Что-нибудь случилось? — беспокойно спросил Фукуда, чувствуя, что у него холодеют пальцы.

Секретарь утвердительно кивнул головой.

— А что именно? — уже не скрывая страха за девушку, снова спросил Фукуда.

— Танима сегодня утром встретила Косуке. Понимаешь? Вместо того, чтобы пройти мимо нее, Косуке остановился и спросил о тебе. Потом схватился, но было уже поздно. Парень забыл, видимо, что находится под неослабным полицейским надзором. Они быстро разошлись, но девушка очень наблюдательна и заметила, что за ней следят. Тогда она начала длительную прогулку по городу. И все время за ней шел шлик.

Убедившись, что она попала под наблюдение, Танима зашла в телефонную будку и позвонила мне. Ты сам понимаешь, что она уже не могла вернуться сюда. Именно из-за этого нелепого случая я и пришел. Мы опасаемся, что дом будет взят под надзор полиции. Кто знает, может быть, он уже находится в замкнутом кольце. Если тебя видели

с Танимой, то, конечно, тогда начнут интересоваться и твоей особой. На всякий случай тебе придется сегодня ночевать в другом месте.

— А Танима? — с болью вырвалось у Фукуды.

— Не дури! Танима никуда не пропадет. Проживешь один день без нее... А сейчас слушай. Через четверть часа после моего ухода спустишься вниз. Все бумаги, которые тебе кажутся нужными, дай мне — их нужно сохранить. Когда выйдешь на улицу, проверь: не следят ли за тобой. Если все благополучно, сразу же за углом найдешь такси. Запомни номер: 177206. Не спутаешь?

— Нет.

— Сядешь в это такси, и тебя отвезут на место, где ты пробудешь до назначенного свидания с Рогге. Предупреждаю: до этого часа не смей выходить из дома. Помни, что не о тебе одном идет речь — может пострадать общее дело...

— Я никуда не выйду. Даю слово.

— Отлично. Утром за тобой придет другое такси. Если ты поедешь с Рогге в лабораторию, то постарайся вернуться вместе с ним к зданию штаба. Там сядешь на такси номер 203114. Запомнил — 203114? Машина привезет тебя туда, где я и другие товарищи будем ждать. Напишем обо всем в нашу газету. А потом отвезем тебя в порт.

— Зачем? — вскочил Фукуда.

— Этого требует партия, — твердо сказал секретарь. — Мы должны сохранить твою жизнь и поэтому решили отправить тебя в безопасное место. Следовательно, остается только выполнять партийное решение и помнить о партийной дисциплине. Ясно?

— Да, товарищ секретарь. Уезжать мне будет тяжело... по некоторым причинам... но я безропотно подчиняюсь решению. Вы можете быть уверены, что Фукуда не подведет...

Секретарь подошел вплотную к доктору и положил ему на плечо руку.

— Мы все понимаем, Такео. Не надо нервничать. Ты увидишь, — улыбнулся он, — что партия поступает правильно. Ты еще будешь благодарить нас за эту поездку. Итак, помни обо всем, что я говорил тебе! До свидания! Ты понял, что успех теперь зависит от тебя самого?

Фукуда утвердительно кивнул головой. Дойдя до двери, оба крепко пожали руки друг другу, и доктор остался один.

Пройдя в соседнюю комнату, Фукуда с грустью оглядел ее. Это был уголок, где он прожил последние недели. Здесь он нашел не только уют и убежище. Здесь у него родилась любовь к девушке, за короткий срок ставшей ему родной и желанной... А теперь вот приходится расставаться и с этой комнатой, и с самым дорогим человеком.

Взгляд доктора остановился на фотографии Танимы, висевшей на стене. Он быстро снял карточку и спрятал ее в боковой карман пиджака. Пусть с ним останется хоть ее изображение.

Медленно спустившись по лестнице, Фукуда осторожно приоткрыл дверь подъезда и внимательно оглядел улицу. Напротив, у витрины, стоял какой-то человек. До сих пор доктору не приходилось встречаться со шпиками, но что-то подсказало ему, что незнакомец смотрит не на вещи, а на него. Фукуда с любопытством взглянул на этого человека... Нет, просто показалось... Человек, стоявший около витрины, скользнул по нему совсем равнодушным взглядом. «Я, кажется, в самом деле, стал чересчур нервным!» — недовольно подумал Фукуда и быстро пошел вперед.

Такси ожидало за углом. Садясь в машину, Фукуда машинально обернулся. Человек стоял уже не возле витрины, а на краю тротуара и, размахивая

руками, пытался остановить какую-нибудь машину. Фукуда захлопнул дверцу.

— Едем! И как можно быстрее. За мной следят.

— Гм! Это скверно, — произнес шофер. — Могут заметить номер. Придется сменить машину.

Они выехали на оживленную улицу. На ближайшей стоянке шофер остановил машину и выскочил.

— Ждите здесь! — коротко бросил он.

Не успел Фукуда продумать создавшуюся ситуацию, как рядом остановилось другое такси. В нем сидел тот же водитель.

— Пересаживайтесь, товарищ. Только раз-два, чтобы никто не заметил, — он с места дал газ. — Придется теперь покрутиться по городу, чтобы ни один шпик не мог выследить нас. А вы, товарищ, наблюдайте в заднее стекло, не гонится ли за нами какая машина.

Они действительно «крутили» по городу больше часа. Фукуда поглядывал назад, но ни одной машины за ними уже не было. Видимо, шпик потерял след.

...Машина внезапно остановилась. Они находились на почти безлюдной улице. На мостовой играли оборванные, худенькие ребяташки. Дома напоминали развалины заброшенной деревни. О, Фукуда хорошо знал эту картину — типичный рабочий район, обиталище горя, нужды и лишений...

— Вылезайте, товарищ! — сказал шофер. — В этом домике, — он указал на полуразвалившуюся хибарку, — переждете до утра. Идемте, я провожу вас. Там живет мой брат.

Они вошли в низкий домишко. В нос ударил запах подгнившей сушеной рыбы. Убогая обстановка помещения говорила сама за себя — нужда выпирала здесь из каждого угла. Двое ребяташек,

сидевших на корточках в углу на потрепанной цыновке, с любопытством, смешанным со страхом, уставились на вошедших...

КАНАДЗАВА НАПАДАЕТ НА СЛЕД

В то время, когда Фукуда рассказывал секретарю о своем разговоре с Кроссби, генерал Канадзава вел с полковником разговор по телефону. «Согласно лично мною полученных сведений, — Кроссби особенно подчеркнул «лично», — Фукуда поселился после войны в Осака». Кроссби хвастался Канадзава, что теперь-то он сдвинул дело с мертвой точки. Он уже дал полковнику Риуси необходимые указания. По мнению Кроссби, поимка Фукуды — дело нескольких дней.

Генерал слушал это хвастливое утверждение, едва сдерживая ярость. Окончив разговор, он положил трубку, дав волю своему бешенству. Если Кроссби действительно напал на след Фукуды, то все расчеты летят к черту! Тогда уже не придется отдать Фукуду непосредственно в руки Смита и нельзя будет выставить взамен некоторые личные требования...

Канадзава вынул из ящика стола большой конверт с несколькими густо исписанными листами бумаги. Это был его козырь в игре. Содержание этих бумаг можно оценить в несколько миллионов долларов... Тут собственноручные записи генерала Исии Сиро! Канадзава припрятал их в последние дни перед капитуляцией. В записях говорилось о способах улучшения массового производства бактерий и усовершенствования бактериологической бомбы. Да, за эти записи, которых теперь не было и у самого Исии, Канадзава мог бы содрать с американцев несколько миллионов долларов! Несомненно, они не поспешили бы — игра стоит свеч!..

Но... прежде всего нужен Фукуда! Этот может испортить все дело... Этого человека надо заполучить в свои руки, по крайней мере, за несколько часов до того, как его начнут допрашивать американцы. Нужно во что бы то ни стало дознаться от него, в какой стадии находятся сейчас производимые американцами исследования и кто ими руководит — это крайне важно! Можно бы обратиться с записками к Смигу, но... тогда придется поделиться барышом, а это не очень приятно для собственного кармана. Да и неизвестно, какую роль играет в этом деле Смит, что он знает.

Кто-то тихо постучал в дверь. Канадзава поспешно спрятал записки Исии и только тогда крикнул:

— Войдите!

Слуга доложил, что пришел Накава и настоятельно просит принять его.

— Пусть войдет.

Вошедший склонился в почтительном поклоне и тихо сказал:

— Могу ли начать речь, господин?

— А ты думал, что мне нужна лишь твоя морда? — гневно фыркнул Канадзава. — Говори и подробнее, что ты и твои люди видели или слышали. Садись!

Накава почтительно поклонился и сел. Сложил руки и, помолчав с минуту, начал тихим монотонным голосом:

— В Кобе я начал поиски Фукуды сам. Напал на одного врача-коммуниста. Узнал о нем много интересного. Соседи очень полюбили его. Они восхищены добротой этого человека. Говорили даже, что он был настоящим гуманистом...

Канадзава нетерпеливо стукнул ладонью по столу.

— Сейчас кончаю, господин! — поспешно отошел Накава. — Подумал я тогда, что это очень ин-

тересная и подозрительная личность. Узнаю дальше, что он внезапно исчез, целый месяц его уже нет в городе и никто не знает, где он!.. Ну я, конечно, собрался к нему в гости. Ночью. Однако, в его запертой квартире я не нашел ничего такого, что заслуживало бы внимания...

Генерал вскочил с места, дрожа от дикой злобы, внезапно охватившей его.

— Идиот! — заорал он. — Нужно было привезти что-нибудь из его стола — какую-нибудь бумажку, записки или хотя бы нож для разрезания книг. Это дало бы нам отпечатки его пальцев... Ведь там должно быть находились какие-то вещи?

— Сейчас отвечу, мой господин! — боязливо усмехнулся Накава. — На них могли быть следы пальцев десяти, а то и сотни людей. К чему бы они пригодились, эти вещи? Я поступил иначе: снова пошел в больницу и сказал, что этот доктор сын моей сестры, что я очень хочу его разыскать, но не помню как он выглядит, так как видел его только раз, когда он еще был мальчиком... Начал просить показать мне его фотографию... — Накава полез за пазуху, вынул карточку и с торжествующим видом протянул ее Канадзаве. — Вот она!

Генерал скрюченными пальцами жадно схватил фотографию. Округлившимися глазами он долго всматривался в изображенное на карточке лицо. Потом подошел к столу, открыл ящик и вытащил полоску бумаги. На ней сверху была приклеена фотография Фукуды, снятого в мундире подпоручика. Несколько минут Канадзава молча сравнивал оба снимка. Потом на его лице появилась довольная усмешка.

— Иди сюда, Накава! Взгляни — это один и тот же человек?

Накава подошел и, вытягивая шею, заглянул через плечо генерала.

— Один и тот же...— почтительно подтвердил он.— Но очень изменился. Выглядит, как старший брат вот этого...— он пальцем показал на фотографию подпоручика.

— Правильно, Накава, он самый! Он самый! — захохотал Канадзава.— Мало похож, но все-таки это он... Ну теперь-то ты не вырвешься!..— пробормотал генерал.— Я поймаю тебя, доктор Фукуда, непременно поймаю и вот этими руками вырву из твоей глотки все твои тайны!..

Генерал опомнился и замолчал. Накава молча стоял рядом, равнодушно глядя в окно. Канадзава покровительственно похлопал его по плечу.

— Молодец! Получишь награду!

Накава низко и почтительно поклонился.

— Но, не теперь. Сначала я должен увидеть его вот здесь, в этой комнате. Понимаешь?

— Найдем его, мой господин! — уверенно ответил Накава.— Теперь это уже не так трудно, как раньше...

По знаку Канадзавы он сел в углу, а генерал, не обращая на него внимания, занялся своими делами. Вошедшему офицеру он передал новую фотографию Фукуды и что-то написал на листке блокнота. Офицер вышел. Канадзава стал просматривать бумаги. Время летело быстро. Накава неподвижно сидел в углу, вперив взгляд в полуоткрытое окно. Он оживился только тогда, когда вошедший офицер принес пачку еще сыроватых копий новой фотографии Фукуды. Канадзава отодвинул в сторону бумаги и подозвал Накаву.

— Сколько тебе нужно?

— Ну... штук двадцать.

Генерал отсчитал двадцать снимков.

— А теперь спешить!.. Хотя подожди! Как фамилия этого доктора? Под каким именем он теперь

подвизался в Кобе? Его адрес? Ты забыл доложить мне об этом.

— Сасаки, мой господин. Улица Тацабиси, 9.

Канадзава записал фамилию и адрес в блокнот, дал это подписать Накаве и затем спрятал листок в карман.

— Теперь иди. Иди и помни: чем быстрее найдешь его, тем большую получишь награду!.. Ступай!

ЗВЕРИНОЕ БЕШЕНСТВО

Шпик, которого Фукуда заметил около дома Танимы, напал на его след случайно. Полковнику Риуси доложили утром, что с шофером Косуке встретилась какая-то девушка. Риуси приказал немедленно установить за ней наблюдение. Выяснилось, что девушка эта — Танима Хаяси, студентка медицинского института. В картотеке «красных», которую полиция вела по довоенному образцу, было записано, что Танима является, «деятелем союза молодежи, связанного с компартией». Правда, теперь принадлежность к компартии не оплачивалась жизнью, как перед войной, но все же картотеки существовали в предвидении «будущей необходимости». Одному из тайных агентов, случайно находившемуся в здании префектуры полиции, было приказано немедленно отправиться на место и взять под усиленный надзор квартиру Танимы. Выбор механически пал на шпика, который присутствовал во время памятной демонстрации токийских трудящихся на Императорской площади.

Агент занял выгодное место возле витрины магазина. Движение на улице было оживленным, шпик не привлекал к себе внимания. Вдруг он заметил, что из подъезда дома вышел человек. Это был секретарь районного комитета компартии. Шпик насторожился. Рассматривая в зеркале витрины отра-

жение подъезда, шпик раздумывал, что ему следует предпринять. Нужно, пожалуй, позвонить в префектуру и доложить полковнику о замеченном. Агент хотел уже направиться к ближайшему автомату, как увидел, что из подъезда вышел еще один человек. Лицо его показалось шпику знакомым. Однако он никак не мог сразу вспомнить, где видел его. Человек быстро повернул за угол. Шпик направился за ним. Когда тот обернулся, шпик вздрогнул. Все ясно! Это был человек, который произносил речь на Императорской площади... тот самый, которого так долго и безрезультатно ищут!.. Шпик даже вспотел, когда представил себе, какой триумф выпадет на его долю... О, он будет тем счастливецом, который схватит этого опасного коммуниста! Он один получит огромную премию, обещанную полковником Риуси!..

Шпик бросился догонять такси, увозившее коммуниста, но было уже поздно! Машина скрылась за одним из бесчисленных поворотов...

Шпик телефонировал в префектуру и в нескольких словах рассказал полковнику Риуси обо всем случившемся. Через несколько минут полиция вломилась в квартиру Танимы, но там никого не оказалось...

Вернувшись к себе, Риуси вызвал самых способных агентов и роздал им полученные от Канадзавы фотографии. При этом полковник коротко объявил, что задержавший Фукуду агент получит вдвое большую награду, против обещанной ранее. Шпики бросились в погоню, как стая ошалевших гончих...

Теперь Риуси уже мог дать приказ и об аресте Косуке. Это не составляло особых трудностей. На всякий случай, ввиду несостоявшейся поимки Танимы, Риуси приказал арестовать еще нескольких человек, встречавшихся с шофером. Офицер, которому было поручено заняться этим делом, нерешит-

тельно высказал полковнику свои опасения: какое основание выставить для ареста этих людей? Япония является страной правопорядка, в ней не принято сажать человека за решетку, не имея к тому повода...

Риуси снова пришел в ярость.

— Повод? Правопорядок? — заорал он на растерявшегося поручика. — Мы сами — правопорядок! Мы сами — повод!.. Я приказал арестовать, и все!.. А основание подбирайте сами... Кругом!

Поручик стремительно вылетел из кабинета.

* * *

Пыль клубами поднималась в воздух, въедалась в легкие, мешала дышать, засоряла глаза.

— Хоть бы улицу полили в такую жару, черти! — выругался Косукэ, вылезая из машины.

Во рту пересохло, хотелось пить. Увидев уличного продавца воды, пронзительным голосом зазывавшего прохожих, шофер остановился около него. Несколько человек окружило продавца, протягивая к нему руки с зажатыми в них мелкими монетами. Косукэ втиснулся в эту группу, пытаясь поскорее получить кружку воды: время не позволяло задерживаться больше двух-трех минут.

Внезапно Косукэ почувствовал, что кто-то рванул его за рукав. Одновременно за спиной раздался чей-то возглас:

— Что это за скотина толкается тут?

Косукэ удивленно оглянулся: за ним стоял какой-то пожилой японец. Шофер пожал плечами и отвернулся, торопясь получить кружку. Однако крик за спиной не прекращался:

— Эй, люди добрые — он ударил меня по лицу!

Некоторые из окружающих вступили в этот спор, старики начали сожалеть о падении нравов,

кто-то побежал за полицейским. Крикун снова дернул Косuke за рукав.

— Ты, хам, как смел меня ударить? Меня, почтенного человека, который молча и терпеливо ждет минуты, чтобы хоть каплей воды смочить пересыхающее горло?

Косuke резко отвел его руку и гневно бросил:

— Отвяжись от меня и не кричи! Никого я не трогал... А ну давай отсюда, пока цел!

Человек завопил благим матом, словно его зарезали. Косuke беспомощно оглянулся: те, которые не видели начала стычки, стали на сторону крикуна. Кто-то уже рассказывал собравшимся, как вот этот молодой парень в комбинезоне бил по лицу и даже таскал за волосы ни в чем неповинного пожилого человека, а теперь хочет ударить.

В эту минуту раздался пронзительный свисток полицейского, и «блюститель порядка», растолкав собравшихся, вплотную подошел к Косuke. Крикун разразился жалобами, что его избили — он пальцем показал на Косuke. Несколько человек поддержало крикуна. Полицейский посмотрел на Косuke и нахмурился.

— Вот этот? Знаем его!.. Известный хулиган! А ну пойдём со мной! — крикнул он Косuke и, обращаясь к крикуну, добавил: — И вас тоже попрошу — составим в участке протокол на вашего обидчика.

— Но я... — начал было Косuke, считая, что его принимают за кого-то другого.

— Молчать! — заорал полицейский. — В участке разберемся! Там с тобой поговорят, чертов сын!..

Все трое прошли сквозь расступившуюся толпу. Около тротуара стояла полицейская машина. «Блюститель порядка» молча показал на нее Косuke.

— Но тут стоит мой грузовик! — возмутился он.

Полицейский громко захохотал.

— Ого! Ты еще хочешь украсть чужую машину?.. Ну посмотрите, что за нахал, а! — добавил он, обращаясь к толпе.

Не ожидая ответа Косуке, он бесцеремонно втолкнул его в машину. Дверца захлопнулась...

* * *

Комната производила удручающее впечатление. Она была мрачной и длинной, вдоль голых стен протянулось несколько обшарпанных скамеек. В центре стоял одинокий табурет. В дальней узкой стене было пробито окно, закрытое грязной занавеской. Даже в солнечные дни оно пропускало мало света и едва освещало черный письменный стол, находившийся в двух шагах от барьера.

Слева от письменного стола был небольшой столик с пишущей машинкой. Справа стоял массивный шкаф, а возле него — небольшая потайная дверь. В нее-то и протиснулся сейчас генерал Канадзава.

Производивший допрос капитан и сидевший за машинкой сержант вскочили с мест и вытянулись в струнку, приветствуя своего начальника. Со скамеек, грохнув каблуками, сорвалось четверо дежурных полицейских.

Только один человек не обратил внимания на приход генерала — тот, кто сидел на табурете. Полицейский, стоявший за ним, ударил его кулаком.

— Встань, свинья! Не видишь — господин генерал вошел? — прошептал он.

Человек никак не реагировал ни на удар, ни на эти слова. Впервые он был арестован, впервые сидел в тюрьме, впервые его подвергали таким бесчеловечным пыткам. Методы японских полицейских «допросов» он знал только по книжкам и по рассказам очевидцев. И все-таки ему казалось, что он уже где-то видел такое. Но невыносимая боль заглушила в нем даже эту единственную мысль.

Невероятным усилием воли он заставил себя сосредоточиться, чтобы слышать и видеть окружающих сквозь яркочерную пелену, застилавшую опухшие от синяков глаза. До его сознания дошел только конец фразы:

— ...и ничего не хочет сказать.

Генерал встал, вышел на середину комнаты. С притворно-ласковой улыбкой на тонких садистских губах он приблизился к арестованному.

— Да ведь это же Косукэ! — деланно удивился Канадзава. — Товарищ Косукэ!..

Он еще раз всмотрелся в лицо сидевшего на табурете человека и сладким голосом продолжал:

— Очень, очень рад, что судьба столкнула меня с таким настоящим и преданным партии, высоко идейным человеком! Я давно уже мечтал встретиться с вами, приятель!.. Ну, что ж, — вдруг захохотал он, — лучше поздно, чем никогда! А, Косукэ?

Арестованный молчал. Стоявший за его спиной полицейский, не мигая, смотрел на генерала и не знал как поступить — то ли сейчас ударить Косукэ за его молчание, то ли сделать это потом, с «надбавкой».

— Ты, кажется, проглотил язык, Косукэ? Ну, ничего... Я тебе напомню всех твоих предков!.. Как долго продолжается опрос арестованного? — обратился Канадзава к капитану, стоявшему на вытяжку возле стола.

— Четыре часа, господин генерал!

— Так мало?! — притворно удивился Канадзава. — Стыдись, Косукэ! Я считал, что ты гораздо более вынослив, что ты сумеешь достойно представлять свою партию!.. Надеялся увидеть героя, а тут оказывается всего лишь немая и жалкая мумия, которая едва сопит после каких-то четырех часов допроса.. Стыдно! Твои товарищи выдерживали

значительно больше! Я не раз имел удовольствие разговаривать с ними. Увы! — с притворным сожалением улыбнулся он, — все эти беседы проходили только в такой обстановке.

Арестованный взглянул прямо в глаза Канадзава и вдруг, не выдержав, плюнул ему в лицо.

— Собака! Жандармский пес!..

Канадзава остолбенел. Потом хрипло крикнул растерявшимся полицейским:

— В камеру пять!.. На допрос!

Скрутив руки арестованному, полицейские вытолкнули его из комнаты. Генерал платком отер лицо. Офицер дал знак сержанту, чтобы тот вышел.

— Сейчас идем! — удержал его генерал. — Мы должны сломить этого мерзавца! Должны, понимаете, капитан?

Офицер почтительно склонился к уху генерала:

— Если вы позволите, господин генерал, то можно применить допрос «типа 3» — так называемое «водолечение»... — угодливо усмехнулся он.

— «Водолечение»?.. Да, это действительно хороший способ! Но позвольте, — генерал удивленно посмотрел на капитана, — откуда вам пришло в голову, что это допрос «типа 3»? Что это значит?..

— Простите, господин генерал, но вы, вероятно, забыли... Ведь это же ваше определение, содержащееся в старой инструкции по производству допросов...

ДВА СОВЕЩАНИЯ

Люди сидели, тесно прижавшись друг к другу, и внимательно слушали речь старого рабочего. В маленькой комнате собралось около тридцати человек. Многие были одеты в замасленные, пропитанные металлической пылью синие комбинезоны и рабочие куртки. Видимо, все эти люди явились сюда прямо с работы.

Седой рабочий, стоя в кругу собравшихся, говорил тихо, едва сдерживая рвущиеся наружу гнев и возмущение:

— Такова обстановка, сложившаяся в нашей стране, товарищи! Ее можно выразить в трех словах: нужда, голод и угнетение. Не буду повторять того, о чем сегодня говорили достаточно пространно, — о союзе между заграничными и внутренними врагами свободы. Вы на себе убедились, что японский империализм нашел достойного опекуна в империализме американском... Преступления тех, кто был разгромлен благодаря мужеству и стойкости свободных и счастливых советских людей, не были осуждены, и многие военные преступники не понесли должного наказания. Каждый сознательный японец, ненавидящий войну, приветствовал победу Советской Армии и надеялся на то, что виновники преступлений предстанут пред справедливым судом народа. Но американские бизнесмены взяли под защиту лакеев империализма. И мы теперь видим, как американцы берегут от народного гнева самых подлых военных преступников...

Старый рабочий говорил теперь громко, его слова падали резко и тяжело.

— Наша партия получила сведения о новом чудовищном преступлении. Его готовят на нашей земле американские оккупанты вместе со своими японскими марионетками. Эти враги человечества снова хотят ввергнуть весь мир в пучину несчастий и горя. Но мы, японские пролетарии, обязаны не допустить, чтобы наша страна опять стала очагом агрессии. Верно?

Раздались возбужденные возгласы:

— Верно! Не допустим!

— Надо действовать! Надо вскрыть эти махинации!..

— Говори, в чем дело?

— Спокойно! Я еще не могу сказать об этом. Несколько наших товарищей заняты раскрытием этого преступления. Им грозит смерть, но никто из них, я уверен, не задумается отдать свою жизнь, если это может спасти тысячи простых людей... В любую минуту партия может получить в руки достаточный фактический материал, разоблачающий преступников. И тогда нашей первейшей задачей будет немедленно поднять народ и направить его справедливый гнев против современных каннибалов. Мы должны...

Дверь открылась. Старый рабочий посмотрел в ту сторону. На пороге показался секретарь райкома. Отвечая на приветствия собравшихся, он быстро подошел к оратору и отвел его в сторону. Несколько минут они о чем-то оживленно говорили, поглядывая на остальных.

Вдруг на лице старика отразились гнев и удивление. Обернувшись к собравшимся, он хриплым от возбуждения голосом произнес:

— Товарищи, Ямада, секретарь центрального района, сделает сейчас экстренное сообщение.

Секретарь окинул собравшихся испытующим взглядом и тихо сказал:

— Я принес вам печальную весть, товарищи. Многие из вас знали нашего хорошего друга, старого доктора Матсумура. Этот товарищ умер...

По комнате пролетел вздох. Секретарь поднял руку.

— Товарища Матсумуру замучили насмерть в полиции!

Теперь уже не вздох, а ропот негодования прокатился по комнате. Кто-то вскочил в возбуждении и, сжав кулаки, бросил проклятие убийцам.

— Но на этом не кончаются преступления полиции. Я должен сказать вам, что во время последней демонстрации на Императорской площади было

арестовано несколько наших товарищей. Одному из них удалось бежать.

Американские оккупанты и наша полиция решили поймать бежавшего во что бы то ни стало, любыми средствами. Этот товарищ очень много знал о преступных планах империалистов. Однако власти так и не обнаружили следов бежавшего. Тогда полиция подвергла всех арестованных страшнейшим пыткам... Двое страдальцев умерло. Товарищ Матсумура был третьей жертвой полицейского произвола и зверств. Но и этого оказалось мало бешеным псам — сегодня арестовано еще пять наших товарищей. Несколько минут тому назад мы получили сведения об их судьбе. Среди них находится наш активный работник товарищ Косуке. Его подвергли нечеловеческим пыткам... — секретарь отер пот выступивший на лбу. — Вот все, что я хотел вам сообщить. Еще одно доказательство, что с приходом американцев ничего не изменилось и не изменится к лучшему. Все будет так, как и при Хирохито. И вот вам пример: генерал жандармерии Канадзава, этот людоед, который известен как палач не только японского, но и китайского народа, вместо сурового наказания за свои преступления... назначен начальником японской полиции! Кровавый пес и убийца возглавляет теперь кампанию по поимке бежавшего товарища и арестам подозреваемых.

В комнате поднялся шум. Все повскакали с мест, громко выражая свое возмущение. Старый рабочий напрасно пытался успокоить людей. Какой-то человек в порванной куртке обратился к своему соседу:

— Ты слышал? Он говорил, что все это дело рук Канадзавы. Этого дьявола у нас хорошо знают! — он скрипнул зубами. — Я уже один раз, еще перед войной, попал в его лапы. О, это отвратительное чудовище!.. Значит янки снова взяли его

на службу, чтобы он творил расправу над нами?.. Нет, они не дождутся этого!

— Товарищи, товарищи! Успокойтесь же!— кричал старый рабочий.— Я прошу говорить поочередно, чтобы мы могли выслушать каждого внимательно.

Первым встал человек в порванной куртке.

— Я ораторствовать не умею, но тут уж терпение лопается, и я скажу. Мы не можем позволить, чтобы полиция убивала наших товарищей и вообще кого бы то ни было.. Что это — довоенное время, что ли? Если так дальше пойдет, то они, пожалуй, и партию захотят ликвидировать!.. Полиция чувствует поддержку американцев и творит, что угодно... Но на то и есть мы, рабочий люд, чтобы ударить по этим кровавым лапам, напомнить им всем, что значит народ! Вот так!..

— Правильно!

— Хорошо сказал!

— Вот это дело!

Слова рабочего вызвали бурю одобрительных возгласов и рукоплесканий.

— Подождите, я еще не кончил! — крикнул он.— Надо быстрее что-то делать, так вот я и думаю, что лучше всего организовать большую демонстрацию. Прямо завтра... Надо объявить забастовку протеста и требовать освобождения наших товарищей, а Канадаву отдать под суд!.. И с ним вместе всех, кто отвечает за пытки и убийства...— Он помолчал и добавил: — вот и все. Больше пока ничего не скажу...

Снова в комнате раздались было крики, но по знаку старого рабочего все стихли. Поднялся еще один рабочий.

— Все это правильно, товарищи! Но сможем ли мы завтра же организовать большую демонстрацию, а тем более всеобщую забастовку? Где время,

чтобы подготовиться? А страна?.. Поддержит ли она нас, так вот, сразу?..

— Глупости ты говоришь! — запальчиво крикнул пожилой металлист. — Все пойдут за нами! Для чего у нас партийная печать?.. А что касается Токио, то здесь все можно организовать быстро. Нас тут около тридцати представителей с самых больших фабрик. Надо, чтобы товарищи сегодня же поговорили с активистами, рассказали им, в чем дело. А завтра утром собрать митинги... на месте, по фабрикам. И раскрыть людям все эти преступления полиции. Увидите, как нам ответят! Народ кипит гневом, он озлоблен действиями правительства и оккупантов. Наши люди не слепы, они видят, что творится вокруг...

Поочередно выступили представители с остальных предприятий. Они поддержали предложение организовать забастовку. Наконец, высказались все. Наступила тишина, и глаза собравшихся обратились к человеку в скромном синем костюме, вошедшему в комнату в разгар споров. Люди ждали именно его решения. Он встал.

— Ну что ж, план неплохой, хотя несколько и рискованный. Все же, как я полагаю, со стороны ЦК возражений не будет. Однако прошу запомнить, товарищи, что успех дела целиком зависит от вас. Надо приложить максимум усилий, чтобы он, этот успех, был обеспечен при любых неожиданностях...

— Не беспокойтесь — справимся!.. Давайте свое согласие, а мы не подведем!.. Довольно нам молчать!.. Надо, в конце концов, ответить этим палачам! — раздалась возбужденные голоса.

Представитель ЦК еще раз зорко всмотрелся в лица собравшихся и решительно рассек ладонью воздух.

— Хорошо, действуйте!

Через несколько минут в комнате остались только представитель ЦК, старый рабочий и секретарь центрального района.

— Ну как дела, товарищи? — спросил представитель ЦК. — Что предпринимаете завтра по известному делу?

— Поступим так, как вы советовали: поедем за машиной, в которой будет находиться Фукуда. Если с ним что-нибудь случится, то мы все же будем знать, где находится эта фабрика смерти.

— Правильно, — представитель ЦК на минуту задумался. — А как обстоит дело в полиции и американском штабе?

— Они все еще ничего не знают. Правда, Канадзава располагает некоторыми новыми данными о Фукуде, но на след его пока не попал. Поэтому-то они с Риуси и решили арестовать Косукэ. Надеются выжать из него недостающие сведения, — ответил секретарь.

— А вы как думаете, не проговорится Косукэ?

Секретарь резко ответил:

— Что вы!.. Косукэ? Нет! Я крепко верю в него.

Представитель ЦК одобрительно кивнул головой.

— Хорошо. Ну, а если кто-нибудь из людей Канадзавы захочет явиться к Рогге, когда у него будет находиться Фукуда?

— Тогда... — глаза секретаря сузились. — Тогда мы постараемся, чтобы он не вошел в здание!.. Впрочем завтрашняя забастовка и особенно демонстрация не очень-то позволят полиции заниматься Фукудой... Мы наделаем им столько хлопот, что они не только забудут о докторе, но и вообще окажутся не в состоянии предпринимать каких-либо розысков. Самым опасным для нас остается Канадзава. Но я уверен, что узнав о требовании рабочих отдать его под суд, и он больше будет думать о спасении своей шкуры, чем о поимке коммуниста.

— Ну что ж! — представитель ЦК пожал руку секретарю. — Желаю вам успеха! Все же прошу вас быть внимательным не только к другим, но и к себе лично. И не забудьте, что мы ждем от вас быстрой доставки сведений об этой фабрике смерти. Мы должны как можно скорее разоблачить новый бактериологический центр американских военных преступников. Наш долг открыть людям глаза на страшную угрозу миру!

ФАБРИКА СМЕРТИ

Сидя в углу жалкой халупы, Фукуда молча наблюдал за своими случайными хозяевами. Мужчина завязывал тесемки старых деревянных гета. По его очень морщинистому лицу трудно было определить возраст. Также трудно было определить возраст хозяйки. «Когда-то, — подумал Фукуда, — она, вероятно, была красивой девушкой». Это «когда-то» могло означать — восемь-десять лет назад, а может быть и больше. Каждый год, прожитый в ужасающей нищете, так состарил ее, что теперь она выглядела почти старухой.

На душе у доктора было беспокойно, тревога нарастала с каждым часом. «Удастся или не удастся?» — беспрестанно спрашивал он самого себя.

— Товарищ! — раздался вдруг тихий оклик. — Очнитесь, вы кажется задремали...

На пороге стоял вчерашний шофер.

— Пора!

Фукуда вскочил, почувствовав, что к нему возвращается уверенность и энергия.

...Машина набрала скорость. Ехали узкими улочками и переулками, удивительно похожими один на другой, и всюду видели одну и ту же картину страшной нужды и тяжелой доли рабочего люда.

Проезжая мимо какой-то фабрики, Фукуда заметил возле ворот толпу людей. Они были чем-то возбуждены. Раздавались выкрики и угрозы по чьему-то адресу. В отдалении, по тротуару, медленно прохаживалось несколько сильно вооруженных полицейских.

— Что тут случилось? — спросил Фукуда у шофера.

— Народ бастует. Скоро начнется большая демонстрация, — ответил шофер. — Я слышал, что она организована в знак протеста против зверств полиции. Американцы и полиция Канадзавы арестовали нескольких наших товарищей и замучили их до смерти. Эти псы, — шофер стиснул баранку руля, — пытаются людей так же, как и перед войной, словно за эти годы ничего не изменилось. Но мы напомним им, что то время прошло. Хватит с нас! Лбы им надо поразбивать, проклятым драконам!..

— Откуда у вас эти сведения о забастовке?

— Как откуда? — шофер пожал плечами. — «Акахата» писала об этом... Ох, если бы вы только видели эти полицейские морды! — вдруг рассмеялся он. — Как они бегали по всем киоскам, чтобы выловить нашу газету!.. А в киосках ничего нет! Все газеты уже на руках у людей... Говорят, — негромко добавил он, — что и завтра газету будут распространять только среди рабочих. Народ ждет каких-то очень важных известий...

Машина остановилась. Сдерживая волнение, доктор открыл и бросил быстрый взгляд в сторону входа в штаб. Перед зданием стояли усиленные патрули.

— Желаю успеха, товарищ! — прошептал шофер. — Буду ждать вас. Секретарь приветствует вас и тоже желает успеха.

Фукуда с благодарностью посмотрел на шофера.

Уже закрывая дверцу, шофер вдруг добавил чуть слышным шепотом:

— Одна известная вам девушка тоже шлет свой привет и просит передать, что ждет вас.

Пока слова эти дошли до сознания Фукуды, машина уже исчезла за углом.

Вход в здание загородил плечистый сержант в металлическом шлеме с буквами «МП», весь в ремнях, с большим пистолетом в желтой кобуре, прицепленной к поясу на самом животе.

— Куда? — грубо буркнул он.

Фукуда окинул его холодным взглядом, как бы удивляясь наглости сержанта, осмелившегося задержать его.

— К старшему лейтенанту Рогге!

— Ждать! — бросил сержант и скрылся в подъезде.

Доктор остался на тротуаре. Через несколько минут сержант вышел. Фукуда внимательно глянул в лицо возвращавшемуся: нет ли признаков тревоги?

— Прошу войти! — уже несколько мягче пробормотал сержант. — Мистер Рогге ждет вас.

...Фукуда задержался на пороге и громко повоенному приветствовал начальника отдела по расследованию антиамериканской деятельности. Рогге что-то пробормотал в ответ, продолжая бегать по кабинету. Так прошло несколько минут. Наконец, старший лейтенант остановился перед Фукудой.

— Извините, доктор. Сейчас едем!

Он закрыл письменный стол, пропустил Фукуду вперед и, уже выходя из приемной, бросил дежурному офицеру:

— Вернусь через два-три часа, Кларк. Номер телефона тот же, что и вчера, я буду там все время. Звоните только в случае крайней необходимости.

...Автомобиль выехал за городскую черту. По обе стороны шоссе неслись навстречу и потом исче-

зали позади белоснежные шапки яблонь. Рогге рассказывал что-то веселое, жестикулируя и временами раздражаясь громким хохотом. Фукуда машинально кивал головой и время от времени изображал на лице тень улыбки — слова Рогге не доходили до его сознания. Ехали долго, миновали еще один поворот, и доктор внезапно увидел цель своих многодневных поисков.

На огромном пустынном поле стояло несколько длинных, угрюмых, серых зданий. Они были окружены проволочным ограждением. За ним в некотором отдалении чернел высокий плотный забор. Через каждые три десятка метров вдоль ограды возвышались сторожевые башни, на которых располагалась охрана. На площадках вышек стояли спаренные пулеметы, а из-за ограды выглядывали длинные жерла зениток.

«Все так, как было и в Пинфане!» — подумал Фукуда.

Через распахнувшиеся ворота машина въехала во двор, провожаемая равнодушными взглядами американских солдат. Обстановка живо напомнила доктору «отряд № 731». Ясно, что и здесь была «особо запретная зона», охраняемая крупным воинским соединением.

Рогге и Фукуда вышли из машины.

— Тут находится лаборатория, в которой вы будете работать, — старший лейтенант показал рукой на ближайшее здание. — Идите прямо туда. Я бы не так скоро привез вас сюда, но Кроссби вы очень понравились, и мне было разрешено взять вас с собой. Наверно, вы оказали ему неплохую услугу?

Фукуда не ответил, и Рогге добавил:

— Ценю ваше молчание!.. Ну что ж, пойдете!

— В остальных домах помещается младший пер-

сонал и работники лаборатории? — спросил Фукуда, внимательно оглядываясь по сторонам.

Рогге рассмеялся.

— О нет! Охрана размещена во временных казармах. Здесь никто не живет. Все эти здания относятся к лаборатории. Но в каждом помещается самостоятельный отдел.

Фукуда понял, что задавать вопросов больше нельзя — можно возбудить подозрение Рогге. Доктору и так уже известно многое, дальше рисковать нельзя. Конечно, американцы построили свою лабораторию по образцу «отряда № 731». Нет сомнения, что в этом им помог Отомура. Из дальнейших слов Рогге доктор понял, что пока только идет оборудование лаборатории: видимо к массовому выпуску смертоносной «продукции» еще не приступали. Однако все здесь находилось в стадии последних приготовлений. По виду зданий нетрудно было догадаться, что они построены недавно. Похоже на то, что все это организовывалось поспешно, по чьему-то срочному приказу.

— Сейчас я вас представляю руководителю лаборатории, доктору Маото, — услышал Фукуда голос Рогге.

Они вошли в здание. Внешне оно ничем не отличалось от всех остальных. Внутри было так же, как и во всех других лабораториях мира: светлые высокие залы, длинные белые столы, стеклянные шкафы, полные инструментария и всяких приспособлений для производства анализов, столики с рядами пробирок и колб, подставки с химическими реактивами. Всюду чувствовался запах медикаментов и дезинфицирующих средств.

В некоторых залах работали одетые в белоснежные халаты американцы и японцы, в других не было никого. Фукуда вопросительно посмотрел на своего спутника. Тот ответил:

— У нас пока мало людей, мы только начинаем дело. К тому же не все еще приступили к работе. Но должен признаться, что нам действительно не хватает специалистов. Японские бактериологи не очень-то спешат идти работать к нам. Есть еще люди, которые не понимают, что мы самые верные друзья Японии...

Он толкнул двери с надписью «Вход воспрещается» и пропустил Фукуду вперед.

— Вот и наш руководитель!

Фукуда увидел знакомую ненавистную физиономию и сверлящие глаза, спрятавшиеся за большими стеклами в толстой черной оправе. Инстинктивно стиснул кулаки.

— Позвольте, господа, познакомить вас! — сказал Рогге. — Доктор Сасаки, наш новый сотрудник. Доктор Маото, руководитель лаборатории.

Фукуда церемонно поклонился. Маото ответил таким же поклоном, одновременно зорко осматривая гостя.

— Я где-то встречал вас, коллега?

— О, да! — быстро ответил Фукуда. — Я имел честь видеть вас, дорогой коллега, в Кобе.

— Совершенно верно, именно в Кобе. К сожалению, не помню подробностей нашей встречи. Кажется, это было...

— Может быть, доктор Маото в нескольких словах объяснит новому сотруднику его обязанности по работе? — нетерпеливо перебил Рогге, которому была не по душе японская церемония знакомства.

Маото чуть сощурил глаза, но ничего не ответил, и любезно улыбаясь, пригласил Фукуду войти в следующее помещение. Это был просторный зал, выложенный разноцветными плитками самых мягких тонов и тесно заставленный сложным оборудованием.

— Прежде всего, дорогой коллега... — начал Маото.

Фукуда осмотрелся. Зал в точности напоминал лабораторию Отомуры, знакомую еще по Пинфаню. На среднем столе находился длинный ряд пробирок. На них так же, как и тогда, в «отряде № 731», стояли номера. Фукуда взял одну из них. В пробирке колыхнулась мутная жидкость.

— «0,78»? — удивился он. — Что это значит?

— Это вирусы нового вида бактерии, — самодовольно усмехнулся Маото. — Я сам взрастил ее. Смеею вас уверить, дорогой коллега, что это бактерия необычайной силы — равной нет во всем мире.

— «0,78»... — задумчиво произнес Фукуда, чувствуя, что сердце начинает бешено колотиться в груди, а руки покрываются потом.

В это время на столе задребезжал приглушенный звонок, и на щитке, укрепленном около двери, вспыхнула красная лампочка. Рогге обратился к своим собеседникам:

— Это, наверно, меня. Я на минутку выйду к телефону и сейчас же вернусь.

Фукуда внутренне содрогнулся. А что если этот звонок связан с его приездом сюда — в самое тайное логово врага?.. По спине пробежал неприятный холодок, но огромным усилием воли доктор овладел собой.

Отомура-Маото как раз заканчивал объяснение, каких трудов потребовало выращивание бактерии «0,78» и какое огромное значение для науки может иметь его открытие.

— Дорогой коллега, — внезапно перебил его Фукуда, — у меня к вам огромная просьба!

Отомура удивленно и недовольно посмотрел на него. Не в японском обычае было так нетактично перебивать начальника. Видимо, этот новенький считает себя здесь на равных правах с ним, самим

Маото... Ну что ж — посмотрим! Этот протеже Кроссби еще сумеет убедиться, кто тут старший...

— Я слушаю вас! — сухо ответил Маото.

— У меня есть небольшая домашняя лаборатория, высокочтимый профессор, — заметив недовольство Маото, почтительно продолжал Фукуда, стараясь придать своему голосу самый любезный тон, — я храню там различную бактериальную флору. Я был бы осчастливлен вашей благосклонностью, если бы вы снизошли к моей покорной просьбе... — он почтительно поклонился. — В память этой высокой чести, которой я удостоился сегодня, увидевшись с вами, мне хотелось бы получить образец вашего выдающегося достижения. Ведь это же... — он замолк, как бы не найдя слов выразить свое восхищение открытием Маото.

Польщенный Отомура обнажил желтые зубы в хищной улыбке.

— О, я понимаю вас, коллега!.. — он покровительственно похлопал Фукуду по плечу. — Никогда никому не дал бы этого, но о вас я получил такие блестящие отзывы полковника Кроссби, моего личного друга, — многозначительно подчеркнул он, — что не могу отказать вам, тем более, что нам предстоит работать в тесном содружестве... Вот, возьмите! Но, помните о подписке, которую вы дали: мы обязаны хранить величайшую осторожность.

Он вынул из стола и протянул Фукуде маленький, герметически закрытый металлический цилиндр.

— Здесь достаточное количество бактерий «0,78».

Фукуда взял цилиндр и, снова поклонившись Маото, спрятал подарок в нагрудный карман.

— Благодарю вас, дорогой коллега. Это мне очень, очень пригодится.

Вошел Рогге. По его лицу Фукуда понял, что разговор по телефону был важным и тревожным, но не касался его.

Рогге обвел обоих японцев рассеянным взглядом и глухо произнес:

— Доктор Сасаки, не хотите ли вы остаться здесь на некоторое время? Я, к сожалению, должен немедленно выехать в Токио. Есть очень важные и неотложные дела. Доктор Маото окажет вам необходимое гостеприимство.

Фукуда с трудом изобразил вежливую улыбку.

— О нет! Я не могу злоупотреблять любезностью такого маститого ученого — это было бы неуважением к нему. Я поеду вместе с вами, мистер старший лейтенант. Я и так сверх меры обязан доктору Маото, — он еще раз почтительно поклонился в сторону последнего. — Ум мой обогатился сегодня очень многими нужными познаниями, и я бесконечно благодарен профессору за все, что он рассказал мне. Я не смел даже мечтать о...

— Ну, и хорошо! — нетерпеливо перебил Рогге. — Значит, мне не придется скучать в дороге. А остальное, что вы хотели узнать, придет во время практической работы... Едем! Гуд бай, доктор Маото!

Быстро простившись, они сели в машину, выехали на шоссе и помчались к городу. Разговор не клеился. Рогге был слишком возбужден, а Фукуда напряженно думал о том, как ему поскорее освободиться от своего спутника. Поэтому три часа пути для каждого растянулись по крайней мере на сутки.

...Машина неслась по городским улицам. Время от времени приходилось замедлять движение ввиду заторов и скоплений автомобилей, повозок, тележек. На одном перекрестке машину остановил старший сержант «МП». Заглянув в кабину, он козырнул и доложил Рогге, что дальше придется ехать по измененному маршруту: только полчаса назад удалось оттеснить демонстрацию от здания штаба.

Теперь она движется как раз по тем улицам, по которым нужно ехать начальнику.

Рогге злобно выругался и приказал водителю свернуть в боковой переулок. Едва они проехали несколько метров, как Фукуда заметил, что их обгоняет такси, ведомое вчерашним шофером. Доктор успел заметить легкий кивок товарища. Такси проехало несколько десятков метров и остановилось. Фукуда понял. Сделав вид, что вспомнил нечто очень важное, доктор дотронулся до руки Рогге.

— О, чуть не забыл! Тут недалеко живет один мой приятель, с которым мы уговорились встретиться сегодня. Я, пожалуй, сойду здесь!

— Пожалуйста! — буркнул Рогге. — Но я хотел бы условиться насчет одного дела. Речь идет о розыске этого Фукуды.

— Ах, вот оно что! — рассмеялся доктор. — С превеликим удовольствием исполню вашу просьбу. Я думаю, что это удобнее всего сделать вечером, — он посмотрел на часы, — скажем, в семь. Мистер старший лейтенант будет на месте?

— Да, я буду ждать вас.

Машина остановилась.

— Итак, через три часа, господин старший лейтенант! — повторил Фукуда. — Возможно, что к этому времени вы будете знать все!

Рогге поднял руку в знак приветствия, и машина умчалась. Подождав с минуту и зорко осмотревшись вокруг, Фукуда подошел к такси. Шофер открыл дверцу.

— Быстрой, друг! Как хорошо, что вы меня поняли, — сказал он Фукуде. — Здание штаба окружено шпиками и полицией. Я очень боялся, что если вы подъедете туда, кто-нибудь из шпииков опознает вас...

Генерал Канадзава ждал возвращения Рогге в его приемной. Тщетно пытаюсь овладеть собой, он нервно ходил по комнате и беспрерывно курил папиросу за папиросой.

Стук двери вывел его из состояния напряжения. Забыв, что он, а не Рогге является генералом, Канадзава вытянулся. Саркастически улыбаясь и ладонью отирая со лба пот, Рогге пригласил Канадзаву в кабинет и сам плотно закрыл дверь.

— Вы стали знаменитостью, генерал! — нервно захохотал он. — Большой знаменитостью! Ваше имя гремит на улице, повторяемое тысячами глоток...

— Пусть ад поглотит такую славу! — оскалил зубы, прошипел Канадзава. — Дьяволы!... Но не только я стал таким известным, — добавил он после минутного молчания. — Эти мерзавцы также вспоминают и о моих американских друзьях. Я не более известен, чем генерал Смит, не говоря уже о... — Канадзава протянул Рогге смятую газету.

Старший лейтенант внезапно встал.

— Вы забываете, господин генерал, — холодно прервал он Канадзаву, — что ваше имя значительно более известно вашим соотечественникам и легче выговаривается ими. Ваши земляки не очень обрадованы тем, что вы снова работаете в японской полиции... Ну что ж! — он пожал плечами. — Мы, американцы, являемся настоящими, природными демократами. Мы уважаем волю народа, а раз народ говорит, что вы...

— Одну минутку, господин старший лейтенант! — едва сдерживая дрожь, перебил Канадзава. — Я пришел сюда по более важному делу.

— Догадываюсь по какому, — сухо ответил Рогге. — Очень сожалею, но я не уполномочен удовлетворить вашу просьбу. Впрочем, насколько мне

известно, полковник Кроссби собирается вызвать вас завтра, после своего возвращения из командировки. Вы, конечно, понимаете, что я...

Канадзава через силу улыбнулся.

— Но вы, вы же являетесь правой рукой полковника Кроссби. Вы сами не раз говорили мне об этом. Полковник считается с вашим мнением во всех делах. Поэтому я и решил обратиться к вам, не ожидая возвращения полковника.

— Гм! — недовольно пробормотал Рогге, снова усаживаясь в кресло. — Сомневаюсь, чтобы я мог оказаться вам чем-нибудь полезным, господин генерал.

— Я пришел не с пустыми руками, господин старший лейтенант! — многозначительно сказал Канадзава.

— Ого! — деланно гневно вскрикнул Рогге. — Уж не собираетесь ли вы подкупить меня?!

— Что вы!.. Я понимаю, что есть дела, в которых несколько тысяч долларов не играют никакой роли. У меня есть предложение, более конкретное и важное, несомненно могущее заинтересовать американское командование. Речь идет о Фукуде.

Наступило молчание. Они поглядывали друг на друга, пытаясь каждый проникнуть в мысли другого. С лица Рогге исчезла ироническая улыбка. На физиономии Канадзавы не дрогнул ни один мускул.

— Я слушаю вас, генерал! — наконец, отозвался Рогге.

Канадзава встал. Медленным движением он растегнул пуговицы мундира и вынул из внутреннего кармана белый конверт. Рогге сторожко наблюдал за каждым его движением. Генерал не спеша достал из конверта фотографию и молча положил ее на стол. Рогге взял карточку и внимательно рассмотрелся в изображение. Лицо его моментально изменилось.

— Кто... кто это? — прохрипел он.

— Это Фукуда. Разыскиваемый нами Такео Фукуда, скрывающийся ныне под фамилией доктора Сасаки... — поспешно ответил Канадзава.

— Сасаки?! Сасаки? — машинально повторил Рогге, нервно вертя в руках фотографию, — Фукуда? Сасаки?... — и вдруг закричал в бешенстве. — Откуда?.. Как это попало вам в руки?

Канадзава удивленно поднял брови и поморщился.

— Я получил ее от своего агента.

— Когда? — рычал Рогге. — Когда?!!

Он выскочил из-за стола и, схватив Канадзаву за плечо, в бешенстве замахал перед его лицом скромканной фотографией.

— Вчера! — злобно прошипел Канадзава, пытаясь освободиться от цепкой лапы Рогге.

— Идиот!!! — в бешенстве завыл Рогге. — Проклятый идиот! Почему не показал мне этого раньше?.. Вчера!.. — он зашатался, как пьяный, и едва добрался до стола. — Почему не вчера?!! — Рогге обеими руками схватился за голову. — Что мне теперь до Фукуды?! Поздно!.. Слишком поздно!

— Почему поздно? — растерянно пролепетал Канадзава.

— Он уже знает... — простонал Рогге. — Он уже все знает! Я сам показал ему, сам рассказал обо всем...

Американец дико взглянул на генерала, и лицо его стало багровым от бешенства. Сорвавшись с места, он подбежал к селектору и стал отдавать приказания о боевой тревоге. Канадзава стоял рядом, растерянный и недоумевающий, не понимая, что творится вокруг него.

— Идиот!! — снова прорычал Рогге, бросая трубку на стол. — Старый гиппопотам!..

Он выбежал из кабинета, растоптав по дороге фотографию Фукуды и на ходу бросая приказы встревоженным офицерам...

ГРОМ СРЕДИ ЯСНОГО НЕБА

Толпа увеличивалась с каждой минутой. Из всех улиц на площадь вливались все новые и новые потоки людей. Шли мужчины и женщины, старики и дети, здоровые и калеки. Казалось, что весь Токио собрался на демонстрацию. На лицах людей был написан неукротимый гнев. Кулаки — заскоруждые и узловатые — зловеще поднимались то тут, то там. Они грозили врагу. Хриплые возгласы тысяч людей обвиняли правительство в чудовищных преступлениях против народа.

Из рук в руки передавались газеты с огромными кричащими заголовками.

— Это страшно! — шептала какая-то женщина, инстинктивно прижимая к груди, завернутого в лохмотья ребенка. — Это страшно!.. Чума... Смерть...

Посреди площади вдруг взвился алый стяг. Он затрепетал на ветру, и его полотнище широко распростерлось над толпой. Буря восторженных криков приветствовала появление этого символа свободы и независимости рабочего класса. Воздух задрожал от громовых рукоплесканий сотен тысяч людей.

— Сестры и братья...

Голос человека, поднявшегося на трибуну, звонко разнесся над толпой. Люди примолкли.

— Сестры и братья! Мы собрались здесь, чтобы выразить свое возмущение убийцам, которые готовят страшную гибель миллионов людей. Мы — жители Токио, сотни тысяч трудящихся — собрались сегодня, чтобы решительно заявить заокеанским и

японским сеятелям чумы — мы не хотим войны!
Мы не допустим распространения эпидемий!

Толпа грозно зашумела. По огромной площади пронеслось, как шквал: «Не хотим!», «Не допустим!». Едва крики замолкли в одном конце площади, как новые возникали в другом и волной катились к трибуне, подхватываемые сотнями тысяч возбужденных голосов. Секретарь подождал, пока затихли последние возгласы, и продолжал:

— Да, мы не хотим войны! И мы не позволим превратить Японию в новый очаг агрессии, в опытное поле для испытания чудовищного оружия военных преступников. Им мало Америки, они и у нас хотят производить чуму! Не будет этого! Мы видим и должны предотвратить эту чудовищную опасность!..

Новая волна криков прокатилась в ответ и загремела над площадью:

— Не допустим!..

— Янки, домой!

Эхо возгласов летело через площадь, проникало в дома, разносилось по улицам, забитым людьми. Оно стократ повторялось всюду, где народ лихорадочно читал страшное сообщение, опубликованное в «Акахата» и многих прогрессивных газетах.

* * *

Машина мчалась. Полковник Кроссби дремал, развалившись на мягком сиденье. Он был удовлетворен поездкой.

Кроссби возвращался с тайной конференции американских и японских промышленников, в которой он принимал участие от имени вооруженных сил США. Конференция, правда, затянулась и закончилась только сегодня ночью, но какое это имеет значение, если удалось уладить столько важных вопросов? Японцы сначала ершились и держались в стороне,

особняком. В этом тоже нет ничего удивительного — конечно им не улыбалась перспектива делиться своими прибылями с американскими бизнесменами. Однако они сдались перед лицом аргументов, выдвинутых пришельцами из-за океана. Да, они хорошо понимают, что коммунистическое движение (так Кроссби называл любое сопротивление капитализму) ширится в Японии с катастрофической быстротой. Японцы прекрасно понимают, что без помощи Америки вся их империя разлетится, как карточный домик. Новый, коммунистический Китай, выбросивший вон самого Чан Кай-ши, достаточно хороший аргумент в пользу этого утверждения!.. Поэтому, после длительных споров и торгов, согласие было достигнуто по всем вопросам. Кроссби даже удалось под шумок добиться неплохих прибылей для своей фирмы.

В полудремоте он обдумывал содержание письма, которое завтра же пошлет брату. Полковник был доволен и горд собой. Еще бы! В противовес мнению своих друзей, сомневавшихся в его способностях, он сегодня сумел очень дипломатично обвести японцев вокруг пальца...

Машина въехала в район городских вилл, где находился и особняк Кроссби, переданный ему японскими властями в личное пользование. Вылезая из машины, полковник заметил усиленные патрули, охраняющие офицерские дома, но был настолько утомлен, что даже не заинтересовался этим. К тому же в голове Кроссби стоял легкий шум — следствие нескольких рюмок, выпитых за ужином.

Добравшись до спальни, полковник с помощью слуги быстро разделся и завалился в постель.

Ему снился Нью-Йорк. Вот он, Боб Кроссби, выступает как вице-президент фирмы на заседании правления... Как раз в тот момент, когда

Кроссби докладывал почтенным бизнесменам о росте прибылей, вызванных расширением сети бактериологических центров, раздался звонок. Полковник бессознательно открыл глаза. С минуту остатки сновидений боролись в нем с явью, затем Кроссби пришел в себя и потянулся за сигаретой, досадуя на то, что приятный сон был так короток. Однако сигарету закурить не удалось — внизу, у входных дверей, снова тревожно задребезжал звонок.

— Кого там черти несут по ночам! — недовольно заворчал Кроссби.

По лестнице протопал ординарец. Полковник приподнялся на кровати, все еще держа незакуренную сигарету. Внизу хлопнули двери, послышался чей-то знакомый сердитый голос и тяжелые шаги по легким деревянным ступенькам. Кроссби повернул выключатель, и яркий свет люстры осветил спальню. На минуту пришлось зажмурить глаза. Когда полковник открыл их, на пороге уже стоял генерал Смит.

Кроссби собрался встретить его недовольным брюзжанием за ночной визит, но взглянув в лицо генерала, рывком вскочил с кровати.

— Что случилось, Смит? — в страхе спросил он.

— Ты что, ничего не знаешь?!

Генерал протянул полковнику сложенную вчетверо газету и злобно прохрипел:

— Прочитай! Это полезно для тебя, дуралей!.. Прочитай! Ты ведь знаешь японский...

Кроссби схватил протянутую газету и жадно впился глазами в заголовки, напечатанные жирным шрифтом. По мере чтения нижняя губа его отвисала, а руки начали дрожать. На мгновение Кроссби оторвался от чтения и бессмысленно посмотрел на Смита, потом снова приник к газете.

Заголовки били по сознанию, как удары исполнинского молота:

«ЧУДОВИЩНЫЙ ПЛАН
ВРАГОВ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»

«РАСКРЫТИЕ УЖАСАЮЩИХ ЗАМЫСЛОВ
ПОДЖИГАТЕЛЕЙ НОВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ!»
«АМЕРИКАНСКИЕ И ЯПОНСКИЕ ПРЕСТУПНИКИ
ГОТОВЯТСЯ К БАКТЕРИОЛОГИЧЕСКОЙ ВОЙНЕ»

Под этими заголовками, на всю полосу шла большая статья.

«Взбесившимся поджигателям снится новая война. Охваченные сумасбродной идеей покорения мира, напуганные ростом сил лагеря мира во всем мире, они лихорадочно ищут новых видов оружия массового истребления людей, новых способов уничтожения человечества.

Народы Советского Союза разоблачили атомных шантажистов и пригвоздили к позорному столбу тех, которые хотели повторить людоедское преступление, сотворенное в Хиросиме и Нагасаки.

«Секрета» атомной бомбы уже не существует. Монополия США на это оружие уничтожена заявлением СССР. Люди великой страны Советов уже используют атомную энергию для мирных целей, несущих счастье и благоденствие всем народам. Стокгольмское воззвание было для атомных безумцев грозным предостережением, обращение Всемирного Совета Мира должно заставить их отступить. Однако вконец обезумевшие поджигатели новой бойни не останавливаются ни перед какими преступлениями. Теперь они спешно готовятся к чудовищной бактериологической войне. Эта опасность очень реальна, и нужны решительные меры всех честных людей.

Японский народ проклинает имена таких презренных убийц как Хирохито, Вакамацу и Сиро Исии,

но американские и японские капиталисты славят и чтут этих людоедов...»

Дальше шло подробное описание фабрики смерти — лаборатории, руководимой Отомура-Маото. Указаны были имена всех руководящих лиц и их прошлые преступления. Несколько раз повторялись имена Смита, Кроссби и Рогге.

Руки полковника задрожали сильнее, и газета упала на пол. Он стоял онемевший, трусливо дрожа от страха за свою судьбу. В смятой пижаме, с копной спутанных волос — он выглядел отвратительно. Глаза его с ужасом смотрели на Смита.

— Что... что же теперь... будет? — простонал он.

Смит грязно выругался.

— Все из-за тебя, чертов осел! Не мог схватить этого Фукуду во-время!... А в общем — мне теперь до тебя нет никакого дела!.. — он снова яростно выругался. — Ты будешь выброшен на помойку, идиот!.. Но наши планы, — он сжал кулаки и замахал ими перед лицом Кроссби, — из-за тебя, проклятая свинья, наши расчеты на бизнес рухнули... Знаешь ли ты, идиот, что мы вынуждены были в спешке, за несколько часов, перенести центральную лабораторию?.. А здание нам пришлось лик-ви-ди-ро-вать, понимаешь? Чтобы замести всякие следы!.. О, сколько это стоит, годдэм!

Кроссби упал на кровать, чувствуя, что у него отнимаются руки и ноги. Стуча зубами и едва удерживая неповинуящимися пальцами стакан, он судорожно выпил несколько глотков воды. Смит нервно бегал по комнате и время от времени сыпал проклятия на голову Кроссби и «разных других идиотов»...

— Вторично создать такой центр здесь не так легко и не дешево. Понятно это тебе, дурак?.. — злобно прошипел Смит. — Сегодня все меньше и меньше становится таких мест на свете, где мы

могли бы чувствовать себя в полной безопасности. Мы живем на вулкане, а из-за тебя наступило еще одно извержение грозной лавы... Понимаешь ли ты, что это значит? Я скажу тебе, осел. Это значит, что все ближе и ближе тот день, когда наступит последнее извержение и красная лава зальет нас, сметет с лица земли!

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Волнение в полиции	3
Человек, который бежал из автомобиля	17
Полковник Кроссби начинает розыск	23
Рассказ Фукуды. Человек становится машиной	36
В „машине“ пробуждаются мысли	45
Человек начинает действовать	57
Последний ночной аккорд	64
Охота за человеком продолжается	78
План Фукуды	85
Те, кто создает бактерии	94
В логове взбесившихся волков	113
Срок удлиняется на один день	121
Канадзава нападает на след	129
Звериное бешенство	133
Два совещания	139
Фабрика смерти	147
Гром среди ясного неба	161

Редакторы *Ковалевская Т. П.* и *Дурново Л. А.*

Художник *Балашов Г. А.*

Технический редактор *Захарова Н. П.*

Корректор *Рогунова Л. А.*

Г92184.

Подписано к печати 19.7.52.

Изд. № 1/6150.

Формат бумаги 70×92¹/₂ — 2,625 б. л. = 6,142 п. л.

6,819 уч.-изд. л.

Зак. 308.

Номинал — по прейскуранту 1952 года

1-я типография имени С. К. Тимошенко

Управления Военного Издательства Военного Министерства СССР

Цена 1 р. 70 к.